

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ

В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ISBN 978-5-89697-290-7

9 785896 972907

**Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Институт социологии
Кубанский государственный университет**

**Экстремальность и экстремизм
в социальных практиках
российской молодёжи**

Монография

Москва–Краснодар
2017

УДК 316.334.52
ББК 60.54
Э 41

Публикуется по решению Учёного совета ФНИСЦ РАН

*Монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Проект РНФ № 15-18-00038
«Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном
регионе: прогнозирование и профилактика»*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *Г. Х. Азашиков*,
д-р филос. наук, проф. *В. В. Шалин*,
нач. отдела по взаимодействию с институтами гражданского
общества УИ ОС ГУ России по Краснодарскому краю *С. Ю. Любин*

Авторский коллектив:

В. В. Брюно (гл. 5-7), Е. А. Войнова (гл. 9), Г. Г. Донцова (гл. 8),
М. С. Ковалева (гл. 8), К. В. Овчарова (гл. 2, 3), А. А. Остапенко (гл. 12,
13), М. Е. Позднякова (введение, гл. 5-7), М. Г. Рудаков (гл. 10),
Л. Н. Рыбакова (гл. 5-7), Л. М. Чепелева (гл. 1-3), Е. В. Шульгина (гл. 4),
Т. А. Хагуров (введение, гл. 1, 8, 11, 13, заключение)

Э-41 Экстремальность и экстремизм в социальных практи-
ках российской молодёжи / [В. В. Брюно и др.]; отв. ред.
Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова. – М.: ФНИСЦ РАН, Краснодар: Ку-
банский гос. ун-т, 2017. – 340 с.
ISBN 978-5-89697-2907

В монографии обобщаются результаты исследований, посвящен-
ных проблемам молодежной экстремальности, экстремизма и межэт-
нических отношений в молодежной среде, проведённых учеными Ин-
ститута социологии ФНИСЦ РАН и Кубанского государственного уни-
верситета. Монография адресуется социологам, психологам и педаго-
гам, а также всем специалистам, интересующимся проблемами деви-
антного поведения подростков и молодёжи в современной России.

ISBN 978-5-89697-2907

УДК 316.334.52
ББК 60.54

© Коллектив авторов, 2017
© ФНИСЦ РАН, 2017
© Кубанский государствен-
ный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Раздел I. Проблема экстремизма в исследованиях зарубежных и отечественных учёных	14
Глава 1. Научные центры, изучающие экстремизм	15
Глава 2. Отечественные учёные о проблемах экстремизма	20
Глава 3. Экстремизм и радикализм в публикациях зарубежных учёных	32
Глава 4. Опыт некоторых зарубежных исследований экстремального поведения молодёжи	45
Раздел II. Экстремальность: «входные ворота» молодёжного экстремизма»	60
Глава 5. Молодёжная экстремальность, преступность и экстремизм: методологические рамки эмпирических исследований	60
Глава 6. Молодёжная преступность как крайний полюс экстремального поведения	70
Глава 7. Социальный портрет «экстремального подростка»: ценности, семья и социальное окружение	73
Раздел III. Молодёжный экстремизм в полиэтничном регионе (опыт эмпирического исследования)	161
Глава 8. Межнациональные конфликты и протестные настроения в молодёжной среде полиэтничного региона	161
Глава 9. Кубанская молодёжь: неопределённость и напряжение, консолидация на фоне угроз и желание вернуться к традиционным ценностям	209
Глава 10. Новые и нетрадиционные религиозные движения в поликонфессиональном регионе: причины возникновения, перспективы	224

Раздел IV. Методология и методика воспитательной работы с молодёжью в сфере профилактики экстремизма	271
Глава 11. Разрушение детства как предпосылка экстремизации сознания молодёжи	271
Глава 12. Актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания молодёжи как одного из направлений профилактики экстремизма	289
Глава 13. Роль гуманитарного образования в профилактике молодёжного экстремизма	297
Заключение	315
Библиография	321
Сведения об авторах	338

Введение

Сегодня проблема молодёжного экстремизма выступает на первый план в исследованиях девиантного поведения молодёжи во всём мире. Конфликты, протестные выступления и террористические атаки на Ближнем Востоке, в Европе, нашей стране и других регионах мира, произошедшие за последний год, наглядно свидетельствуют об этом. В России ситуация, в целом, выглядит относительно благополучной, однако риски экстремизации сознания молодёжи, безусловно, существуют. Прежде всего, эти риски актуальны для полиэтничных регионов, регионов с высокой миграционной нагрузкой. Об этом свидетельствуют явные признаки межэтнической и межконфессиональной напряжённости, социально-протестные настроения в молодёжной среде. На наличие этих тревожных признаков в современной российской действительности указывают многие современные исследователи, выявляют их и наши исследования.

Следует подчеркнуть, что речь не идёт о каком бы то ни было алармизме или попытках «торговли страхом». Российское общество достаточно стабильно, бóльшая часть молодёжи поддерживает ставший трендом последних лет ренессанс государственно-патриотических идей, дистанцируется от идей национализма и религиозной вражды. Ситуация, повторимся, пока (именно *пока!*) вполне благополучная. Однако глупо было бы игнорировать или отрицать наличие в российском обществе в целом и его отдельных сегментах «узлов критичности», обусловленных сложным сочетанием различных факторов: социальных, экономических, идеологических, религиозных, этнических, демографических, культурных и пр. Такие *узлы критичности* при определённых условиях легко переходят в нестабильное состояние, что всегда сопровождается эскалацией конфликтности и протеста.

Наглядный пример – массовые протестные выступления молодёжи 26 марта 2017 года, организованные Фондом борьбы с коррупцией Алексея Навального. Мы убеждены, что эту акцию нельзя рассматривать как единичный случай. Эксцессы такого рода, к сожалению, будут повторяться в обозримом будущем, параллельно с нарастанием социально-политической напряжённости и нестабильности.

Риски возможного нарастания критичности и нестабильности в российском обществе обусловлены, по нашему убеждению, двумя группами причин: внешними и внутренними. К первым следует отнести то «стратегическое охлаждение» отношений России с Западом (прежде всего США), которые многие аналитики уже давно и уверенно называют «новой холодной войной». Глубокий политический и идеологический конфликт, поводом к которому послужило воссоединение Крыма с Россией, поддержка сопротивления на Юго-Востоке Украины и правительства Б. Асада в Сирии, носит явно долговременный характер. Экспорт в Россию экстремистских идей и настроений различного содержания и генезиса – важное слагаемое этого конфликта. Подчеркнём, речь не идёт о «теории заговора». Многие экстремистские организации, запрещённые в России, такие как украинский «Правый сектор» или российский «Имарат Кавказ» (ставший частью запрещённой в России международной организации «Исламское государство»), прямо говорят о том, что подобный экспорт с целью дестабилизации российского общества и власти ими активно осуществляется. Однако об этом говорят не только они.

Вот, что пишет создатель и руководитель одной из наиболее эффективных американских разведывательно-аналитических компаний «Stratfor» Дж. Фридман: *«Если обойтись без риторики, сохранение мира в Евразии не является одним из первостепенных интересов Соединённых*

Штатов <...> Как в случае с Вьетнамом или Кореей, цель этих конфликтов состоит в том, чтобы просто чинить препятствия определённой стране или дестабилизировать ситуацию в регионе, а не наводить порядок» [Fridman, 2009: 46]. Поскольку Россия определена Пентагоном как одна из главных угроз американским национальным интересам, «экспорт нестабильности» (прежде всего в форме экстремистских настроений) в нашу страну становится важнейшим направлением американской информационно-военной стратегии.

Внутренние факторы риска следует, на наш взгляд, разделить на две группы: «грубые» и «тонкие». В числе первых такие «объективные» проблемы, как высокая степень разнообразия этнического и конфессионального состава российского общества, неравномерность социально-экономического развития в регионах, миграционные потоки, снижение уровня жизни. К «тонким» факторам следует отнести последствия двух глубочайших культурных травм, пережитых российским обществом в конце 80-х – 90-х гг. прошлого века. Первая из них – это травма исторического самосознания, повлёкшая за собой кризис национально-исторической идентичности, пробуждение исторически обусловленных «спящих» очагов территориальной, этнической и конфессиональной конфликтности. Подробно об обстоятельствах и последствиях получения обществом этой травмы мы писали в ряде предшествующих публикаций [Профилактика экстремизма..., 2016]. Вторая травма – травма духовно-идеологического сознания, ставшая следствием агрессивной деидеологизации советского общества в конце 1980-х гг., осуществляемой средствами искусства и СМИ. Результатом этой травмы стала резкая примитивизация духовно-идеологических потребностей общества, распространение крайних форм нигилизма, индивидуализма, различных форм девиантного поведения, доминирование

в общественном сознании потребительских настроений, демобилизация национального самосознания, социокультурная фрагментация социума. Последствия обеих травм, будучи отчасти преодолены, ощущаются до сих пор, осложняя процессы интеграции общества, формирования единой общероссийской государственной идентичности, борьбу с экстремистскими настроениями в молодёжной среде.

Разумеется, мы не единственный научный коллектив, изучающий проблемы молодёжного экстремизма в России и за рубежом. Большинство исследователей, занятых проблемой молодёжного экстремизма, подчёркивают, что последнему присущ ряд особенностей, отличающих его от экстремизма взрослых, в числе которых можно указать подростковый максимализм, высокую эмоциональность конфликтных ситуаций, некритическое отношение к совершаемым поступкам и их последствиям, недостаточную интеллектуальную и информационную подготовку перед угрозой влияния экстремистских идей и учений.

Такие идеи и учения принимают три основные формы: *этнические, конфессиональные и политические* (социально-протестные) и все они, как будет показано, находят поддержку среди определённых групп молодёжи.

На наш взгляд, имеет смысл говорить об общих социально-психологических причинах, облегчающих восприятие идей религиозного, националистического и протестного экстремизма молодёжью. Во-первых, это упрощённый и, соответственно, удобный для значительной части молодых людей способ интерпретации сложных политических, социальных и этноконфессиональных проблем. Чёрно-белая картина мира, дающая понятные примеры воплощения «добра» и «зла», ясный образ врага, простые рецепты решения сложных проблем, гарантия принадлежности к «великим» проектам – всё это удобные

к принятию и использованию суррогаты смысла, позволяющие удовлетворить духовные запросы и потребности, компенсировать идеологический вакуум без особого «заморачивания» и напряжённых усилий, всегда сопровождающих настоящий духовный поиск. Это резонирует с наличием многих объективно существующих проблем и многочисленные примеры различных проявлений «зла», с которыми молодёжь сталкивается в повседневной жизни.

Невозможность самореализации и самоутверждения (столь важных в подростковом и юношеском возрасте), вызывающие проблемы с самооценкой – ещё одна причина, облегчающая восприятие экстремистских идей. Их принятие даёт ощущение превосходства над «обывателями» («пиплом», «стадом», «ватой», «сынами погибели» и т.д.) и принадлежности к «Великому проекту» («Войне со Злом»), позволяет переключиться от необходимости работы над собой (всегда трудоёмкой и дискомфортной) к «борьбе с врагами», которые объявляются виновными во всех проблемах.

Наконец, играет роль и тот факт, что идеологи радикальных учений часто оказываются гораздо более изобретательными и технологичными, нежели «традиционные воспитатели» в своих попытках достучаться до сознания молодёжи, используют более понятные последней способы подачи и интерпретации информации.

Настоящая монография опирается на результаты исследований, проведённых двумя научными коллективами: 1) сотрудниками сектора изучения девиантного поведения Института социологии РАН¹ под руководством М. Е. Поздняковой; 2) исследовательской группой Кубанского государственного университета, реализующей грант РФ «Экстремизм и этносоциальные конфликты в

¹ С июля 2017 г. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

молодёжной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика» под руководством Т. А. Хагурова.

Новизна предлагаемого авторским коллективом подхода заключается, во-первых, в его междисциплинарности и использовании широкого спектра исследовательских методов как на базе количественной, так и качественной методологии. Во-вторых, осуществляется попытка соотнесения проблемы молодёжного экстремизма с более широкой проблемой – *молодёжной экстремальности* как специфического модуса некоторых форм девиантного поведения молодёжи.

Под *экстремальностью* молодёжи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются *фанатизм*, представляющий радикальную направленность сознания, и *нигилизм*, отражающий преимущественно депрессивное его состояние. Сегодня во всем мире, по данным современных исследований, фиксируется заметное повышение «уровня экстремальности» среди молодёжи, а также стремительное выравнивание в гендерных проявлениях экстремального поведения. При этом следует чётко отличать тенденции экстремального поведения в молодёжной среде, обусловленные психофизиологическими и социальными особенностями подростков и молодёжи, и являющиеся в целом нормальными для данной возрастной категории, и экстремистские действия в рамках существующего законодательства, заключение о наличии или отсутствии которых в поведении граждан может делать только суд.

Основанием для соотнесения явлений экстремизма и экстремальности является то обстоятельство, что чётких границ «экстремального» и «экстремистского» поведения не существует, и при определённых обстоятельст-

вах экстремальное поведение может перейти в экстремистское, а социальные и психологические особенности поведения в подростковом и молодёжном возрасте могут проявиться как в «экстремальном», так и в экстремистском поведении.

Хотя феномен молодёжного экстремизма и радикализма давно и широко исследуется в социальных науках, вряд ли можно говорить о его достаточной изученности. Это связано со следующими факторами:

- 1) отсутствие объединяющего методологического поля различных исследований, локализованных в рамках различных (прежде всего, политологических и субкультурных) проекций темы;
- 2) кажущаяся доступность эмпирического материала (тиражируемая СМИ) на фоне высокой латентности конкретных случаев, доступных научному наблюдению и анализу;
- 3) постоянные трансформации и мутации экстремистских идеологий;
- 4) стереотипизация молодёжного экстремизма СМИ и исследователями, препятствующая увидеть нюансы и различия в его проявлениях и факторах, на него влияющих.

Оригинальность нашего подхода связана с комплексностью социологического, психологического и педагогического описания проблемы, междисциплинарностью как исследовательским принципом, позволяющим избежать фрагментирования единой по сути проблемы по её частным научным проекциям.

Учитывая разнообразие трактовок понятия «экстремизм» в различных дисциплинарных проекциях, подчас затрудняющих согласованное понимание этого явления необходимости формирования общей «рамки» обсу-

ждения и исследований данной проблемы, мы предлагаем следующее *рабочее* определение:

Экстремизм – это призывы и/или оправдание нелегитимного насилия, осуществляемого во имя этнонациональных, религиозных, социальных, политических и/или иных идей, а также действия, вытекающие из этих призывов или оправданий.

Фундаментальный признак собственно экстремизма, позволяющий отличать его от смежных явлений (фундаментализм, радикализм, насильственная преступность), по нашему мнению, заключается именно в сочетании *идеологического фундамента и нелегитимного насилия*. Подобное определение нельзя считать исчерпывающим, но оно позволяет создать *рамку* обсуждения проблемы и интеграции различных её проекций. Опираясь именно на такое понимание феномена экстремизма, мы и строили эмпирическую часть нашего исследования.

В исследованиях, положенных в основу данного коллективного труда, мы пытались проследить распространённость тех или иных форм экстремального поведения, а также различных экстремистских идей и идеологием в молодёжной среде, выявить некоторые значимые характеристики молодёжи с точки зрения рисков межэтнической и межконфессиональной конфликтности, обсудить вопросы профилактики. Отсюда следующая структура нашей монографии.

В *первом разделе* представлен широкий обзор отечественной и зарубежной литературы, а также материалов исследований по проблемам молодёжного экстремизма и экстремальности. Во *втором разделе* монографии осуществляется попытка социологического анализа молодёжной экстремальности как одного из модусов девиантного поведения. *Третий раздел* посвящён результатам эмпирических исследований некоторых проявлений молодёжного экстремизма в полиэтничном социуме (в качест-

ве «поля» выступал Краснодарский край как один самых многонациональных субъектов РФ).

В заключительной главе рассматриваются вопросы профилактики молодёжного экстремизма.

Представленный в монографии материал ориентирован на его широкое обсуждение экспертно-профессиональным сообществом и внедрение в практику воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними и молодёжью.

Насколько наша работа получилась интересной и информативной – судить читателю.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ

Как правило, различные аспекты молодёжного экстремизма изучаются отдельно в рамках социально-культурологических (исследования субкультур), социально-психологических (исследования массовидного поведения, агрессии, этнических предрассудков и стереотипов), социологических (исследования этноконфессиональных отношений) и политологических (исследования протестных движений) проекций темы.

В настоящее время феномен экстремизма и борьбы с ним изучается достаточно широко как за рубежом, так и в России. При этом современные исследования экстремизма имеют достаточно обширную научную предысторию, связанную с изучением острых политико-идеологических проблем XX века: социально-политических протестных движений леворадикального толка (анархизм, троцкизм, и др.); праворадикальных движений (итальянского и испанского фашизма и германского национал-социализма); американских радикальных этнополитических движений (Ку-клукс-клан и др.) и проблем расовой сегрегации; религиозного экстремизма христианского (например, Ирландская республиканская армия или отдельные движения в рамках латиноамериканской «теологии освобождения») и исламского (салафизм, ваххабизм) толка и т.п. Большинство имеющихся работ выполнены исследователями в рамках юридических и политических наук или в жанре исследования субкультур.

В данном разделе осуществляется общий обзор основных научных центров, изучающих вопросы экстремизма, а также работ по экстремистской проблематике, выполненных российскими и зарубежными исследователями в последние несколько лет.

Глава 1

Научные центры, изучающие экстремизм

Научных центров, проводящих исследования проблем молодёжного экстремизма, ксенофобии, национализма, религиозного экстремизма в настоящее время достаточно много как за рубежом, так и в России, поэтому мы кратко охарактеризуем некоторые наиболее известные из них.

Научно-исследовательский центр по изучению ксенофобии и экстремизма Калифорнийского государственного университета, Сан-Бернардино, (Б. Левин, Т. Халперн, С. Амстер). Основные проекты центра направлены на изучение преступлений на почве национальной ненависти в США, выявление отношения экстремистских группировок к холокосту в Северной Америке, правовой и исторический анализ использования экстремистами компьютерных сетей.

Научно-исследовательская группа под руководством М. Конвей в Городском университете Дублина. В сферу научных интересов группы входит мониторинг интернет-пространства на предмет выявления экстремистской пропаганды и анализ её воздействия на молодёжь, анализ интернет-деятельности насильственных джихадистов, национал-сепаратистов и крайне правых группировок, организация и проведение международных онлайн-консорциумов.

Международный центр по изучению радикализма и политического экстремизма (Питер Р. Нейман) объединяет в себе четыре научно-исследовательских коллектива из разных стран: Королевского колледжа Лондона, Университета Пенсильвании (США), междисциплинарного центра Герцилии (Израиль) и Государственного института дипломатии в Иордании.

Научно-исследовательский коллектив кафедры международного образования и социологии Мичи-

ганского университета США проводит ряд проектов по исследованию молодёжного экстремизма, нацизма, политического экстремизма в Германии и США (С. Миллер-Идрисс, Д. Фокс).

Исследовательская группа под руководством Марка Коэстера (Prof. Dr. Marc Coester), профессора криминологии Берлинской школы экономики и права, изучает проблемы делинквентного поведения, феномен молодёжного экстремизма, национализма, крайне правых политических объединений, профилактики подростковой преступности.

Центр по борьбе с экстремизмом АДЛ (Американской антидиффамационной лиги) проводит исследования экстремистских движений, групп и лидеров в Соединённых Штатах, осуществляя обширную научно-популяризаторскую работу в данной сфере, в том числе через создание интернет-ресурсов.

Политологические прикладные разработки проблем управления радикальными протестными движениями, выполняются в **Гарвардском университете** (Дж. Шарп, Дж. Най)

Фонд Фридриха Эберта (Германия) проводит исследования этнической и культурной идентичности и протестных движений, связанных с конфликтом идентичностей.

Институт Санта-Фе проводит регулярные политологические исследования и семинары в сфере «социальной хаососложности», в рамках которых рассматриваются и вопросы влияния на радикальные идеологии и движения (З. Бжезинский, К. Билдер, Д. Розенау, Р. Максфилд, С. Манн).

Исследовательский коллектив в университете Хаддерсфилда (University of Huddersfield) под руководством профессора Пола Томаса (Paul Thomas) в контексте создания стратегий молодёжной политики занимает

ся изучением национальной и гражданской идентичности, молодёжного экстремизма, разработкой мер по предотвращению экстремизма посредством образовательной работы с молодёжью, исследование деятельности маргинализированных крайне правых сообществ в Великобритании и Европе.

Факторы молодёжного экстремизма, риски межэтнических конфликтов и их профилактика, предотвращение террористических угроз, деятельность мусульманских организаций экстремистской направленности изучаются научно-исследовательской группой под руководством Скота Артрена (Scott Atran), доктора философии и социолога Джона Джея.

Американская разведывательно-аналитическая компания STRATFOR (Strategic Forecasting – англ., стратегическое прогнозирование), основанная и возглавляемая Дж. Фридманом, осуществляет комплексную многомерную аналитику социальных, политических, экономических, этнических, конфессиональных и пр. «узлов критичности», связанных, в том числе, с проявлением и эскалацией экстремистских идей и движений в различных регионах мира. Разработки компании отличает подход, выдержанный в духе политико-управленческой прагматики, опирающейся на фундаментальную процессную аналитику.

Брукингский институт (Brookings Institution) – один из важнейших аналитических центров США, специализирующийся на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике, также уделяет большое внимание проблемам, связанным с экстремизмом и терроризмом в мире. При этом стоит отметить разноплановость исследований по данной проблеме.

Корпорация RAND (американский стратегический исследовательский центр), направление деятельности

которой – содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США, а также разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. Корпорация является одним из авторитетнейших американских «think tanks» (аналитических центров) и также выполняет научные разработки в сфере изучения экстремизма и радикализма, прогнозирования угроз и сценариев развития в данной сфере.

Институт изучения проблем противодействия экстремизму и терроризму Казахского гуманитарно-юридического университета (К. Карбузов). Главной стратегической целью деятельности института является повышение научного потенциала в области борьбы с экстремизмом и терроризмом. **Общественный фонд «Центр изучения проблем борьбы с терроризмом»** (К. Бишманов), осуществляют социологические исследования экстремизма на территории Казахстана.

Научно-исследовательский центр по борьбе с экстремизмом и коррупцией, функционирующий на базе СПбГУ занимается информационно-аналитической, научно-методической и экспертной работой в сфере социальных, политических, культурных, правовых аспектов жизни гражданского общества (С. Кузнецов).

Региональный научно-исследовательский центр по профилактике и борьбе с экстремизмом Сибирского государственного университета (С. И. Бушмин) функционирует с 2011 г. Основные направления работы НИЦ – мониторинг потенциала экстремистской напряжённости в регионе, оценка эффективности мер по противодействию экстремизму, создание программ по профилактике экстремизма в молодёжной среде.

На базе **Регионального центра этнополитических исследований ДНЦ РАН** под руководством Н. Казиева

проводятся масштабные социологические исследования по проблемам религиозной, этнической и гражданской идентичности населения Республики Дагестан, которые направлены на изучение текущего состояния в сфере межнациональных отношений, выявление факторов этносоциальных конфликтов на территории региона.

Исследования феноменов экстремизма, терроризма, террористических угроз, религиозного экстремизма, молодёжных субкультур, в частности анализ деятельности исламистских радикальных группировок, проходят под руководством известных международных специалистов: А. Дольника (Центр предотвращения международных преступлений в Университете Вуллонгонг, Австралия); Х. Джордана (Университет де-Гранада, Испания); Д. Рапопорта (Калифорнийский университет); М. Штоля, (университет Калифорнии в Санта-Барбаре); Й. Швейцера, (Институт исследований национальной безопасности Тель-Авива); М. Сейджмана (Пенсильванский университет, США).

Таким образом, научных центров, специализирующихся на исследованиях и разработках в сфере изучения и профилактики экстремизма сегодня множество, мы перечислили лишь наиболее известные из них. Помимо специализированных научных центров исследованием экстремизма заняты множество учёных и научных коллективов.

Глава 2

Отечественные учёные о проблемах экстремизма

Проблема экстремизма, в том числе молодёжного, для России, к сожалению, актуальности не теряет. Только в российской наукометрической базе (РИНЦ) за 2015–2016 гг. зарегистрировано более трёх тысяч публикаций с ключевым понятием «экстремизм». Эта проблема волнует специалистов разных областей научного знания: социологии, психологии, политологии, педагогики, права. Следует отметить, что почти половина работ относится к области права.

Одним из основных направлений исследований по-прежнему является выявление причин и факторов экстремизма, а также террористических и радикальных сообществ. Этой теме посвящены работы Е.В. Демидовой-Петровой, В.И. Красикова, В.С. Кудрина, А.В. Поминова, Д.И. Прохоровой, Е.В. Реутова, В.Р. Сафарова, Н.В. Филонова, М.А. Хадысова, М.Я. Яхьяева и др.

Исследователи выделяют системные и ситуационные факторы экстремизма. Так, в качестве системных факторов рассматривают: высокий уровень социальной поляризации в обществе в целом и в молодёжной среде в частности; социальную и культурную дезадаптацию значительной части населения, в глазах которой легитимность актуального социального порядка выглядит весьма условной; полиэтническую структуру общества с наличием этносов, переживающих период формирования и подъёма этнокультурного, этнорелигиозного самосознания, стабильно высокий уровень миграционных (внутренних и внешних) процессов, имеющих преимущественно этнический характер, формирование значительных в количественном отношении этнокультурных диаспор. К ситуативным факторам, действующим в кратко- и среднесрочной перспективе, авторами отнесены: усиливаю-

щиеся кризисные явления в экономике; развивающийся кризис в международных отношениях, вовлеченность России в украинский конфликт; усиление нестабильности на Ближнем Востоке, связанной с дальнейшей радикализацией исламского фундаментализма и деятельностью ИГИЛ и Аль-Каиды [Реутов, Филонов, 2015].

Е. В. Демидова-Петрова к основным причинам появления и разрастания межнациональных конфликтов относит большой спектр экономических, социальных и культурных факторов. В частности, это резкие имущественные различия, интенсивные миграционные процессы, усиление этнического неравенства и конкуренции на рынке труда, разрушение системы социальных гарантий, кризис в духовной сфере [Демидова-Петрова, 2016].

В монографии В.В. Плотникова [Плотников, 2016] рассматриваются особенности развития современного общества. Исследуются процессы трансформации социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма.

В своей статье М.Я. Яхьяев [Яхьяев, 2016] анализирует глубинную сущность общественной и личной деструктивности экстремизма и терроризма, решает методологические вопросы разграничения общего и единичного в их проявлениях. Автор приходит к выводу, что в основу комплексной программы противодействия экстремизму должно быть заложено его определение как способа социально-политической деятельности организованных сообществ, мотивированного исключительно экстремистской идеологией. В статье утверждается возможность предотвращения трансформации нормальной идеологии в экстремистскую по мере гуманистического реформирования общества, осуществления системных, комплексных социально-экономических и политико-правовых преобразований, радикально меняющих системное качество современного российского общества, устраняющих объ-

ективные причины и глубинные истоки экстремизма, который по своей сути является иллюзорной, утопической, разрушительной формой деятельности, не улучшающей социальное или политическое положение людей, а только направляющей, канализирующей в ложное, деструктивное русло их стихийную, спонтанную агрессию.

Как уже отмечалось нами ранее, с конца 90-х – начала 2000-х годов актуализировались исследования религиозного экстремизма. В это время появляются исследования, изучающие радикальные исламистские и христианские течения. К ним принадлежат и упомянутая выше работа М. Сейджмена, исследование личности террористов Дж. Хоргана. Идеология, структура организации и особенности поведения участников исламистских группировок проанализированы в работах Х. Декмеджяна, Ж. Кепеля, Э. Кисриева, А. Малашенко, Э. Добаева, Р. Набиева и др. Некоторые авторы религиозный экстремизм стали объединять с политическим, подчёркивая его политическую подоплёку и обозначая как религиозно-политический. (М. А. Алигаджиевой, К. В. Кузнецов, А. А. Нуруллаев, Ал. А. Нуруллаев, Д. С. Рязанов, М. И. Садилов, К. М. Ханбабаев). Понимают под религиозно-политическим экстремизмом «религиозно мотивированную или религиозно камуфлированную деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти» [Кузнецов, 2012]. Различные аспекты борьбы с религиозным экстремизмом освещены в работах А.В. Алархановой, С.Л. Данильченко, А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов, Б.А. Шобабаева и др.). В работе А. А. Сизова, Р. Ф. Шахбазова (2016) акцентируется внимание на степени эффективности оказываемого на федеральном, а также региональном уровнях превентивного воздействия

на межнациональные и межконфессиональные конфликты. Авторами тщательно рассмотрению подвергаются утверждённые в Белгородской, Воронежской и Курской областях программы профилактических мероприятий, направленных на предупреждение проявлений религиозного и национального экстремизма, исследуются общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия экстремистской деятельности как негативному социально-политическому явлению.

Тенденции и факторы распространения исламистских радикальных группировок в России обозначены А. Алиевым, Р. Гаджиевой, А. Боташевой, Д. Новиковой, В. Тишковым. Последнему принадлежит ряд фундаментальных работ по изучению этничности, национализма, межэтнической напряжённости, миграционной политики. Большинство этих работ описывают ситуацию, сложившуюся последние годы в республиках Северного Кавказа. Определённый интерес в контексте профилактики религиозного экстремизма представляют материалы итоговой конференции по проекту «Межконфессиональные образовательные чтения», который включал в себя проведение круглых столов и семинаров в вузах и ссузах Махачкалы. Данный материал может иметь немалую практическую значимость, так как в разработке его принимали участие представители всех конфессий [Гамзалаев, Магомедов, 2016]. Необходимость и возможность этноконфессионального диалога в рамках учебной и воспитательной работы преподавателя высшей школы отмечает в своей статье О. Г. Леонова. По мнению автора, «этноконфессиональный диалог может стать действенным инструментом профилактики экстремизма в молодёжной среде» [Леонова, 2016].

В. Диль выделяет в современном экстремизме два основополагающих направления – молодёжный и информационный – и определяет тенденции их развития.

Обоим направлениям в российской науке посвящено немало работ.

Е. О. Кубякин рассматривает тенденции трансформации экстремизма под воздействием прогресса информационно-компьютерных технологий и развития глобальной сети Интернет. Анализирует изменения традиционных форм экстремистской деятельности, раскрывая сущность новых, получивших развитие в последние годы [Кубякин и др., 2015].

Анализируя сеть Интернет как один из важнейших источников распространения информации в современном мире, Т. В. Жаворонкова рассматривает основные цели террористических организаций при осуществлении своей деятельности в Сети. Автор также уделяет внимание примерам форм и методов распространения террористической идеологии через различные Интернет-ресурсы [Жаворонкова, 2015].

Актуальные вопросы борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в глобальном информационном пространстве, которое всё чаще используется экстремистскими и террористическими группировками для устрашения общества, пропаганды своих преступных идей, вербовки в свои ряды, распространения планов возможных террористических атак в разведывательных целях рассматривает Л. А. Бураева [Бураева, 2015]. Автор анализирует меры, принимаемые различными странами в целях противодействия распространению экстремизма и терроризма в сети Интернет.

А. А. Жуйков обосновывает необходимость выработки верифицируемых научно-управленческих моделей, позволяющих эффективно осуществлять профилактику и противодействие информационному экстремизму, обеспечивать информационную безопасность России [Жуйков, 2015].

Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в этой сфере определены в статье Н. И. Большова [Большов, 2016].

В.Г. Крючков рассматривает женский экстремизм на Северном Кавказе как последствие информационного экстремизма [Крючков, 2014].

Особенности молодёжного экстремизма в России, а также его проявления в поведении представителей молодёжных субкультур анализируются в работах Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова.

В одной из своих последних работ В.И. Чупров обосновывает феноменологический подход к социологическому изучению молодёжного экстремизма. Автор рассматривает сущность молодёжного экстремизма как феномена социальной реальности, особенности его социологического исследования на основе методологии феноменологической социологии знания.

По мнению В.И. Чупрова, «предметом исследования экстремизма является отношение молодёжи к данному явлению как к феномену социальной реальности, т.е. система знаний, представлений, взглядов, понятий об экстремизме в форме интериоризированного опыта, приобретённого в результате взаимодействий с другими людьми, выраженного в индивидуальной или групповой социальной позиции» [Чупров, 2016]. В соответствии с данной позицией исследуются не прямые детерминации его конкретных проявлений состоянием экстремальности сознания и внешними условиями, а процесс перехода экстремальности в экстремистские проявления, опосредованный субъективными представлениями о внешних условиях.

Ю.А. Зубок отмечает, что «процесс становления молодёжи сопровождается формированием особого экстремального типа сознания. Экстремизм сначала проявляется в настроениях, а при определённых условиях перехо-

дит в деятельностную форму. Экстремистские настроения являются эмоционально-рациональным проявлением восприятия молодёжью способов реализации своих индивидуальных и групповых интересов в крайних, угрожающих другим людям формах» [Зубок, 2015].

Существенную роль в саморегуляции молодёжного экстремизма Ю.А. Зубок отводит фактору доверия и, прежде всего, доверия к власти.

Большое количество современных социологических и психологических исследований молодёжного экстремизма направлено на изучение социальных представлений молодёжи об экстремизме в различных его формах. Среди работ по данной теме в последние два года можно выделить статьи Н. В. Муценковой «Социальные представления молодёжи об экстремизме» (2015), Ю. Н. Гурьянова и А. А. Гайворонской «Структура социальных представлений о политическом экстремизме» (2015), О. С. Солодухиной и К. Дребенштедт «Социально-психологические представления об экстремизме у молодёжи России и Германии» (2015), М. Т. Ногеровой, Т. А. Догучаевой, М. Р. Кочкаровой «Гражданская идентичность в структуре детерминации представлений студентов об экстремизме» (2016), Т. С. Бочкарёвой «Социальные представления молодёжи об экстремизме и патриотизм» (2016), Л. А. Гуринович «Коллективные представления молодёжи об экстремизме как о социальном явлении как маркёр трансформации этнической идентичности» (2015).

А.Р. Тузиков, анализируя социологические основы исследований по проблематике специфики, последствий и рисков современного молодёжного экстремизма, даёт авторскую трактовку сущности экстремизма как внесистемного радикализма, рационализирующего «внесистемность» своих социальных действий идейными смыслами «высокого звучания». Автор выделяет следующие типы

рисков молодёжного экстремизма, обсуждаемые в российском академическом сообществе:

1) риски перехода нынешнего российского общества в гражданское противостояние по этническому и конфессиональному принципу, а также риск политизации этнического фактора в национальных республиках на фоне неформированности общегражданской российской нации;

2) риски приобщения молодёжи к девиантному, в том числе и криминального толка, стилю поведения;

3) риски интенсификации распространения экстремистских идей и ценностей на фоне возрастания возможностей коммуникации и солидарных действий экстремистского толка. Сюда же относится и риск бесконтрольного распространения технологий социальной манипуляции и трансформации сознания [Тузиков, 2016].

Вопросы реализации и повышения эффективности государственной молодёжной политики в контексте проблемы профилактики и противодействия экстремизму в современной России рассматривает П.А. Меркулов. Анализируя ситуацию в Российской Федерации, автор показывает, что продолжает увеличиваться число молодых людей, входящих в различные организации экстремистской и террористической направленности. Особое внимание автор уделяет проблеме повышения эффективности государственной молодёжной политики как инструмента в борьбе с экстремизмом, доказывая тезис о том, что тенденция втягивания молодёжи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена неэффективностью этой политики [Меркулов, 2015].

Р.И. Зинурова и С.А. Алексеев анализируют особенности формирования идентичности в молодёжной среде в современных условиях, когда идентичность является «множественной» и сталкивается с вызовами идеологии экстремизма. На основании результатов масштабного социологического исследования авторы приходят к выводу,

что конкуренцию общероссийской идентичности могут составлять этническая, религиозная и политическая идентификации современной молодёжи [Зинурова, Алексеев, 2016].

За последние годы значительно выросло число научных и научно-методических работ, посвящённых профилактике экстремизма в молодёжной среде, особенно в условиях образовательных учреждений. По-прежнему основным подходом к предупреждению экстремистских настроений и деяний молодёжи остаётся информационный подход. Так, например, вопросы организации информационного противодействия экстремистской деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации рассматривают в своей статье «Контрпропаганда как один из аспектов профилактики экстремизма в деятельности МВД России (исторический аспект и современные тенденции)» С. Ю. Любин и Е. О. Кубякин [2015]. Выявлению потенциала информационного пространства образовательной организации в сфере противодействия идеологии экстремизма в молодёжной среде посвящена статья Г. А. Шайхутдиновой «Информационно-образовательные аспекты противодействия идеологии экстремизма в молодёжной среде» [Шайхутдинова, 2016], в которой автор раскрывает структуру информационного пространства с позиции профилактики экстремизма. В статье показана роль информационного пространства образовательной организации; обозначены ведущие направления профилактической работы по противодействию внедрению идеологии экстремизма в молодёжную среду. Виды информационного обеспечения профилактики экстремизма, задачи, решаемые при её осуществлении, рассматривают С. С. Галахов, Л. Л. Тузов [2015]. Проблемам организации деятельности органов внутренних дел в сфере информационного противодействия экстремизму посвящена статья В. В. Абрамова [2016].

М. Б. Ворошилова [Ворошилова, 2015] рассматривает понятие молодёжного экстремизма и проблемы его профилактики в современной российской школе, выделенные по результатам анализа программ профилактики экстремизма в образовательных учреждениях Свердловской области. Среди ключевых автором отмечены три проблемы: разовый характер профилактических мероприятий, сужение определения понятие экстремизма до националистического экстремизма как одного из видов экстремистской деятельности, а также сужение объекта профилактической деятельности. На основании результатов исследования речи учителя, доказывающего, что именно речь учителя может стать эффективным орудием экстремистской деятельности, предлагается расширить сферу профилактической работы, в частности – проводить диагностические исследования установок учителей и родителей.

Р. Т. Бакиров, С. Ю. Грузкова, А. Р. Камалеева [2015] предлагают создать и реализовать на практике самовоспроизводящуюся систему идей, субъектов носителей и каналов распространения позитивного общественного сознания.

Акцентируют внимание на возможности более широкого использования педагогических средств в противодействии молодёжному экстремизму, целесообразности формирования целостной системы педагогической профилактики этого опасного явления Ю. Н. Зеленов, Н. Н. Грибовская [2015].

А. И. Кирсановым, Д. Г. Давыдовым, А. В. Завальским, Н. А. Скрибцовой [2014] на основании экспертного опроса уточнено состояние и поведенческие проявления современного молодёжного экстремизма, ранжированы его психологические причины, обобщены имеющиеся методы и формы профилактики. Авторами показаны основ-

ные экстремистские идеи, которые распространены в молодёжной среде, и особенности речи экстремистов.

Особенности организации педагогической профилактики экстремизма и терроризма в студенческой среде рассмотрены в статьях Н. М. Сажинной, Т. Н. Ступенко, М. Э. Паатовой [2014, 2016].

М.В. Головкин, рассматривая особенности противодействия экстремизму и терроризму в молодёжной среде, приходит к выводу, что у молодёжи должно быть сформировано представление о реальной угрозе экстремизма и терроризма, умение анализировать и прогнозировать тенденции экстремистских проявлений, сформированные навыками осуществления борьбы с экстремистской деятельностью.

На необходимость взаимодействия органов образования, правоохранительных структур и институтов гражданского общества в данной сфере указывается в работах О. И. Кускаровой, Л. Н. Никитиной, А. В. Харольского [2015].

Также вопросам профилактики молодёжного экстремизма посвящены работы Н. В. Батуриной, Е. Д. Добряковой, А. М. Сайгафарова, О. В. Хомячковой.

Результаты эмпирического психологического исследования, проведённого с участием молодых людей (314 жителей Смоленской области), отмечающих свою принадлежность к русской национальности и указывающих на отсутствие опыта участия в экстремистских организациях, представлены в работе Н. В. Муращенко [2015].

В результате проведённого эмпирического исследования автором выявлены особенности социальных представлений молодых людей Смоленского региона об экстремизме, его проявлениях и функциях, а также отношение молодёжи к деятельности экстремистов в нашей стране. Полученные результаты подтверждают актуальность и значимость проведения дальнейших социально-

психологических исследований соответствующей проблематики.

Общенаучные и методологические подходы к исследованию терроризма и экстремизма представлены в статье В. М. Мельникова [2015]. Автор рассматривает социально-психологические особенности негативного воздействия данных явлений на личность и общество.

Таким образом, среди отечественных учёных интерес к рассматриваемой проблематике достаточно высок. Мы перечислили лишь часть работ, опубликованных в последние годы, полный обзор потребовал бы отдельной монографии. Переходим к анализу зарубежных публикаций по проблемам экстремизма.

Глава 3

Экстремизм и радикализм в публикациях зарубежных учёных

Среди работ учёных Брукингского института по данной проблематике можно выделить такие, как: «Кто платит за мир в Колумбии?» (сентябрь, 2016); «Как лучше всего организовать коалицию по борьбе с терроризмом» (июнь, 2016); «Кровь и вера в Афганистане: в июне 2016 года обновление» (июнь, 2016); «Попадания и промахи, направленные против движения «Талибан» (май, 2016); «Во все тяжкие на Ближнем Востоке и в Северной Африке: наркотики, боевики, и права человека» (с султаном Баракат и Гарольд Trinkunas) (март, 2016); «Мир или грабёж? Незаконная экономика этнического конфликта в Мьянме» (декабрь, 2015) эксперта по международным и внутренним конфликтам и нетрадиционным угрозам безопасности, включая повстанцев, организованной преступности, насилия в городах и незаконной экономике Ванды Фелбаб Браун (Vanda Felbab-Brown), в которых автор преимущественно рассматривает вопросы терроризма во взаимосвязи с наркоторговлей и другими незаконными или проблемными секторами экономики.

Старший научный сотрудник Центра внешней политики на Ближнем Востоке и отношениям США с Исламским миром, автор книг «Искушения власти: исламисты и нелиберальные демократии на Ближнем Востоке» (2014) и «Исламская исключительность: как борьба за Ислам преобразует мир» (2016) Шади Хамид (Shadi Khamid) отмечает, что Ислам является, по сути, «исключительным» по своему отношению к политике, а также поднимает проблему роли религии в общественной жизни.

Саар Ф. Азиз (Sahar Aziz) – внештатный научный сотрудник Института Брукингса в Дохе-центре, адъюнкт-профессор школы права Техасского университета рас-

смачивает взаимосвязи между авторитаризмом, терроризмом и верховенством права.

В одной из своих последних статей «Борцы с насильственным экстремизмом, приходящие в вашу церковь» («Countering violent extremism coming to a church near you») (март, 2016) она говорит о том, что «порочить мусульман и обесценивать их гражданские права и свободы – это политически популярное и экономически прибыльное средство. Такая клевета находит последователей, пропагандируется и поддерживается». Автор считает, что программы борьбы с насильственным экстремизмом являются «всею лишь хитростью, чтобы продолжить долгую историю расовой политики в Соединённых Штатах, которая сеет хаос в расовых и религиозных меньшинствах» [Sahar, 2016].

Халид Косера (Khalid Koser), будучи экспертом в области международной миграции и внутреннего перемещения, выражает опасения, что «рассмотрение процесса перемещения людей-беженцев только как причину или последствия насильственного экстремизма может просто усилить угрозу. Это может стать оправданием ограничения доступа просителей убежища, ограничения права перемещённых людей или вынуждения людей вернуться на свою родную территорию. Сосредоточение на решениях, напротив, может показать, как основанный на правах подход к перемещённым людям может быть составным компонентом глобальных усилий, чтобы противостоять насильственному экстремизму» [Khalid, 2015].

Эрик Розанд (Eric Rosand) – руководитель проекта по организации борьбы с насильственным экстремизмом в Вашингтоне, округ Колумбия в статье «Наблюдение разрыва: многослойный подход к борьбе с насильственным экстремизмом» («Minding the Gap: A Multi-Layered Approach to Tackling Violent Extremism») указывает на необходимость включения заинтересованных сторон мест-

ных органов власти и гражданского общества, и таким образом, создания пространства в рамках национальных контртеррористических стратегий и традиционной многосторонней системы управления государством для субнациональных участников и других заинтересованных сторон, обосновывая это большей локализацией террористических угроз [Rosand, 2016].

Особый интерес в контексте изучаемой нами проблемы представляет работа Даны Хадры (Dana Hadra) «Инструкции по противодействию насильственному экстремизму» («A how-to on countering violent extremism») (март, 2016), представляющую собой обзор содержания и результатов основных мероприятий, посвящённых противостоянию насильственному экстремизму (CVE – countering violent extremism), организованных Институтом Брукингса за последние несколько месяцев, которые подчеркнули сложность и разнообразие подходов к данной проблеме.

В рамках данных мероприятий определена важность расширения партнёрства в странах и сообществах, являющихся уязвимой мишенью для насильственного экстремизма. Отмечено, что «взаимодействие с ненасильственными исламистами очень важно для CVE и должно быть скорее оперативным размышлением, нежели политическим».

Война рассматривается как самый большой фактор содействия к распространению насильственного экстремизма. Направление усилий CVE должны сосредоточиться не столько на «нанесении поражения и разрушении», сколько на предотвращении конфликта и смягчении, что в свою очередь поможет сдерживать насильственный экстремизм и препятствовать тому, чтобы он переместился в другие части мира.

Как и Эрик Розанд, участники мероприятий, пришли к выводу, что политические стратегии CVE должны дос-

тичь «класса», «молитвенного дома», «социальных медиа», «общинного центра», «объектов культурного наследия» и «спортивной площадки». Ранние интервенционные средства являются главным образом социальными инструментами, включая «консультативную работу с семьями, специализированное обучение учителей, полицейских и местных руководителей».

Сравнив работу CVE в США и Европе, было отмечено, что Соединённые Штаты перемещают своё сосредоточение сил к «строительству доверительного диалога с сообществами», но, в отличие от Европы, испытывают недостаток в программах, которые имеют дело с экстремистами или потенциальными экстремистами один на один.

На сайте Корпорации RAND проблема экстремизма представлена работами Брайана Майкла Дженкинса (Brian Michael Jenkins) – старшего советника президента корпорации Рэнд, автора многочисленных книг, отчётов и статей, связанных с темой терроризма и экстремизма.

В своих статьях, представленных на сайте корпорации в 2015–16 гг.: «Как террористы оказались здесь» («How Terrorists Get Here»), «Очарование ISIS для молодёжи» («The Allure of ISIS for Young Recruits»), «Пытаясь понять атаки в Париже» («Attempting to Understand the Paris Attacks»), «Разные страны, разные способы борьбы с терроризмом» («Different Countries, Different Ways of Countering Terrorism»), последние две в соавторстве Жаном-Франсуа Клером – бывшим заместителем директора Дирекции территориального наблюдения (ДСТ), французской службы безопасности, автор преимущественно рассматривает вопросы деятельности террористических организаций, таких как Аль-Каида и ИГИЛ, а также реалии и возможности противостояния им. Анализируя в каждой работе конкретные события, связанные с деятельностью этих организаций, плюсы и минусы работы систем безопасности США и Франции, автор приходит к выводу, что

«способность бойцов ИГИЛ составлять крупномасштабные террористические операции может быть ограничена, но их намерения нет. Перспектива насилия часто является главной забавой террористической группы, и ИГИЛ установил новый уровень жестокости. Переступив черту в сторону нигилизма, для многих бойцов нет обратного пути. Даже если ИГИЛ в Ираке падёт, угроза не заканчивается. Она, возможно, только начинается». Брайан Майкл Дженкинс отмечает: «Противостояние терроризму в демократическом обществе – нелёгкая задача. Многое зависит от истории, контекста и общественных отношений. Нельзя сказать, что у Франции или Соединённых Штатов есть правильный ответ» [Jenkins, 2015].

Компания «Strategic Forecasting Inc.» (STRATFOR), также проводит исследования по проблемам экстремизма под руководством Вице-президента компании по контртерроризму и корпоративной безопасности Фредом Бартоном. Из работ STRATFOR, которые находятся в свободном доступе на сайте компании (<https://www.stratfor.com>), в рамках данной проблематики размещены статьи: «Насилие в Бурунди вызывает опасения возникновения этнических конфликтов в других местах» («Violence in Burundi Raises Fears of Ethnic Conflict Elsewhere»), опубликованную в ноябре 2015 года, и Анисы Мехди (Anisa Mehdi) «Убийства, совершенные людьми и Богом» («Of Murder, Men and God» // Global Affairs. August 20, 2016).

Первая из них посвящена анализу событий, происходящих в республике Бурунди, связанных с выборами президента Нкурунзизы на третий срок. Отмечается политическая природа волнений в республике и то, что вражда между политическими фракциями Бурунди вряд ли приведёт к насилию на другой территории, при этом допуская эскалацию конфликта в случае, если этническое насилие повысится до такой степени, что значительное ко-

личество бурундийских гражданских лиц больше не сможет получать защиту, что приведёт к тому, что соседние страны предпримут шаги, чтобы препятствовать очередной гражданской войне.

Аниса Мехди в своей статье приходит к выводу, что «когда политическая стабильность недостаточна, религия могла бы играть стабилизирующую роль. Но, несмотря на многие положительные попытки в верующих сообществах, и с помощью мегафона СМИ, догма, кажется, превосходит справедливость» [Mehdi, 2016].

На сайте Библиотеки Конгресса США (www.loc.gov) размещена статья Лейни Чжан (Zhang Laney), которая является специалистом в области Китайского права, «Правовые положения о борьбе с экстремизмом: Китай» («Legal Provisions on Fighting Extremism: China» // Report by the Law Library of Congress. November, 2015). В статье представлен анализ законодательной базы Китая по вопросам противостояния терроризму и экстремизму. Автор отмечает, что экстремизм непосредственно связан с терроризмом и сепаратизмом, которые на словах определяются как «Три Силы», состоящие из «этнических сепаратистских сил, жестоких террористических войск и религиозно-экстремистских сил». Более подробно рассматриваются вопросы экстремизма, отражённые в подписанных договорах (экстремизм в рамках Шанхайской Конвенции, двусторонние соглашения о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом) [Zhan, 2015].

Среди исследований зарубежных учёных, представленных на XVIII мировом социологическом конгрессе в июле 2014 г. (XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology, July 13–19 2014) можно выделить работы, посвящённые анализу этнических войн и конфликтов: «Are 'New Wars' Rational? Symbolic Violence in Israel's Recent Wars» Uri Ben-Eliezer, University of Haifa, где автор на примере Израиля под-

тверждает гипотезу о том, что войны являются символическим выражением идеи о том, что этнические, этнонациональные или религиозные различия должны быть сохранены, и конфликты вдоль этих линий неразрешимы; статью, освещающую результаты этнографического исследования в Южном Тель-Авиве (Petra Andits, Hungarian Academy of Sciences), целью которого является определение путей, по которым появляющееся общественное движение «Власть Сообществу» пытается обеспечить радикальную альтернативу, создавая мост между африканцами и старыми резидентами и, таким образом, превращая «место страха» в «дом для всех». Автором рассмотрены инновационные тактики, которые сторонники данного движения используют чтобы изменить символические, реляционные и физические границы в сообществе, в частности – возобновлённую виктимизацию и беседы-дискредитации, а также пути, по которым данное сообщество высказывает до этого момента замалчиваемые опасения по поводу более широкого социодемографического статус-кво в городе Тель-Авив и Израиле в целом (Petra Andits, 2014); «Different Viewpoints of Contemporary African Intrastate Small Wars» Rialize Ferreira, в которой автор делает вывод, что две трети глобального конфликта в настоящее время происходит в Африке, а большинство миротворческих миссий Организации Объединённых Наций (ООН) размещены в этих конфликтных зонах африканских государств; «Ethnic Conflict and Internal Colonialism: Theoretical Reflections for the Indigenous Mobilizations of the 21st Century», Natividad Gutierrez Chong (Universidad Nacional Autonoma), в которой обсуждается, почему этнические конфликты в Латинской Америке не имеют отношения к сецессии (расколу) или этнонационализму, а скорее характеризуются как обновлённая политическая активность коренных народов, осуждающих

насилие и угрозы в контексте защиты территорий и природных ресурсов.

Обозначая необходимость учёта в программах предотвращения правого экстремизма результатов социологических исследований, позволяющих определить «кто, а именно, какие социодемографические группы проявляют высокие риски для развития крайне правых отношений», Katja Salomo (Friedrich-Schiller University) в своём исследовании, основанном на кросс-секционном обзоре данных, полученных из восточной земли Германии Тюрингия, предпринимает попытку установить пространственные индикаторы для правых экстремистских отношений [Salomo, 2014].

Kelvin Braouezec (French institute of Geopolitics) в статье «The English Defense League and the Bloc Identitaire: Reflection on the Influence of State Policies in the Discourse of Extremist Street Movements and Their Future in England and in France» проводит сравнительный анализ влияния национальной политики на экстремистские группы в Англии и Франции [Braouezec, 2014].

Вопросу содействия социальной инклюзии национальных меньшинств и уничтожению политического неравенства посредством участия в политической жизни на разных уровнях общества посвящена статья «After the Insurgency: Changing Strategies for Countering Political Inequalities in Bangladesh», Eva Gerharz (Ruhr-University Bochum). По мнению автора, получение доступа меньшинствами к процессам принятия решений в структурах национального правительства, является одним из ключевых вопросов для понимания причин и последствий межэтнического конфликта.

Данная работа обосновывает мысль о том, «что стратегии устранения таких политических неравенств недавно изменились, за что нужно отдать должное более эффективным межнациональным и глобальным соцсе-

тям». На основании эмпирических результатов, полученных в республике Бангладеш, утверждается, что “голос” стал вопросом стратегической уступки, которая вызвана не только перемещением соотношения сил и выражением солидарности в регионе, но которая также связана с социальными трансформациями в самом регионе конфликта: увеличение численности нового поколения с довольно разнообразными отдельными и коллективными устремлениями приводит к социальной трансформации на различных уровнях [Gerharz, 2014].

Результаты исследования учебных центров, их статусных ролей и вклада в образование и защиту детей-мигрантов и молодёжи, проживающих вокруг границы Таиланда и Бирмы в округе Mae Sot, провинции Так Таиланда представлены в работе Narumon Arunotal (Chulalongkorn University) «Creating Learning Opportunities, Creating Protection: Migrant Learning Centers in Thai-Burma Borderlands». Автор отмечает значимость этих центров с точки зрения обеспечения самоидентичности и взаимодействия с другими людьми. «Учебные центры служат средством коммуникации между детьми, молодёжью, учителями, родителями или опекунами и сообществом мигрантов. Они служат платформой для ведения переговоров и средством власти, так как они должны быть в контакте с муниципальными учреждениями, чтобы обеспечить безопасность для учителей и детей» [Arunotal, 2014].

Основное внимание в работе Jan Marie Fritz «Addressing Inequality through the Mediation of Disputes and Regional Conflicts» уделено тому, как вопрос неравенства может быть решён с помощью посредников до, во время и после медиации.

В статье «‘Bastards’ in a Globalizing World: Subverting Ethno-Racial Hierarchies», Gerhard Schutte (University of Wisconsin-Parkside) рассматриваются результаты отчуждения «неудачников» и способов, с помощью которых они

противостоят и изменяют авторитарные иерархии в глобальном мире.

Проблема футбольного экстремизма рассматривается в работе Kim-Claude Meyer (Konstanz University) и Marco Gerster (Konstanz University) «Hooliganism and the Dark Side of Football Events», в которой явление «хулиганства» рассматривается с культурно-социологической точки зрения. Авторы противопоставляют «общественную» перспективу и образы СМИ сильных актов хулиганства с собственной концепцией рассматриваемой субкультуры, показывая, что хулиганство – очень двойственное явление. Хулиганы, по мнению учёных, являются мирными и «незаметными» в повседневной жизни людьми, в то время как они склонны к насилию, пока длится «моральный отпуск» (термин Рэндалла Коллинза) [Meyer, Gerster, 2014].

Среди американских социологов, изучающих проблемы экстремизма и национализма, особое место принадлежит профессору Калифорнийского университета, Лос-Анджелес Роджерсу Брубейкеру (Rogers Brubaker). В России наиболее известна его работа «Этничность без групп» («Ethnicity without groups», 2004), переведённая на русский язык Ириной Борисовой в 2012 г. В 2015 г. вышла в свет его новая книга «Основания для различий» («Grounds for difference», Harvard University Press, 2015). Предлагая свежий взгляд на вечные вопросы этнической принадлежности, расы, национализма и религии, Роджерс Брубейкер анализирует три силы, которые формируют «политику» разнообразия и мультикультурализма в наше время: неравенство как проблема, интересующая всю общественность, биология как утверждённое основание расовых и этнических различий, а также религия как ключевая область столкновения общественных интересов. Автор показывает, как категории различия, такие

как раса, этническая принадлежность и пол встраиваются в устойчивые структуры неравенства [Rogers, 2016].

В статье «Religious Dimensions of Political Conflict and Violence», направленной на разработку детальной и квалифицированной методологии учёта отличительных способов, с помощью которых религия может информировать о политических конфликтах и насилии, Брубейкер отчётливо обосновывает религиозные корни некоторых политических конфликтов, вызванные религиозным пониманием правильного порядка, а также своеобразие религии как богатой матрицы взаимосвязанных условий и механизмов, которые – в определённых контекстах – могут способствовать развитию политического конфликта и насилия/жестокости, даже если причины не являются исключительно религиозными. В то же время в работе показано, что многие мнимо религиозные конфликты являются принципиально похожими на другие типы конфликтов, возникающие при борьбе за политическую власть, экономические ресурсы, символическое признание или культурное воспроизводство [Rogers, 2015].

Изучению вопросов расовых различий, идентификации и неравенства посвящены работы американских социологов Michael T. Light и Jeffery T. Ulmer, Rory Kramer, Ruth Burke, Camille Z. Charles, (The Pennsylvania State University), Thomas J. Mowen, Richard Stansfield (University of Delaware).

Michael T. Light и Jeffery T. Ulmer, выявляя связь между миграционными процессами, расовым неравенством и уровнем убийств, делают вывод, что иммиграция связана с уменьшением показателей уровня убийств среди светлокожих. В соответствии с перспективами сдерживания, большее различие расового/этнического заключения связано с меньшими расовыми/этническими различиями в показателях человекоубийств [Light, Ulmer, 2016].

Rory Kramer, Ruth Burke, Camille Z. Charles занимаются исследованием «феноменологии расовой силы среди сотрудников правоохранительных органов, или «привязывание» власти, субъективность и воплощение практик расизма в их повседневной жизни» путём проведения этнографических полевых исследований, наблюдений участников и подробных качественных интервью с сотрудниками правоохранительных органов, расположенных в нижней долине Техаса Рио-Гранде [Kramer, Burke, Charles, 2015].

Исследования Thomas J. Mowen, Richard Stansfield посвящены факторам изменения расовой самоидентификации детей иммигрантов. В результате проведения лонгитюдного/продольного исследования детей иммигрантов, основываясь на теории социальной идентичности, авторы делают вывод, что «самооценка, самоуважение и сплочённость семьи относятся к индивидуальным переменам в расовой идентификации в период между волнами миграции, а социально-экономическое положение и степень угнетённости/подавленности не связаны с изменениями в расовой идентификации» [Mowen, Stansfield, 2016].

Работы Дианы Родригез Франко (Diana Rodríguez-Franco) – социолога Северо-Западного университета – направлены на развитие политической экономии, сравнительной экологической политики, сравнительной и исторической социологии, социологии права и прав человека, политической социологии с акцентом на Латинской Америке. В одной из её последних публикаций «Внутренние войны, налогообложения и государственное строительство» (Internal Wars, Taxation, and State Building // *American Sociological Review*. February, 2016) рассматривается вопрос о том, смогут ли и каким образом внутренние войны привести к формированию государства. Автором предложена новая концептуальная основа для понимания различных воздействий внутреннего конфликта на государственный потенциал, измеряемый через налогообло-

жение, высказано предположение, что подобно внешним войнам внутренние войны могут привести к увеличению налогов, когда они усиливают чувство солидарности по отношению к государству среди элиты, и мотивировать государство укреплять и территориально расширять налоговое администрирование. Солидарность элиты, в свою очередь, зависит от того, в какой степени элита воспринимает риски войны как реальные, решает защищать свои интересы с помощью государства и испытывает чувство патриотизма. Однако, из-за существования инсургентов/мятежников с налоговым потенциалом положительный эффект влияния внутренних войн на вопросы государственного устройства может быть затруднён. Автор исследования использует этот фрейм для осознания смысла происходящего в Колумбии, Малайзии и Сингапуре, где внутренние войны, несмотря на деструктивные последствия, заканчивались формированием государства вместо его краха [Rodríguez-Franco, 2016].

Также определённый интерес представляет работа Joscha Legewie (New York University, Йельский Университет) и Merlin Schaeffer (WZB Berlin Social Science Research Center) «Contested Boundaries: Explaining Where Ethno-Racial Diversity Provokes Neighborhood Conflict», в которой вводится термин «спорные границы», определяемые как границы между этнически однородными районами, которые не определены в качестве чёткого контекстуального объяснения причин конфликтности жителей района/сообщества. Авторами выявлена зависимость между определённостью границ и конфликтностью района: конфликты чаще всего возникают в пределах нечётких границ, нежели поляризованных (Joscha Legewie, Merlin Schaeffer, 2015).

Приведённый обзор, как и в случае с отечественными публикациями, охватывает лишь часть работ, выполненных зарубежными исследователями в последние годы.

Глава 4

Опыт некоторых зарубежных исследований экстремального поведения молодёжи

Научные и практические разработки проблемы экстремизма в России и за рубежом включают анализ понятия и определение его границ. В одной из методических рекомендаций для студентов (Германия) [Timm, 1995] предложено изучить работы социолога Хайтмайера (Heitmeyer) 1985–1997 годов, в которых разрабатывается представление о причинах экстремизма и терроризма на основании высказываний населения по критическим проблемам общественной жизни и нормам справедливости, заложенным в Основном законе государства (конституции). Хайтмайер считает, что молодёжное насилие и выбор в качестве мишени якобы «неполноценных» граждан (иностранцы, бездомные, инвалиды) – это реакция на возросшую роль «естественного неравенства» в результате размывания чётких классовых различий. Многие учёные согласны с Хайтмайером в том, что современный правый (а также и левый) экстремизм характерен для индивидов, потерпевших фиаско в ходе модернизации, которая приводит к обострению конкуренции, отчуждению, создаёт условия для «пустого» времяпровождения и препятствия для общественной солидарности. В этих условиях «идеология неравенства как оправдание насилия оформляет оппозицию теоретически сформулированным, но практически неисполнимым благопожеланиям политиков-демократов относительно свободы и равенства граждан». Новая повседневность требует от молодого, незрелого человека постоянного «профилирования» в условиях, когда борьба за возможности самореализации весьма затруднительна. По его мнению, суть экстремизма заключается в том, что управленческие решения, за которыми стоит нормативное (предполагаемое) согласование

знаний, богатства и престижа, не согласуются с реалиями жизни – объективными и субъективными возможностями. В этой дисфункции кроется опасность экстремизма как социального явления для общества и государства.

В условиях социальной дезинтеграции, ухудшения экономической жизни, социально-психологического дискомфорта, чувствуя свою причастность к общей и близкой духовной силе, какой представлен ему национализм, индивид полагает, что он обрёл себя. Его эмпирическая незначительность как индивида, социального «атома», песчинки в огромном мире восполняется причастностью к «общей» судьбе нации, национальной группы под давлением националистической идеологии. Судьба нации превращается для него в высшую моральную и политическую программу, реализация которой мыслится только за счёт интересов других наций и этносов. Англичанин профессор Х. Питтс утверждает, что современные массовые беспорядки на стадионах и площадях обусловлены растущим недовольством молодёжи (безработица, возможности образования, неравенство доходов и др.). Большинство участников массовых беспорядков – выходцы из бедных слоёв общества, которым нечего терять [Castella, McClatchey, 2011].

Аналогичные наблюдения относительно социальных причин радикализма изложил исследовательский коллектив проекта **MyPlace** [Mierina, 2015], проанализировавший данные опросов молодёжи в 14-ти странах Европы. Учёные пришли к выводу, что причиной ксенофобии, шовинизма, эксклюзии мигрантов и других проявлений нетерпимости в отношении этнических меньшинств и иммигрантов является ограниченный доступ некоторых групп населения к ресурсам и финансам, проживание в бедности или наблюдение бедности вокруг себя. Ультраправая идеология становится особенно привлекательна для групп общества, которые менее всего

социально защищены и более зависимы от конкуренции. Их неудовлетворённость, уязвимость и страхи создают почву для конфликтогенности. Картографирование территорий, где наиболее распространена поддержка праворадикальных идеологий среди молодёжи в Европе (30 мест, около 17 тыс. чел.), а затем многоуровневый регрессионный анализ выявили закономерности географического свойства, проявляющие значительное увеличение поддержки крайне правых партий и тревожный рост правого экстремизма, рост авторитарных и расистских настроений во многих частях демократического мира в Европе за последнее десятилетие. Изучена склонность молодых людей включаться в праворадикальные движения», но не исследуется активность кукловодов, миссионеров и пр. организаторов [Mierişa, 2015].

Авторами рассмотрено несколько фундаментальных теорий возникновения правого радикализма: воздействие этнического разнообразия на индивидуальную картину мира или собственную социальную идентичность; влияние модернизации и урбанизации на политические взгляды; социально-структурные объяснения («уровень иммиграции, экономические условия и уровень поддержки политической системы»); влияние СМИ на политические взгляды, сплочённость общества.

Исследование показало, что негативное отношение к меньшинствам и иммигрантам зачастую основывается на предубеждении. Отношение молодых европейцев к иммигрантам сильно различается даже в пределах одной страны, поэтому последующие исследования предпочтительно проводить на национальном уровне [Mierişa, 2015]. Возможно, это позволит авторам оценить степень влияния индивидуальных и средовых факторов на уровень интолерантности.

Аналогичные результаты получены в исследовании CasMudde: «Идеологическое ядро новой «популистской

праворадикальной» идеологии ... представляет собой сочетание нативизма (native – «врождённый», «родной», жить там, где родился), авторитаризма и популизма, из которых нативизм рассматривается как ключевой признак». Таким образом, глобализации и миграции противопоставляется нативизм и ксенофобия как средства защиты своего государства.

Личность и адаптация. Среди специалистов, исследующих экстремизм как социальное явление, иногда выделяют два направления. Первое – изучение идеологических (политических, религиозных, этнонациональных и т.п.) аспектов в асоциально агрессивном поведении. Второе – концентрация внимания на противоправных действиях и рассмотрение экстремизма в ряду уголовно наказуемых деяний [Варданянц, 2005]. Второй подход, в традициях криминологии, предполагает изучение личностных характеристик и ближайшего окружения правонарушителя (семья и родственники, а также группа друзей), которые опираются на различные механизмы социализации молодого человека.

За рубежом молодёжные девиации воспринимаются иногда как возрастная норма или проявление интолерантности в межкультурном или межпоколенческом взаимодействии. В английской прессе упоминается о педофобии – страхе взрослых перед подростками и детьми. Часть учёных, среди которых большинство составляют психологи, относит экстремальные проявления в поведении молодёжи к «нормальному» пубертату и считает их нормальным подростковым кризисом, который «пройдёт сам по себе», без последствий. В то же время психиатры полагают, что нерешённые проблемы подросткового этапа взросления могут вылиться в психические расстройства (например, неврозы) или патологические зависимости (наркотизация, алкоголизация, токсикомания, лекарственные злоупотребления). Этим объясняется значи-

тельный интерес зарубежных исследователей к личностным особенностям членов экстремистских группировок, а также к стратегиям совладающего поведения (копинг-стратегии). В связи с экстремизмом можно упомянуть один из механизмов поведения в ситуации неудачи – месть социуму. Некоторые люди в ситуации неудачи, мучительно переживая невозможность получить то, что для них желанно, погружаются в чувства несправедливости, обиды, гнева. Оценивая свои трудности и неудачи как несправедливые, такие люди предоставляют себе право протестовать, мстить. Следствием такой оценки неуспеха и связанных с ней негативных переживаний являются обращённые к другим людям и ко всему миру мстительные действия. Присущее человеку желание полноценной жизни превращается в борьбу с людьми и миром. В таких случаях можно говорить о психологической уязвимости личности, а также о недостаточном социальном опыте, ограниченном поведенческом репертуаре.

В немецком исследовании биографий радикалистов в заключении исследователи [Lützing, 2010] отмечали типичные личностные характеристики опрашиваемых: сильная ориентация на новые впечатления, желание рисковать, выраженная тенденция к демонстративности, самопрезентации (Selbstinszenierung). Кстати, в диссертационном исследовании белорусского психолога Н.Л. Пузыревич, в котором сравнивались социально-психологические характеристики трейсеров («бытовые экстремалы»), спортсменов и «обычных» подростков, было выявлено, что подростки-трейсеры ориентировались преимущественно на собственные переживания и максимум риска в своих действиях, не оценивая возможных травм [Пузыревич, 2011]. Это сравнение позволяет сделать вывод: чем меньше рефлексия у индивида, тем выше вероятность экстремального поведения.

Значительный интерес зарубежных исследователей к личностным особенностям экстремистов обусловлен методологией научных исследований и тенденцией к психологизации социальных процессов.

Психологи, криминологи, социологи отмечают, что значительный вклад в развитие асоциальной дезадаптации вносит семья как главный агент социализации. Так, в Германии по заказу Федерального криминального управления среди заключённых и мигрантов, осуждённых за экстремизм, проводились добровольные нарративные интервью. Исследование было посвящено особым обстоятельствам жизни, которые могут побудить людей к участию в экстремистских и террористических группах и объединениях. Биографии 39 левых, правых (большинство опрошенных) или исламских (меньшинство опрошенных) террористов проанализированы во всей глубине и сложности с учётом их опыта и самовосприятия, а также представлений об экстремизме и терроризме. Исследователи изучали различные значимые события в жизни собеседников – случаи насилия, семейный климат, жизнь внутри и за пределами сообщества, чтобы выделить общие черты в биографиях.

Одно из основных наблюдений – происхождение интервьюируемых из семей, где родители не имели постоянного места работы, в которых не были развиты способы совместного и продуктивного решения проблем и преодоления трудностей. В начале своей жизни опрошенные жили в дисфункциональных семьях, были предоставлены самим себе. Усвоенные ими стратегии совладания с трудностями, перенесённые во внесемейную сферу, приводили к новым конфликтам в школе, к социальной изоляции. Вал конфликтов внутри и вне семьи приводил к эмоциональной отстранённости или уходу подростка из семьи. Присоединение к альтернативному, чаще всего внешкольному окружению имело особое зна-

чение для подростка. При недостатке ощущаемой защиты и ориентации в родительском доме узкий круг сверстников становился единственной системой социальной поддержки, «второй семьёй». Обеспечиваемая группой идентичность (например, скинхед, джихадист) облегчала экстремальное поведение внутри группы или вместе с группой. Семейные обстоятельства радикалистов не отличаются от таковых у прочих подростков-девиантов.

Опрошенные в своих рассказах много внимания уделяли насилию, установлению отношений власти, презентации маскулинности, наряду с презрением по отношению к «неверным» или «ленивым». Нормативные представления опрошенных относительно насилия отличались значительной «гибкостью»: порицалось «чужое» насилие и оправдывалось «своё».

В группах радикалистов злоупотребление алкоголем и наркотиками использовалось чаще всего в качестве дисфункциональной стратегии совладания с трудностями – согласно усвоенным семейным традициям. При этом представители левых и правых радикальных группировок чаще рассказывали об эпизодах эксцессивного пьянства, а члены исламистских группировок – о воздержании от алкоголя.

В немецком исследовании биографий радикалистов момент присоединения к группе и долгосрочного членства в ней радикалисты связывают с фазой своей жизни, для которой характерно одиночество и потеря социальных ориентиров. Авторы констатируют, что в этот момент решающее значение приобретает наличие социальных ролевых моделей в ближайшем окружении. Религиозные или политические мотивы при этом играют подчинённую роль. Основным мотивом присоединения к экстремистской группе (для лиц моложе 25 лет) был поиск социальной опоры, понимания и чёткой структуры. Переход от экстремизма к терроризму оказался, вопреки

ожиданиям исследователей, незапланированным и непредсказуемым, спонтанным для самих респондентов. Иницирован этот переход был не внутренними убеждениями члена группы, а групповой динамикой или вынужденным ролевым поведением, а также такими непредвиденными обстоятельствами, как встреча с жертвами войны, незапланированный доступ к взрывчатым веществам и т.п.

Подводя итоги, авторы исследования констатируют:

1) выявлено сходство психосоциальных личностных структур в идеологически различающихся сообществах (левые и правые радикалисты, исламские террористы);

2) независимо от идеологического контента, радикалистские группировки предоставляют схематические решения для компенсации индивидуальной дефицитарной социализации и группирования с другими ровесниками. Таким способом вытесняются «старые проблемы» семейной социализации и формируется новая «коллективная» идентичность;

3) террористы и экстремисты часто не проявляют выраженного интереса к политике или религии, однако они воспринимают характер аргументации и взгляды своего (экстремистского) окружения;

4) по своим социальным характеристикам террористы и экстремисты в основном не отличаются от других групп делинквентов, что связано с дефектами первичной социализации;

5) карьера террориста или экстремиста развивается во многом под влиянием случайных событий (выбор общества, переход в другую группу и т.п.) [Lützing, 2010].

Неблагополучное окружение в семье и «на улице» способствует перерастанию фактов индивидуальной психологии в социальные факты подростковой преступности. В ряде исследований подтверждается положитель-

ная корреляция между членством в молодёжной группе и различными девиациями, в том числе серьёзными правонарушениями. По результатам масштабного опроса старшеклассников в 62 городах в 30 странах (N = 40,678), в котором речь шла об уличных подростковых сообществах с разной степенью криминального характера, исследователи установили, что внутригрупповое заражение («механизм стада») сильнее влияет на противоправную деятельность, чем предпочтения в выборе единомышленников. Таким образом, учёные признали преобладающее значение групповой идентичности для членов девиантных молодёжных группировок, к которым можно отнести агрессивные объединения радикалистов. В разных странах от 1 до 16% опрошенных несовершеннолетних оказались причастными к устойчивой уличной молодёжной группе, для которой характерна противоправная деятельность [Herd Behavior, 2014].

Результаты опроса футбольных фанатов и скинхедов, совершивших преступления, также выявили ряд форм семейного неблагополучия, которые компенсировались членством в группах ровесников с асоциальной направленностью. Комфортность подростка значительно возрастает с приходом в группу. Принадлежность к экстремистской группе с её достаточно жесткой регламентацией внутригрупповых отношений обеспечивает по крайней мере психологическую устойчивость и защиту от агрессии извне. Одновременно она обязывает подростка, далее вне зависимости от его собственных интересов, выступать на стороне группы. В таких условиях существенно возрастает внушаемость, эмоциональная заражённость, ориентация на коллективные требования, которые необходимы для сплочённости группы. Националистическая идеология как раз и направлена на обострение чувства принадлежности несовершеннолетнего к нации, этносу. В группе подросток ищет и находит дру-

гую микросреду похожих на него ровесников, где, наконец, обретает «общественный» статус [Чамкаева, 2013]. В антисоциальной группе радикалистского толка дезориентированный одинокий подросток считает, что возвращает другим людям то зло, которое они ему принесли. Совершаемые таким образом мстителем физическое насилие, оскорбления, клевета, хамство или иные разрушительные действия в отношении людей, понимаются им как справедливые. Ещё одной важной особенностью мести экстремистов и террористов является то, что она зачастую обращена не против того, кто причинил мстящему человеку какой-либо ущерб, а против других людей. Зачастую такому смещению способствует неправомерное обобщение «Все они такие».

Австралийские исследователи выделяют групповую динамику в качестве механизма развития экстремистских настроений [Australian Government..., 2015]. Членство в группе помогает изменить самочувствие индивида, когда коллективное совершение насильственных действий компенсирует самооценку, чувство одиночества, заполняет пустоту и т.д. По мере включения в радикальную группировку люди начинают отказываться от нормальной повседневной деятельности, от друзей, меняют привычный круг общения. Некоторые группы требуют от новичков пройти обряд инициации или дать присягу на верность, чтобы доказать свою приверженность. Чаще всего радикализация подразумевает тесное личное общение.

В работах австралийских коллег отмечается различие радикализма взглядов и радикализма действий. Наряду с личным общением используются приёмы вовлечения в радикальные группы через интернет. Человек может стать членом интернет-сообщества и участвовать в радикализации мнений в виртуальном пространстве. В процессе радикализации человек может привлекать вни-

мание к своим убеждениям или направлять посыл определённой группе – становится пропагандистом. Такие действия могут не причинять серьёзного вреда, но все же быть незаконными, т.к. содержат потенциальную угрозу. К ним относятся вандализм, незначительные повреждения собственности, незаконные проникновения в помещение, протесты с применением силы. В Австралии акты насилия совершались во имя различных религиозных убеждений. Некоторые действия были спланированы малочисленной группой или отдельными индивидами, другие были поддержаны зарубежными организациями. Насильственный экстремизм возникает, когда человек или группа людей действуют согласно убеждению, что страх, террор и насилие имеют оправдание для достижения идеологических, политических или социальных изменений. Само по себе наличие радикальных взглядов, по мнению австралийских учёных, не является проблемой. Легальные протесты – законный способ стремления к изменениям в демократическом обществе. Радикализм опасен, только если оправдывает и пропагандирует применение насилия и других противоправных действий.

Экстремистские идеологии используют картину мира в черно-белых красках, для сплочения группы создают чёткий, конкретный образ врага и обвиняют «других» в создании жизненных проблем для группы. Когда человек радикальных взглядов дегуманизирует, схематизирует выбранного оппонента, это развязывает ему руки в применении насилия. Австралийские исследователи утверждают, что некоторые индивиды, придерживаясь радикальных взглядов и поощряя насилие, не понимают сути идеологии, сторонниками которой якобы являются. В Австралии отмечено небольшое число «групп ненависти» из-за их антииммиграционной, антисемитской и антиисламистской направленности. Общим признаком выделения радикалистских групп является враждебность к оп-

ределённым категориям населения, интолерантность к «другим» и неприятие иной точки зрения, выражаемые действием [Australian Government..., 2015].

Механизмы участия в экстремистских группировках сродни спортивному фанатству. «Групповое мышление», вытесняющее индивидуальный разум человека, увеличивает вероятность проявления насилия. Под лозунгами поддержки любимой команды ярые футбольные фанаты часто оказываются участниками неуправляемого деструктивного поведения, которое может привести к тяжёлым ранениям и даже убийствам [Пузыревич, 2011]. Психологи утверждают, что в большой группе человек утрачивает свою моральную идентичность, ослабевают его индивидуальные чувства (сопереживание, страх, вина), которые сдерживают людей от проявления насилия. Уровень морали обратно пропорционален количеству участников группы: «Когда ты находишься в большой группе людей, которая относительно анонимна, то фактически можешь делать, что хочешь». Когда участников правонарушения несколько сотен, вероятность наказания невелика (профессор Дж. Томпсон). Футбольный фанат описывает свои ощущения, участвуя в футбольных беспорядках: «Это напоминает кайф. Это волнительно. Ты не можешь отказаться от этого кайфа – рёва толпы. Что-то происходит, когда ты ощущаешь себя частью такой группы людей». Мотивацией участия в подобных мероприятиях является такой «кайф» иногда с бонусом в виде «бесплатных вещей», без всякой идеологии. Однако главари, управляющие толпой, часто нацелены на получение материального вознаграждения наряду с моральным удовлетворением своей потребности во власти, иерархии, самоутверждении [Mieręta, 2015].

Изложенные наблюдения указывают, что зарубежные исследователи распространяют понятие экстремизма не только на организованные группы, но и на спон-

тантные сообщества, возникающие в реальной и виртуальной среде. При этом отмечается роль социальных сетей в организации реального группового поведения (флешмоб). Огромная часть информации о массовых беспорядках, выложенная в социальные сети, может стать призывом к массовым акциям в обход закона, поскольку содержит не только информацию и оценки (справедливость, неравенство и т.п.), но апеллирует к эмоциональным механизмам подражания, заражения, сочувствия.

При неупорядоченном поведении толпы индивидуальные оценки и формирование собственной точки зрения человека на происходящую ситуацию уступают место автоматическому следованию за поведением массы. Особенно в условиях критической ситуации люди стараются следовать темпу движения, копировать действия других, физически взаимодействовать друг с другом и игнорируют альтернативные стратегии поведения, растворяясь в толпе. Мы ежедневно сталкиваемся со стадным поведением людей в повседневной жизни, которое не носит агрессивный характер, например, в местах массового скопления.

По мнению голландских исследователей, людям определённно нравится быть частью толпы, они упиваются чувством единства (!). Для многих скопление в массу – это лишь развлечение (фестиваль, карнавал, день города). Даже при таких серьёзных событиях, как бунт или самосуд, в толпе заметны люди в приподнятом настроении, которые пришли развлечься. Когда масса людей собирается вместе с целью развлечь себя и получить новые ощущения, среди них могут оказаться провокаторы. Они будут добиваться «возгонки настроения» разными способами, в том числе поджогами, метанием вещей, погромами и др. Такое поведение не приветствуется властями. Для защиты остального населения, прекращения проти-

воправных действий, с целью обуздать толпу используются силовые методы [Sande, 2005].

Толерантный подход голландских специалистов к экстремальному массовому поведению опирается на методологию изучения толпы в работах Г.Тарда и Г.Лебона, а также на представления о неререфлексивном характере массового сознания.

Подводя итоги изложенного, можно констатировать определённое сходство в подходах к исследованию экстремизма в России и за рубежом. Прежде всего, сходство касается контекста – социальные истоки протестного поведения, которые усиливаются социально-психологической уязвимостью некоторых групп молодёжи. Зарубежные исследователи много внимания уделяют личностным характеристикам участников экстремистских (радикалистских) групп, которые являются производными от условий их первичной социализации в деструктивных семьях. Как и отечественные исследователи, они считают дефициты семейного воспитания главной причиной асоциального поведения несовершеннолетних и формирования групп с криминальной направленностью, среди которых экстремистские группировки выделяются регулярным применением насилия в отношении определённых групп населения («чужие»). При этом за рамками внимания остаются пропагандисты и провокаторы насилия в реальной и виртуальной среде, механизмы спонтанной самоорганизации в экстремистских группах. Отмечается решающая роль групповой динамики в организации насильственных действий. Анализируя девиантные группы с асоциальной идеологией, зарубежные учёные также усматривают элементы опасности экстремизма в массовых беспорядках, спортивном фанатизме. Главным признаком экстремистских действий зарубежные исследователи считают «идеологически» аргументированное применение насилия в отношении определённых

ных групп населения, которые маркируются по конкретным признакам как враждебные или заслуживающие социальной эксклюзии. В литературе распространено мнение, что экстремизму сопутствуют другие проявления девиантного поведения (употребление психоактивных веществ, вандализм, мародёрство и т.д.).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ: «ВХОДНЫЕ ВОРОТА» МОЛОДЁЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Глава 5

Молодёжная экстремальность, преступность и экстремизм: методологические рамки эмпирических исследований

В основу данного раздела положены материалы многолетних исследований различных форм девиантного поведения, проведённые сектором социологии девиантного поведения Института социологии РАН под руководством М. Е. Поздняковой. Одной из многочисленных целей изучения различных форм девиантного поведения является изучение экстремального поведения, рассматриваемого чаще всего в качестве девиантного.

Настоящая работа опирается на результаты следующих исследований: «Девиации и социальный контроль в современной России», «Особенности девиантного поведения различных групп населения России. Социальный контроль и профилактика», «Особенности подростково-молодёжного девиантного поведения на современном этапе развития. На пути криминализации и десоциализации», «Роль рискогенного поведения в распространённости употребления психоактивных веществ».

В работе использованы результаты вторичного анализа данных специальной литературы по заданной теме и анализ статистических данных Росстата, МВД, ФСИН, Минздрава, судебного департамента.

Эмпирическая база – исследования сектора социологии девиантного поведения. Это многолетний мониторинг Интернет-пространства и анализ информационного контента различных сайтов и групп в социальных сетях («ВКонтакте», «Мой мир», «Фейсбук»), посвящённых различным формам девиантного поведения (2008–2017 гг.). В Интернет-пространстве исследователями инициирова-

но значительное число веб-дискуссий на форумах, проведено несколько онлайн опросов в целевых виртуальных группах. Нескольких волн онлайн-исследований трудоспособного населения России (18–60 лет), проведённых по многоступенчатой квотной выборке, а также студентов (2010–2017 гг.).

Использованы материалы исследований различных лет среди школьников и студентов в различных регионах страны. Проанализированы данные опросов целевых групп подростков с негативной направленностью личности: «трудные» подростки из специализированных школ-интернатов (12–15 лет), несовершеннолетние подростки, состоящие на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) территориальных органов МВД России, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, респондентов, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов² и учреждениях пенитенциарной системы (Белоре-

² Специальные учебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних – это учреждения для лиц, нуждающихся в особых условиях воспитания, совершивших социально опасные деяния (правонарушения или преступления), но освобождённых по возрасту от уголовной ответственности. В учреждения открытого типа принимаются дети от 8 до 18 лет на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, заключения медико-педагогической комиссии и с согласия несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, их родителей или законных представителей. Основные задачи учреждений открытого типа: исправление и социальная реабилитация детей и подростков, их общее и профессиональное обучение. В учебно-воспитательные учреждения закрытого типа направляются дети в возрасте от 11 до 18 лет: по постановлению судьи – несовершеннолетние, не подлежащие уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и несовершеннолетние, достигшие возраста уголовной ответственности, но не подлежащие ей вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, что не позволяло в момент совершения общественно опасного деяния в полной мере оценивать фактический характер и общественную опасность своего действия или бездействия или руководить им; по приговору суда – несовершеннолетние, осуждённые за совершение преступления средней тяжести и освобождённые от наказания в соответствии со ст. 92 УК РФ. Специальные (коррекционные) образовательные учреждения закрытого типа предназначены для несовершеннолетних, имеющих нарушения в психофизическом развитии и (или) заболевания.

ченская колония в Краснодарском крае и др.). Кроме того, использованы материалы специальных опросов, посвящённых изучению связи рискогенного поведения с различными формами девиантного поведения и поиском острых ощущений. В ареал исследований вошли: Москва и Московская область, Ярославская область (Ярославль, Рыбинск), Краснодарский край (Краснодар, Белореченск), Надым, Нижневартовск, Казань, Бузулук, Вятские Поляны и Можга. Онлайн исследование, помимо запланированных 23-х городов, позволило дополнительно опросить подростков из городов Южного федерального округа.

Многочисленные опросы молодёжи показывают, что понятие «экстремизм» является для них сложным. Так, например, как показали результаты исследования студентов [Забарин, Иванова, 2013], они в большинстве своём не имеют или имеют очень слабое, размытое представление об экстремизме. Несмотря на то, что это понятие широко используется СМИ, на вопрос о том, знают ли студенты вообще, что такое экстремизм, утвердительно ответило больше одной трети опрошенных респондентов (37%), пятая часть (21%) «что-то об этом слышала», остальные 42% участников опроса ответили, что они с ним «не знакомы, и не знают, что это такое». Многие затрудняются в определении экстремизма. Лишь более половины студентов могли дать какое-то объяснение, при этом отсутствует единое мнение, что такое экстремизм, т.к. это понятие ими трактуется по-разному. Более того, отмечено, что часть студентов путают экстремизм как социально-политическое явление с экстремальными увлечениями. Чаще всего студенты воспринимают экстремизм как способ противостояния власти, как проявление нетерпимости в обществе в крайней форме. Таким образом, под экстремизмом часто понимается приверженность к крайним взглядам и действиям в политике, причём ставится знак равенства между понятиями «экстре-

мизм», «патриотизм», «расизм», «национализм», «традиционализм». Однако, как явление современной действительности, экстремизм охватывает не только сферу политической деятельности. В этой связи следует различать понятия экстремизм, экстремальность и экстремальное поведение. Экстремизм – это разрушение, он означает пренебрежение человеческими нормами. Не случайно, по данным наших исследований, в сознании россиян экстремизм представлен в виде неправовых протестных форм, образов, понятий. Появление и воспроизводство экстремизма вызвано совокупностью объективных и субъективных причин социального, экономического, национального, идеологического, психологического характера [Бахтин, Тюгашев, 2008]. Для экстремистской деятельности характерно идейное оформление агрессивности. В основе экстремизма лежит агрессия, но, следует признать, далеко не каждый случай агрессии равнозначен экстремизму.

Экстремальность – это естественный этап жизнедеятельности индивида. Экстремальность остаётся в границах системы и не ведёт сама по себе к её разрушению; к деструкции. Экстремальность не ведёт к уничтожению социального единства, как это происходит с экстремизмом. В границах максимума как экстремальности и минимума как пассивности и инертности достигается полнота общественной жизни, которая не переходит в абсолютный хаос, к чему могут привести тотальные экстремистские действия и абсолютизация экстремизма в сознании [Волкова, 2011]. Экстремальное в социуме выполняет ряд функций, тем самым поддерживая стабильность социальной системы. Среди них следует отметить функцию инициации как посвящение в относительно замкнутое сообщество людей готовых или склонных рисковать жизнью; функция сублимации, позволяющая уйти от социально опасных действий и переключить их на

расширение границ собственного «я», функция канализации, сознательное формирование каналов для выброса энергии масс. Как с нашей точки зрения, так и с точки зрения многих исследователей [Положение молодёжи и реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации, 2008; Творчество как позитивная девиантность, 2015], экстремальность наиболее полно проявляется в творчестве, одухотворённой деятельности, спорте, подвиге. Однако в условиях, когда общественная система находится в нестабильном, переходном состоянии, в критических и пограничных ситуациях, в момент смены принятых норм, ценностных ориентаций, заложенный в каждом человеке экстрим получает возможность трансформации в негативные экстремальные проявления. Именно шкала ценностных ориентиров определяет то, какой направленности может оказаться экстремальное поведение. Оно может проявляться либо в нигилистическом отрицании ценности и значимости каких-либо отношений и институтов, либо в их фанатичном приятии, готовности многим пожертвовать ради них, включая собственную безопасность. Столкновение различных ценностных ориентиров приводит к нарастанию внутренней, негативно заряженной энергии, которая проявляется, как правило, в экстремальном девиантном поведении.

Обычно выделяют три основные формы проявления экстремальности: *просоциальную, асоциальную и антисоциальную*, в основе которых лежат соответствующие типы поведения: просоциальное, асоциальное и антисоциальное. Существуют три основные разновидности антисоциального поведения: *девиантное, делинквентное и криминальное*. Антисоциальная экстремальность характеризуется отрицательным, неподчиняющимся общественным нормам поведением индивида, и направлена на разрушение, дестабилизацию. Эта форма экстремально-

сти остаётся социально неодобряемой и вызывает протест со стороны общественного мнения. Этот раздел в основном и посвящён антисоциальной экстремальности.

В настоящей работе экстремальное поведение рассматривается через призму различных форм девиаций. Иными словами, экстремальное поведение – это вид девиантного поведения, которое инициирует для индивида и окружающего его социума возникновение ситуаций, характеризующихся высокой степенью риска и угрозой для жизни как самого индивида, так и тех, кого он вовлекает в это пространство на грани жизни и смерти, и которое позволяет выявить предел возможностей индивида. Таким образом, *экстремальное поведение* – это крайние способы достижения социальной справедливости, каких-то благ и привилегий, как для себя, так и для депривированных социальных групп (например, социальных сирот, групп с низким уровнем жизни, групп риска и т.д.). Экстремальное поведение как тип девиации представляет собой сложное социальное явление, имеющее тенденцию к саморазвитию. Его появление обусловлено наличием целого ряда социально-экономических и социокультурных факторов, тесно взаимодействующих между собой. В то же время, отсутствие одного или нескольких из этих факторов значительно препятствует распространению *экстремистских* настроений и резко снижает воздействие экстремистской идеологии на этнонациональный менталитет и социокультурную деятельность. Экстремизм в поведении человека и социальных групп – явление, свойственное каждой исторической эпохе, не поддающееся, вероятно, полному искоренению. Но степень и острота проявления экстремистских настроений обусловлены социальными и экологическими трансформациями, ослаблением уровня целостности общества.

В докладе Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), подготовленном специально для «Газе-

ты.Ru» [Дергачёв, Винокуров, 2016] отмечается, что в России за последние пять лет в 3 раза выросло число осуждённых по антиэкстремистской статье 282 УК. Для доклада «Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика» (имеется в распоряжении «Газеты.Ru») эксперты ЦЭПР опирались на статистику судебного департамента при Верховном суде. По их подсчётам с 2011 г. резко выросло число осуждённых по самой знаменитой антиэкстремистской статье 282 УК и трём её пунктам (возбуждение ненависти) со 137 до 414 человек. В первую очередь растёт число осуждённых по 1-й части этой статьи («возбуждение ненависти либо вражды <...>, совершенное с использованием Интернета»). Если в 2011 г. было 82 таких осуждённых, то в 2015-м – уже 369. Ещё более значительно выросло число осуждённых по статьям 280 и 280-1 УК (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и сепаратизму) – с 12 до 69 человек. В 2015 г. также увеличилось количество тех, кого осудили по ч. 2 ст. 280 УК (те же действия с использованием СМИ и интернета). В 2014 г. подобных дел было всего четыре, а в 2015-м – уже 19. Информационно-аналитический центр «Сова» подсчитал, сколько граждан отбывали наказание по этим статьям в конкретные месяцы. Их число хоть и невелико, но оно заметно увеличилось в последние годы. По данным на декабрь 2013 г., за эти преступления сидели 20 человек; на январь 2015-го – 29 человек. А вот уже по данным на сентябрь 2015 г. наблюдается резкий рост – 54 человека. За этот же период выросло число осуждённых к лишению свободы по ст. 280 (с 6 до 11 человек), ст. 282 (с 15 до 25 человек) и ст. 282.2 (с 14 до 26 человек) [Кравченко, 2017]. За 2015 г. было осуждено 525 человек, 4,6% из них – женщины. Более половины осуждённых – молодёжь до 25 лет, большая часть оставшихся – 25–50 лет. По делам об экстремистских преступлениях в 2015 г. вынесены об-

винительные приговоры 544 подсудимым. Такие данные содержатся в опубликованном Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации документе «Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции в 2015 году» [Основные статистические показатели..., 2015]. Осуждённые обвинялись по статьям 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282 (возбуждение ненависти либо вражды), 282.1 (организация экстремистского сообщества) и 282.2 (организация деятельности экстремистской организации) Уголовного кодекса. По сравнению с 2014 г. количество осуждённых по экстремистским статьям увеличилось более чем на четверть (этот показатель составлял 414 человек). Больше всего обвинительных приговоров (по 122) вынесено в Центральном и Приволжском федеральном округах. В Сибири осуждено за экстремизм 70 человек, в Северо-Западном федеральном округе – 60, в Южном федеральном округе – 54, в Северо-Кавказском – 32, в Уральском – 31, на Дальнем Востоке – 29 человек. Пять человек осудили по делам об экстремизме в Крыму.

Согласно статистике Судебного департамента, в 2015 г. более ста человек были осуждены за преступления террористической направленности, 23-м обвиняемым были вынесены приговоры по статье 205 УК (террористический акт), за содействие терроризму, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и за захват заложников осуждены 87 человек [Основные статистические показатели..., 2015]. В 2014 г. по всем этим статьям (статье 205, 205.1, 205.2 и 206 УК) были осуждены 65 человек [Основные статистические показатели..., 2014].

Специальный анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «молодеет», наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15–25 лет. Моло-

дѣжь также чаще совершает преступления агрессивного характера. По статистике, основная масса таких тяжких преступлений на политической почве, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, разбой, терроризм, совершается лицами до 25 лет.

В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодѣжи входит: социальное неравенство, социальная напряжѣнность, обусловленная неудовлетворѣнными материальными потребностями и социальным расслоением, социальная невостребованность, непонимание собственных перспектив, недостаточная социальная зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а, следовательно, и сравнительно невысокий (неопределѣнный, маргинальный) социальный статус, трудности в построении позитивной социо- и этнокультурной идентичности, некомпетентность в области бесконфликтной коммуникации, потребность в позитивной самооценке побуждает к поиску путей самоутверждения. Все перечисленное выше может быть деструктивным для личности. Экстремальность может переходить в экстремизм. В таких условиях резко снижается эффективность успешной социализации молодѣжи. И как следствие – устойчивая тенденция к увеличению девиации в их поведении. Зачастую молодѣжный экстремизм становится своеобразным ответом на разочарованность в общественных ценностях и презрение к окружающим. Этим же объясняется рост в молодѣжной среде девиантных явлений, таких как «помолодевший» экстремизм, растущее число самоубийств, наркомании и делинквентности. К сожалению, девиантные проявления вообще и среди молодѣжи в частности не ограничиваются рассмотренными формами. Можно было бы говорить о дедовщине в армии, о вандализме, о нарушении нравственных и иных социальных норм, о проституции. Экстремальное поведение молодѣжи рождает целый ряд про-

блем. Эти проблемы исследуются как в контексте всего общества, его основных характеристик, структурных сдвигов и изменений, так и дифференцированно – как особой социальной группы, с присущими ей признаками и свойствами. Высокая травмоопасность, смертность, иногда даже преступность становятся попутчиками экстремалов. Экстремалы – это уже полностью сложившаяся социальная группа, со своим путём развития и культурой.

Глава 6

Молодёжная преступность как крайний полюс экстремального поведения

Экстремизм чаще всего проявляется в системах и ситуациях, характеризующихся отсутствием действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами. Именно поэтому одним из значимых факторов возникновения экстремистских проявлений в молодёжной среде по праву считается криминализация ряда сфер общественной жизни. Рассмотрим состояние преступности в России в последние годы.

Статистика преступности свидетельствует, что на протяжении последних десятилетий в России сохраняется сложная криминогенная ситуация, характеризующаяся противоречивыми тенденциями. С одной стороны, в последнее десятилетие в России, как и во всем мире, наблюдалось снижение преступлений по различным уголовным статьям. Так, до 2015 г. в России сохранялась положительная тенденция по уменьшению числа тяжких и особо тяжких преступлений: меньше зафиксировано убийств, изнасилований, разбойных нападений, увеличилась их раскрываемость. Меньше зафиксировано угонов транспортных средств. С другой стороны, в последние два года фиксируется рост преступности, которая непрерывно снижалась в предыдущие 10 лет. Особенно быстро растёт число зарегистрированных краж, случаев мошенничества и даже изнасилований. Но в 2015 г. зафиксирован почти девятипроцентный рост числа преступлений. По данным официальной статистики МВД, опубликованной на сайте ведомства, число преступлений по статье «Мошенничество» в 2016 г. в России выросло на четверть. Прирост за первые шесть месяцев 2016 г. составил 25,3% (это 112 тыс. преступлений). При этом доля краж среди

всех преступлений, совершенных в России в 2016 г., составила 40% [Состояние преступности в России..., 2016].

Рост социальной напряжённости и экономический кризис в первую очередь сказался на подростках и молодёжи. После резкого всплеска молодёжной преступности в 1991–1995 гг., с 2003 г. преступность несовершеннолетних умеренными темпами снижалась. За период с 2003 по 2013 годы удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократился с 12 до 6%. Несмотря на сокращение количества преступлений, совершенных этой категорией лиц, на протяжении ряда лет наибольшая криминогенная активность сохраняется у возрастной группы 16–17 лет (70%). Меньший удельный вес составляет возрастная группа 14–15 лет, наблюдается сокращение количества совершенных преступлений: с 49,3 тыс. в 2000 г. до 19,7 тыс. в 2013 г. За этот же период почти втрое сократилось число зарегистрированных преступлений из числа выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии [Юзиханова, 2014: 83]. Однако статистические данные, отражающие сокращение преступности несовершеннолетних, не должны успокаивать. Специалисты обращают внимание на то, что некоторая стабилизация количества преступлений, совершенных с участием подростков, наметившаяся в последние годы, свидетельствует, скорее, об увеличении латентности этого вида преступности, чем о её фактическом снижении. Следует иметь в виду и более высокую адаптируемость подростков и молодёжи в новых условиях (Каковы пути этой адаптации? Не приведут ли эти пути в дальнейшем к экстремизму?), а также некоторое сокращение удельного веса несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в общей массе населения России. Результаты исследования криминогенной обстановки указывают на увеличение количества противоправных действий, совершаемых не-

совершеннолетними, начиная с 2015 г. В 2015 г. детская и подростковая преступность в России выросла на 5%. На настоящее время статистика подростковой преступности в России следующая: 40% несовершеннолетних осуждены за кражи; 13% – за разбой; 14% – за грабёж; 5% – за убийство [Юзиханова, 2014]. Этот, достаточно внушительный, новый всплеск молодёжной и подростковой преступности – тревожный фактор. Он свидетельствует о глубоких кризисных тенденциях в жизни российского общества.

Глава 7

Социальный портрет «экстремального подростка»: ценности, семья и социальное окружение

Переход российского общества в качественно новое состояние обусловил определённые социальные закономерности, способствующие росту отклоняющегося поведения детей и подростков. Основными источниками молодёжного экстремального поведения и экстремизма в России являются, прежде всего, такие социально-политические факторы, как кризис социально-политической и экономической системы; социокультурный дефицит и криминализация массовой культуры; распространение социальных проявлений «ухода из жизни»; отсутствие альтернативных форм проведения досуга. Значимую роль играет трансформация социального пространства как глобальной сферы социализации, что проявляется в отказе от идеологии, деформации системы ценностей, отсутствии жизненных планов, преобладании досуговых ориентаций над социально полезными, сокращении воспитательных функций школы и неадекватном восприятии педагогических воздействий, дефектности родительской ответственности, расширении «виртуальной социализации», не имеющей связи с практическим опытом, «нездоровой» среде общения. В результате возникла ситуация глобального «социального аутсайдерства», когда дети, не будучи включёнными в продуктивное освоение опыта и культуры предшествующих поколений, выталкиваются на периферию общества. Именно дефектность социализации, вызванная кризисом семьи, системы образования и воспитания, отсутствием государственной детской и молодёжной политики и другими причинами, ведёт к росту различных форм девиантного поведения на основе «спонтанно» изменившихся ценностных представлений. «Социальным аутсайдерством» мы называем предельную слабость социальных связей инди-

вида и общества, пренебрежение к общественным нормам и обязанностям, превалирование ценностей досуга вместо ценностей созидания и другие признаки деструктивных процессов в обществе.

В представленных ниже результатах эмпирических исследований, отражающих негетерогенный характер молодёжи как социальной группы, мы пытаемся определить такие характеристики опрошенных учащихся, как их ценностные ориентации и жизненные планы, отношения с родителями, их социальным окружением, что в совокупности может служить почвой для формирования асоциальных установок и может быть использовано проповедниками экстремизма. Основной формой решения этой задачи было сопоставление различных групп подростков: 1) несовершеннолетние 11–18 лет, находящиеся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении³; 2) контрольная группа их сверстников, жизненная ситуация которых благоприятна; 3) группы несовершеннолетних с отрицательной направленностью личности, обнаруживающие признаки девиантного поведения: состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав при муниципальных органах власти, воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений открыто-

³ «Трудная жизненная ситуация» (ТЖС) — ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина, которую он не может преодолеть самостоятельно (№ 185-ФЗ 02.07.2013). ТЖС включает непреодолимые жизненные обстоятельства, а также дефициты поддерживающих ресурсов, недостаток помогающих структур и специалистов помогающих профессий, которые могли бы смягчить действие когнитивного и поведенческого аспектов возникновения ТЖС целенаправленными технологичными усилиями. Она складывается в результате широкого спектра причинных факторов – от наследственности до материальной обездоленности семьи и беспомощности ребёнка и взрослых. Это не стрессовые состояния, а устойчивые особенности жизнедеятельности.

го и закрытого типов, а также учреждений пенитенциарной системы.

Жизненные цели и ценностные ориентации

В XXI веке ценности молодёжи подверглись значительным изменениям. Своё становление современная молодёжь проходит в условиях формирования новых социальных отношений, в период глобализации и информатизации общества, в период социокультурных перемен. Происходит размытие ценностных основ и традиционной общественной морали, ослабление культурной преемственности. Всё чаще наблюдается процесс заимствования современных «демократических западноевропейских ценностных моделей» поведения, что меняет полюса культуры. В современном «обществе потребления», происходит культурное и нравственное отчуждение. XXI век характеризуется утратой межличностного взаимодействия, следованием технологическому прогрессу, культу вещей и материальных благ. Молодое поколение – это особая социальная группа, находящаяся в стадии формирования структуры ценностной системы, становления и выбора профессионального и жизненного пути. Это группа риска. Современным молодым людям многие нормы морали кажутся устаревшими, обременительными, ограничивающими их свободу, волю и индивидуальность. Эти представления, полученные в период молодости, сохраняются неизменными практически в течение всей жизни. Известно, что ценностные предпочтения оказывают влияние на выбор места личности в обществе, а также на определение своей референтной группы.

Наши исследования показывают, что ценностное сознание молодёжи сегодня отличается неустойчивостью, отсутствием чёткой дифференциации и противоречивостью. С одной стороны, согласно результатам прове-

дённых опросов, в целом молодёжь стремится показать себя высоконравственной, придерживающейся социально одобряемых норм. С другой стороны, более глубокий анализ материалов опросов, анализ сообщений в социальных сетях в Интернете, глубинные интервью с представителями различных групп показывают наблюдающуюся расогласованность в оценках тех или иных явлений, расширение норм относительной допустимости определённых действий или допущениях незаконных поступков при определённых условиях. Иными словами, декларируемые на словах социальные установки не подкрепляются чётко сформированными внутренними установками.

В современном обществе ориентированность на «рыночные», конъюнктурные качества личности, её социально-экономическую, а не личностно-нравственную значимость всё больше приводит к тому, что в качестве единственно достойной, социально и личностно значимой цели жизнедеятельности рассматривается материальный успех. Он стал самоцелью, вытеснив на обочину общественного внимания нравственные, духовные устойчивости личности. Экономическая успешность личности, определяемая её способностью подстраиваться под изменчивые требования рынка, закономерно ведёт к снижению значимости не только профессиональных, но и моральных установок и ценностных ориентаций. Подобная идеология успешных социальных слоёв активно транслируется в культурное поле и, безусловно, оказывает влияние на формирование ценностно-целевых установок молодёжи.

В исследованиях учащихся для каждой группы подростков были сформированы блоки вопросов, отражающих их нормативные представления, ценностные ориентации, отношение к некоторым поступкам. Вопрос о значимых жизненных ценностях формулировался в форме списка из множества альтернатив, из которого респон-

денты могли выбрать до трёх вариантов ответа, либо вписать свой собственный вариант. Поскольку для каждой группы респондентов списки альтернатив в опросниках несколько различались, для осуществления сопоставимости результатов было принято решение проранжировать выбранные подростками ценности в порядке значимости и сформировать сводную таблицу, отражающую иерархию ценностных ориентаций для каждой из групп. Были отобраны первые шесть наиболее значимых альтернатив (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Сравнение ценностных ориентаций в группах молодёжи с отрицательной направленностью личности и контрольной, %

Группы подростков						Ранг
Благополучные 11–15 лет	Неблагополучные 11–15 лет	Благополучные 16–18 лет	Неблагополучные 16–18 лет	Посещающие учреждения открытого типа	Находящиеся в колонии	
Наличие крепкой семьи, детей (37)	Наличие крепкой семьи, детей (36)	Наличие крепкой семьи, детей (34)	Наличие крепкой семьи, детей (43)	Наличие крепкой семьи, детей (44)	Богатство, матер. благополучие (33)	1
Богатство, матер. благополучие (27)	Богатство, матер. благополучие (33)	Богатство, матер. благополучие (29)	Богатство, матер. благополучие (31)	Наличие надёжных друзей (30)	Возможность жить не хуже других (29)	2
Яркие жизненные впечатления (26)	Возможность быть самому себе хозяином, независимость (24)	Возможность быть самому себе хозяином, независимость (26)	Наличие престижной собственности (20)	Возможность жить не хуже других (21)	Наличие крепкой семьи, детей (25,5)	3
Наличие надёжных друзей (26)	Наличие надёжных друзей (21)	Наличие надёжных друзей (23)	Наличие надёжных друзей (20)	Уважение окружающих (21)	Честно прожитая жизнь (25)	4
Интересная работа (25)	Наличие престижной собственности (18)	Интересная работа (16)	Интересная работа (19)	Возможность быть самому себе хозяином, независимость (19)	Пока не думал об этом (23,5)	5
Возможность быть самому себе хозяином, независимость (17)	Достижение известности, популярности (17)	Яркие жизненные впечатления (15)	Яркие жизненные впечатления (15)	Богатство, материальное благополучие (17)	Наличие престижной собственности (22)	6

Исследуя сферу ценностных ориентаций, подросткам, состоящим на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России и комиссий по делам несовершеннолетних, также задавался ряд вопросов относительно их жизненных целей. Жизненные цели – это один из интегральных показателей ценностно-смысловой сферы жизни подростка, которая формируется под многомерным воздействием СМИ, родителей, друзей, культурной продукции, потребляемой подростками. В таблице 7.2 представлены результаты ответа на вопрос «Чего бы ты хотел достичь в будущем?» (при ответе можно было выбрать несколько альтернатив).

Таблица 7.2

Ответы подростков, состоящих на учёте, на вопрос «Чего бы ты хотел достичь в будущем?», %⁴

Варианты ответов	Состоящие на учёте в:	
	КДН	ИДН
Иметь семью, воспитывать детей	35	44
Иметь высоко оплачиваемую работу	34	47
Построить карьеру	29	18
Быть богатым, позволять себе то, что хочется	26	25
Путешествовать, посмотреть разные страны	20	17
Быть самостоятельным, помогать родителям	18	18
Делать то, что хочется	17	16
Ещё не решил(а)	12	15
Встретить любовь	11	17
Иметь любимую, интересную работу	10	11
Помочь своей стране, людям	3	1
Сделать мир вокруг себя лучше	1	2

⁴ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Согласно полученным данным, наиболее значимыми ценностями практически для всех групп опрошенных подростков, являются семья и материальная обеспеченность, достаток. Во второй круг приоритетов входят самостоятельность и наличие надёжных друзей. Друзья оказываются значимыми в молодёжном возрасте, так как это один из важнейших агентов социализации этой стадии и та группа, с которой идентифицируют себя молодые. Работа входит в список приоритетов, хотя и занимает промежуточное положение в иерархии. Таким образом, в ответах респондентов отчётливо проявляются ценностно-целевые установки, отражающие произошедшие в обществе перемены, которые называют «приватизацией жизни» (В.А. Ядов) и которые можно условно обозначить как «здоровый прагматизм». Социально значимые, не-утилитарные цели мало интересуют молодёжь и не попадают ни в первый, ни даже во второй круг интересов. Так, тех, кто хочет «помочь своей стране, людям» в 5–6 раз меньше, чем тех, кто хотел бы «делать то, что хочется» и в 6–7 раз меньше тех, кто хотел бы «попутешествовать и посмотреть разные страны». Готовность работать на благо себя и близких у нынешней молодёжи сопровождается крайне низким потенциалом социальной и гражданской активности, готовности действовать во имя неутилитарных общественно-значимых ценностей. Направленность ценностных ориентаций подростков на себя, игнорирование интересов социума создают опасность девиаций.

По сравнению с благополучными подростками, респонденты из неблагополучных семей, а также с отрицательной направленностью личности и склонностью к девиантным проявлениям гораздо большую значимость придают материальным ценностям. Можно сказать, что чем неблагополучнее группа, тем большую важность приобретают материальные блага. Особенно это характерно для подростков, отбывающих наказание в колони-

ях. Социальный статус семьи «колонистов» и её структура свидетельствует о значительной ограниченности материальных и интеллектуальных ресурсов для их воспитания. Так, только треть «колонистов» проживали в полных семьях (33%), 46% проживали только с матерью, большинство родителей находились в сложном материальном положении и нуждались в помощи: 64% респондентов отметили, что жили бедно (денег едва хватало на самое необходимое – 30%) или очень бедно («не могли свести концы с концами, всегда в долгах – 34%»), ещё около трети отмечают, что «экономили, но жили прилично». Лишь 6% отмечают, что жили в достатке или богатстве. По этой причине «колонисты» более всего ценят «ощутимый», демонстрируемый, несомненный для окружающих успех, для них материальное благополучие, богатство, возможность жить не хуже других, обладание престижной собственностью, дорогостоящим имуществом – важные ценности. Семья и честно прожитая жизнь занимают значительное, но с достаточным отрывом положение. Почти каждый четвёртый вообще не задумывался о том, что для него является ценным и важным. Характерно, что благополучные подростки достижение материального благополучия связывают с поиском интересной работы. Для неблагополучных подростков с отрицательной направленностью личности характерно отсутствие чёткой связи между деньгами и работой. Наличие интересной работы, уважение окружающих вообще оказались на периферии и не попали в список наиболее значимых ценностей, при этом представления о способах достижения благ у них иные. Так, на вопрос: «каковы были ваши основные источники доходов?», 32% «колонистов» ответили, что до попадания в колонию добывали деньги различными полулегальными или даже незаконными путями; среди воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений таких респондентов оказа-

лось 22%, в группе подростков, находящихся в неблагополучной ситуации, – 14%, в контрольной группе благополучных подростков – 6%.

Во многих исследованиях молодёжи за последние 15 лет законопослушность занимает последние места в иерархии ценностей. В наших исследованиях была выявлена аналогичная тенденция. Данная ценность занимала периферийные позиции в списке во всех группах опрошенных. Выявлено некоторое рассогласование между тем, к чему стремятся девиантные подростки, и реализацией этих намерений. Так, они хотят быть заметными и популярными членами общества, но их понятия о достойных путях к успеху не соответствуют социально одобряемым ориентирам.

Рассогласованность в ценностных ориентациях проявляет себя в частности, и в том, что высокая значимость семейных ценностей уравнивается допустимостью интимных связей без любви, от скуки или для удовлетворения сексуальных потребностей (60% в группах с отрицательной направленностью личности, 48% в контрольных группах), возможностью вступления в брак без любви, по расчёту (46% в группах с отрицательной направленностью личности, 43% – в контрольных группах), супружеских измен (48% в группах с отрицательной направленностью личности, 40% в контрольных группах). Почти две трети респондентов во всех группах допускают мысль о разводе.

Отдельный интерес представляет срез личностно-инструментальных ценностей – какими качествами должен обладать человек, желающий преуспевать в жизни. Для иллюстрации были выбраны группы подростков, состоящие на учёте в ИДН и КДН, поскольку это обычные дети с отрицательной направленностью личности, посещающие обычную общеобразовательную школу, живущие в обычных семьях, и, кроме контроля семьи в комис-

сиях и инспекциях по делам несовершеннолетних, они практически ничем не отличаются от обычных подростков (таблица 7.3).

Таблица 7.3

Ответы подростков, состоящих на учёте, на вопрос «Каким должен быть человек, желающий преуспеть в жизни?», %⁵

Варианты ответов	Состоящие на учёте в:	
	КДН	ИДН
Сильным (сильной)	37	42
Уверенным (уверенной) в себе	36	42
Удачливым (удачливой), счастливым (счастливой)	33	25
Обеспеченным (обеспеченной), богатым (богатой)	31	22
Умным (умной)	20	30
Смелым (смелой)	20	15,5
Добрым (доброй)	17	16
Дружелюбным (дружелюбной)	16	11
Хитрым (хитрой)	14	13
Напористым (напористой), наглым(ой)	11	20
Ловким (ловкой), сообразительным (сообразительной)	10	15
Честным (честной)	3	11
Злым (злой), агрессивным (агрессивной)	1	1
Одиноким (одинокой)	1	0

Итак, по мнению подростков с отрицательной направленностью личности, в современной жизни нужно быть в первую очередь сильным и уверенным в себе человеком, а также удачливым, обеспеченным и умным. Мнение этих «трудных» подростков в основном совпадает с мнением их сверстников из более благополучных групп, однако в этих группах несколько выше ценятся ловкость, напористость, сообразительность. Необходимо отметить, что обычно именно эти качества вызывают восхищение в подростковых группировках, в том числе девиантной направленности.

⁵ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Социальные нормы и готовность к их нарушению

Значимая причина отклоняющегося поведения – это отношение подростка к социальным нормам. Вследствие проникновения через средства массовой информации, бытовые контакты в подростковую среду стандартов повседневного поведения, не совместимых с традиционными ценностными ориентирами, духовная жизнь подрастающего поколения постепенно деформируется, принимая зачастую девиантные, антиобщественные формы. СМИ и реклама, создавая привлекательный образ девианта, способствуют формированию извращённых потребностей подростков и молодёжи. Учащимся, состоящим на учёте в инспекции по делам несовершеннолетних, было предложено оценить степень допустимости возможных поступков взрослого человека. Целью было проанализировать состояние сферы нормативно-правового сознания, индивидуального восприятия допустимости/недопустимости различных форм отклоняющегося поведения. Респондентам был предложен список из 27 возможных поступков взрослого человека, которые традиционно попадают в категорию нежелательных, т.е. отклоняющихся от социальных норм. По каждому поступку респондент мог выбрать один из пяти вариантов ответа: *так поступать нельзя ни при каких обстоятельствах; это плохо, но в исключительных случаях допустимо; это является личным делом каждого; в этом нет ничего плохого; не знаю, трудно сказать.*

Обобщённые результаты анализа ответов на этот вопрос позволили выделить группы поступков, вызывающих большее или меньшее неприятие респондентов, а также вопросы, по которым респонденты испытывали трудности при ответе. Ответы представлены в порядке убывания значимости. Так, *наибольшее неприятие* у подростков (более половины респондентов отметили категорическое неприятие), состоящих на учёте в ИДН, вы-

звали такие поступки, как: самоубийство; отказ матери от своего ребёнка; физическое насилие по отношению к женщине; умение «кинуть», отобрать вещи; употребление «тяжёлых» наркотиков, употребление «лёгких» наркотиков, кража в магазине, на рынке. В отношении перечисленных поступков большинство респондентов занимают резко отрицательную позицию, но, к сожалению, это ещё не прогнозирует реальное поведение. *Во вторую группу* были включены поступки, к которым наблюдается высокий уровень терпимости (более трети респондентов посчитали, что в них нет ничего плохого и иногда это бывает вполне допустимо): интимные отношения до брака; интимные отношения без любви; использование «крепких» выражений; развод супругов; обман; поступки наперекор воле родителей; курение; частое употребление лёгких алкогольных напитков. Если в первую группу попадают действия, однозначно осуждаемые социумом и имеющие возможные правовые последствия, то вторая группа поступков отражает ценности современной культуры. Несовершеннолетние испытывают сегодня духовный прессинг потребительской культуры в обществе, которая становится важным регулятором мировоззрения и поведения подростков. *В третью группу* мы включили поступки, уровень терпимости к которым, хотя и ниже, чем к поступкам из предыдущей группы, но, в целом всё равно достаточно высок. Сюда вошли: азартные игры; месть; частое употребление «крепких» алкогольных напитков; умение использовать доверие людей в свою пользу; проституция; физическое насилие вообще; физическое наказание ребёнка; гомосексуальность. Наибольшие затруднения с оценкой у подростков вызвали такие поступки, как дача взятки должностному лицу, брак без любви, измена и аборты. По этим альтернативам большинство выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Терпимость подростков к третьей группе поступков вызыва-

ет большие опасения у исследователей, поскольку свидетельствует о кризисе нормативного сознания и может стать спусковым крючком к экстремальному и делинквентному поведению молодёжи.

Ценностные ориентации делинквентных подростков осознанно и неосознанно проявляются и в их повседневной жизни. В этой связи интерес представляет исследование нормативного сознания девиантных подростков – воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типов, посвящённое выявлению их девиантных стереотипов поведения и установок сознания. Согласно результатам исследований, для подростков, склонных к девиантному поведению, характерно облегчённое отношение к чужой собственности, терпимость к употреблению психоактивных веществ, агрессивному поведению, общая для всех тенденция – возрастание интереса к проявлениям, которые граничат с преступными (табл. 7.4).

В ответах явно просматривается травматичный жизненный опыт «трудных» подростков, их терпимость по ряду показателей очень высока. Тревожит высокий уровень терпимости к лицам из мест лишения свободы – свидетельство того, что криминальные ценности не вызывают отторжения у значительной части учащихся, несмотря на их помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения за определённые преступления. Подобные нормативные установки «трудных» подростков формируют почву для рецидивов противоправного поведения. Следует учитывать, что рецидивная преступность несовершеннолетних имеет высокую общественную опасность не только из-за своей распространённости, но и из-за своих последствий. Повторное совершение преступлений свидетельствует о формировании у несовершеннолетних стойкой противоправной установки. Так, например, 15% опрошенных в 2014 г. «ко-

лонистов» отметили, что после выхода из заключения по-прежнему готовы совершать различные экстремальные и девиантные поступки, а для некоторых это будет основной вид занятий.

Таблица 7.4

Ответы воспитанников спецучреждений на вопрос «Согласны вы ли, что нет ничего плохого в том, что некоторые люди совершают следующие действия?», %

Варианты ответов	Согласен	Не согласен
Сильно отличаются от других своим поведением, мыслями, привычками	46	54
Выясняют отношения с помощью драки, агрессии	32	68
Ведут свободную половую жизнь	28	72
Отбывали срок в местах лишения свободы («сидели в тюрьме»)	24	76
Курят «травку» (марихуану, коноплю, гашиш)	18	82
Не дорожат своей жизнью, рискуют здоровьем	17,5	82,5
Воруют, крадут, мошенничают, грабят, извлекают нелегальные доходы	15	85
Часто и много пьют, бывают пьяными	14	86
Не имеют жилья, живут «где придётся»	14	86
Употребляют экстази, ЛСД, амфетамины, грибы и др. наркотики	11	89
Нюхают клей, растворители	11	89
Готовят, продают наркотики	11	89
Употребляют «тяжёлые» наркотики: кокаин, героин	9	91
Могут предать ради денег, выгоды	8	92
Могут ударить слабого или старого	8	92

После освобождения эти респонденты хотели бы быть «ворами в законе» «мафиози», «стремягой», «крутыми пацанами». Желание сохранить прежний образ жизни и расплывчатые намерения «исправиться» свидетельствуют о слабости реабилитационного потенциала «колонистов». Лишь 7% подростков размышляют о необходимых нравственных переменах: «стать человеком», «исправиться». Совсем небольшая группа ответивших мечтают создать семью, «стать отцом», «жениться», «вернуться домой» – 5%.

Семья и окружение

При рассмотрении девиантного поведения подростков многие исследователи уделяют значительное внимание семейным факторам. Общеизвестно, что «преступников порождают неполные семьи, внутрисемейные конфликты и пьянство родителей», однако масштабных социологических исследований, посвящённых влиянию семейной структуры и отношений на правонарушения молодёжи, в России проводится недостаточно. В то же время западные криминологи и социологи девиантного поведения считают семью одним из ключевых социальных институтов, оказывающих влияние на формирование противоправного поведения подростков [Nye, 1958; Hirschi, 1969; Lamb, 2004].

Результаты опроса различных групп несовершеннолетних и их родителей показали, что условия первичной социализации значительной части подростков с отрицательной направленностью личности складываются неблагоприятно для их развития и психического здоровья и зачастую они создают предпосылки для развития девиантного поведения. Опросы родителей трудных детей выявили следующие характерные черты таких семей.

А. Безответственное исполнение родительских обязанностей и низкая педагогическая компетентность родителей. Выявлена слабая эмоциональная поддержка со стороны родителей по отношению к детям, эмоциональное отвержение, игнорирование потребностей подростка, нередко жестокое обращение с ним. В воспитании используется больше наказаний, чем поощрений, при этом наблюдается материализация отношений между родителями и детьми: карманные деньги, отдельная комната, компьютер.

В. Внутрисемейное общение направлено преимущественно на контроль успеваемости и характеризуется использованием негативных санкций. По сути, воспитание

подростков строится как дрессировка желательного поведения, при этом значительная доля воздействия осуществляется в форме ругани.

С. Распространена большая включённость матерей в жизнь ребёнка, чем отцов. Им удаётся создать более тёплые и доверительные отношения с ребёнком, чем отцам, однако занятость матерей на работе не позволяет им в должной мере помогать ребёнку учиться.

Д. Среда первичной социализации отмечена знаком алкоголизации. Подростки дружат с детьми пьющих родителей, значительная часть подростков участвует в застольях, некоторым при этом родители предлагают попробовать спиртное (что является нарушением законодательства), несовершеннолетние становятся свидетелями сильного опьянения родителей, пьяных драк, сами «падают под пьяную руку». Каждому пятому из свидетелей пьянства родителей случалось уходить из дома, чтобы избежать пьяной агрессии. В этой связи не удивительны результаты опроса, показавшие, что с возрастом процент родителей, которые видели своего ребёнка пьяным, увеличивается. Последствия таких подростковых возлияний, как правило, сводятся к фразам «поговорили», «попытались объяснить». Однако выпивки в компании друзей (наиболее частые ситуации алкоголизации подростков) родители не контролируют и не предотвращают.

Ответы респондентов, отражающие их отношения с родителями, указывают на большую удовлетворённость семейным климатом благополучных подростков (табл. 7.5).

В свои дела посвящают родителей лишь 20% опрошенных подростков 16–18 лет. Иногда кое о чём говорят 45%. Значительна доля тех, кто предпочитает не делиться своими делами с родителями, ничего не рассказывать – 35%. Эти цифры говорят о значительной дистанции между родителями и детьми, что подтверждается тем,

что только половина опрошенных отметила, что мнение родителей для них особенно важно.

Таблица 7.5
 Ответы подростков на вопрос
 «Как у тебя складываются отношения с родителями?», %⁶

Варианты ответов	Группы подростков			
	11-15 лет		16-18 лет	
	Благополучные	Неблагополучные	Благополучные	Неблагополучные
У меня хорошие отношения с родителями, есть взаимопонимание	70	43	74	34
Они постоянно контролируют меня	14	20	11	14
Бывает, что меня наказывают	12	10	7	12
Родители всё мне разрешают	10	15	7	12
Мне читают нотации, поучают	7	16	11	16,5
Родители всё время навязываются с какими-то просьбами, поручениями	6	15	11	18
Родители меня не понимают	5	12	5	19
В своей семье я одинок, не с кем поговорить	2	5	1	4
Им нет дела до меня	1	3	0	9

Сравнение групп подростков, находящихся в благополучных и неблагополучных жизненных условиях, показало, что проблема социализации кроется не только в среде неблагополучных семей, как это принято считать, но и во внешне благополучных семьях, причём в угрожающих масштабах. С одной стороны, у благополучных подростков есть ряд защитных факторов: более благоприятный внутрисемейный климат – подавляющая доля

⁶ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

детей имеет хорошие отношения с родителями, и они часто проводят совместные вечера, ужины, прогулки и различные мероприятия, а также выходные и каникулы. Взаимодействие «родители-дети» прослеживается как в быту, учёбе, так и отдыхе, причём совместном (большая часть детей постоянно находится под присмотром родителей или других родственников); отношение родителей к воспитанию детей преимущественно ответственное. Согласно опросу, родители благополучных подростков гораздо реже наказывают своих детей, чем родители «трудных», а хвалят, напротив, чаще. Причём использование наказания по мере взросления ребёнка встречается реже, но увеличивается использование таких методов наказания, как крик и запрет прогулок. Самым распространённым методом во всех возрастах остаётся запрет на пользование компьютером и просмотр телевизора. Подавляющее большинство родителей старается контролировать времяпрепровождение своего ребёнка (табл. 7.6).

Таблица 7.6

Ответы подростков на вопрос
«Знают ли обычно твои родители или другие члены семьи,
с кем ты проводишь время вне дома?», %

Варианты ответов	Группы подростков			
	11–15 лет		16–18 лет	
	Благополучные	Неблагополучные	Благополучные	Неблагополучные
Всегда знают	75	47	53	31
Иногда знают	21	32	39	46
Знают редко / не знают никогда	3	16	8	19
Я не провожу время вне дома	1	5	0	4

Тем не менее, согласно полученным данным опросов школьников, даже в формально благополучных семьях социализация подростков обнаруживает целый ряд серьёзных дефицитов, которые заключаются в том, что дети

не получают соответствующей поддержки в семье, достойного примера для подражания, надлежащих навыков преодоления трудностей и укрепления сил в трудных ситуациях.

К основным выявленным в исследовании благополучных подростков негативным факторам риска появления девиаций относятся: снижение родительского влияния и контроля по мере взросления; активное замещение живого общения с семьёй «интернет-дайвингом»; алкоголизация родителей (пусть и в меньшей степени, чем в группе «трудных» подростков), с возрастом все больше детей видели свою мать в состоянии алкогольного опьянения и все чаще им предлагают выпить дома.

Как было замечено выше, экстремизм формируется преимущественно в маргинальной среде. Он постоянно подпитывается неопределённостью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее. При исследовании целевой группы несовершеннолетних, состоящих на учёте в комиссиях и инспекциях по делам несовершеннолетних, респондентов, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов, а также респондентов, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы, были выявлены серьёзные проблемы в их социализации. Так, например, в каждой третьей семье воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений кто-то из членов семьи имел судимость. Среди подростков, находящихся в колонии, указали на наличие судимых родственников уже две трети: 44% отметили, что их отцы (отчимы) имеют судимость, ещё 15% имеют осуждённого брата или сестру, 7% иного родственника и 4% отметили, что судимость имеется у матери или мачехи. Семейный климат и тех и других подростков отягощён алкогольными проблемами. В каждой третьей семье воспитанников специальных учебно-воспитательных учрежде-

ний злоупотреблением спиртными напитками обеими родителями (а у 7% матерей и 5% отцов пьянство носило запойный характер), 34% подростков неоднократно видели мать, а 43% отца в состоянии сильного алкогольного опьянения. В группе опрошенных колонистов примерно половина подростков отметили, что регулярно видели своих родителей сильно пьяными: «постоянно пьяной/ым» видел свою мать каждый десятый подросток, отца «постоянно пьяным» видели 25% подростков, «время от времени» видели свою мать пьяной 24% подростков, отца – 26%.

Анализ отношений с родителями подтверждает тезис о гораздо большей дезинтегрированности несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в колонии, в семье (рис. 7.1, 7.2).

Рисунок 7.1. Ответы подростков, находящихся в спецучреждениях, на вопрос «Как складывались твои отношения с родителями?», %⁷

⁷ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Из предложенных ответов на вопрос (при ответе допускалось выбрать несколько альтернатив) об отношениях с родителями лишь 11% «колонистов» отметили хорошие отношения с родителями, пятая часть выбрала «удовлетворительное» «меня все устраивало». За этим стоит согласие и смирение как с положительными, так и с отрицательными сторонами семейных взаимоотношений, предположительно, на условиях относительной свободы от ограничений. Каждый третий подросток подвергался в семье насилию, ещё 23% отмечает постоянные ссоры и конфликты.

Важный защитный фактор от девиантного поведения – совместное проведение времени родителями с детьми, совместная деятельность, вовлеченность подростка в жизнь семьи. Согласно данным опроса, 57% осуждённых подростков и лишь 8% воспитанников спецучреждений никогда или крайне редко делали что-либо совместно с родителями (ходили в кино, театр, на прогулки или экскурсии, посещали родственников, спортивные соревнования), напротив 6% «колонистов» и 19% воспитанников спецучреждений ответили «часто».

Важным фактором родительского внимания в семьях «колонистов» является контроль за курением, выпивками и наркотиками, за посещением школы и за знакомствами (рис. 7.2). Наименьший процент набрали ответы «иногда мы вместе гуляли, отдыхали» и «родители интересовались моими делами, настроением», т.е. даже формальное, поверхностное взаимодействие в семье отсутствовало, что подтверждается тем, что большинство осуждённых выбрали альтернативу «родителей мало интересовало, с кем и как я провожу время». Родители воспитанников спецучреждений проявляют гораздо большее беспокойство в связи с образом жизни их детей, однако у подавляющего большинства подростков этой группы ро-

дательское беспокойство сводится к контролю и к проверке посещаемости их ребёнком школы и состояния детей на предмет употребления алкоголя и наркотиков. Такой контроль может привести к тому, что подростки начинают скрывать свои контакты с друзьями, агрессивно выражать своё мнение по поводу родительской опеки, шантажировать родителей уходом из дома, т.е. выражают свои потребности, отстаивая право на самостоятельность принятия решения.

Рисунок 7.2. Ответы подростков, находящихся в спецучреждениях, на вопрос «С какими из перечисленных высказываний ты согласен (согласна)?», %⁸

⁸ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Девииантное поведение и друзья

Важный фактор, провоцирующий правонарушения, – наблюдение за тем, что подросток видит вокруг себя и как он (в силу своих способностей) понимает то, что видит. Известно, что друзья и знакомые могут значительно влиять на взгляды, мировоззренческую позицию и поведение подростков. Так, при ответе на вопрос: «Как ты сам лично для себя объясняешь все неприятности, которые с тобой происходят?», верхние позиции причин у воспитанников спецучреждений заняла альтернатива – «плохое влияние друзей» (32%).

Существуют ли в окружении респондентов друзья и знакомые с проблемным поведением и в чём конкретно это поведение заключается?

Итак, в окружении «колонистов» были (ранжировано по убыванию, рис. 7.3):

- 1) люди, совершающие кражи из домов, квартир, автомобилей;
- 2) воровавшие кошельки, сумочки, телефоны;
- 3) употребляющие марихуану, гашиш;
- 4) избивавшие кого-то дубинкой или ножом;
- 5) повреждавшие что-либо умышленно (лифт, стену);
- 6) насильно заставляющие кого-то заниматься сексом и др.

Круг знакомств воспитанников спецучреждений не-много иной, но не менее девиантный. В их окружении были:

- 1) люди, совершающие кражи из домов, квартир, автомобилей;
- 2) те, кто часто и много выпивают;
- 3) употребляющие марихуану, гашиш;
- 4) избивавшие кого-то дубинкой или ножом;
- 5) угонявшие велосипед, мопед, скутер;
- 6) воровавшие кошельки, сумочки, телефоны и т.д.

Рисунок 7.3. Ответы подростков на вопрос «До попадания в исправительное учреждение у тебя были друзья, которые совершали следующие действия?», %⁹

⁹ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Полученные данные очень тревожны. Деформированы ценностные ориентации как подростков-девиантов, так и их окружения и родителей. Широкое распространение среди изучаемой группы получили все виды девиаций. Ретроспективный анализ образа жизни подростков до помещения в специализированные учреждения показал, что во многих видах деятельности проявлялись не только элементы девиантного поведения, но и действия криминогенного характера. У большинства «трудных» подростков склонность к девиантному поведению носит не эпизодический, а достаточно устойчивый характер, т.е. речь идёт о так называемом сформировавшемся девиантном стереотипе поведения. Интерес к совершению преступлений возникает значительно раньше включения молодого человека в преступную жизнь, проявляясь в детских играх, в увлечении соответствующими кинофильмами, которые рекламируют негативный образ жизни. Бесспорно, огромное влияние на формирование девиантного поведения имеет семья и семейные отношения. Среди несовершеннолетних из неблагополучных семей интенсивность преступности особенно высока. И как прямое следствие этого – стремительный рост крайне опасных насильственных преступлений, совершаемых подростками и даже детьми.

Суицидальное поведение

На первый взгляд, говоря об экстремизме, если речь не идёт о террористе-самоубийце, тема суицида кажется непонятной. Известно, что суицидальное поведение – это форма ретритизма как ухода от социальной действительности и неумения (нежелания) приспособиться к ней одобряемыми обществом способами. В этих условиях резко снижается эффективность успешной социализации молодёжи. И как следствие – устойчивая тенденция к увеличению девиации в их поведении. Этим же объясня-

ется рост в молодёжной среде девиантных явлений, таких, как «помолодевший» экстремизм, растущее число самоубийств, наркомании и делинквентности и других форм девиантного поведения. И число суицидов, и личностные характеристики суицидентов, и отношение к уходу из жизни, с нашей точки зрения, являются показателями экстремального поведения. И не исключено, что изменившихся условиях будущий суицидент может стать экстремистом-террористом.

За последние 5 лет количество детских и подростковых самоубийств в России снизилось почти вдвое, но их всё равно очень много. Российские дети заканчивают жизнь самоубийством в два, а подростки – в полтора раза чаще, чем их сверстники в других странах. Такой статистикой детских самоубийств поделился руководитель отдела Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, профессор Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова Борис Положий [Сафина, 2016].

По официальным данным МВД, в 2016 г. по собственному желанию в стране ушли из жизни 720 детей, в 2015 г., по данным Росстата, покончили с собой 824 ребёнка. В 2014-м таких было 936, а в 2011-м почти полторы тысячи (1454). А если брать категорию детей в возрасте до 17 лет, то за последние 12 лет они стали убивать себя в три раза реже. Теми не менее Россия по-прежнему занимает одно из первых мест в мире по частоте детских и подростковых самоубийств (в расчёте на 100 тысяч лиц каждой возрастной группы). Кроме того, ежегодно каждый двенадцатый подросток совершает покушение на самоубийство, что резко повышает у него риск повторного, с большой вероятностью завершённого суицида. Дети и подростки из сельской местности совершают самоубий-

ства в два раза чаще горожан. Мальчики – в пять раз чаще девочек [Позднякова, 2017].

Изучение проблемы суицида среди молодёжи показывает, что для молодых людей характерны депрессии, высокий уровень тревожности, агрессии. Однако если в развитых западных странах уровень депрессии подростков не превышает 5%, то в России – около 20%. Мысль о самоубийстве появляется в голове у 45% российских девушек и у 27% юношей [Annual Report..., 2011]. Согласно данным научных исследований, до 92% самоубийств у детей и подростков прямо или косвенно связано с неблагополучием в семьях (алкоголизм родителей, конфликты в семье, жестокое обращение). Официальная статистика самоубийств в РФ существенно занижена, ибо фиксирует только явные случаи суицида, тогда как нередко истинной причиной смерти от несчастного случая – например, передозировки лекарственных препаратов, падения с высоты, ДТП с единственным погибшим, часть железнодорожных происшествий – на самом деле является суицид.

Агрессия

В настоящее время широкое распространение получил особый термин для обозначения современной молодёжи – поколение «жесть», введённый российским социальным психологом Марком Сандомирским [Сандомирский, 2011]. «Жесть» на молодёжном жаргоне означает «замечательно» или «круто», но на самом деле является производным от слова «жестокость». Жестокость в настоящее время не только является нормой поведения, но и оценивается значительной частью молодёжи как достоинство. Характерной чертой преступлений всё чаще становятся немотивированная агрессивность и жестокость. Так, некоторые виды правонарушений сопровождаются агрессивными действиями. В корыстных преступлениях агрессия служит усилением воздействия для

реализации каких-либо целей (убийство для получения жилплощади, физическое насилие при ограблении, угрозы с целью вымогательства денег). Тревожит тенденция роста преступлений несовершеннолетних против личности с тяжкими телесными повреждениями, ожесточённых групповых драк подростков, демонстративного и вызывающего поведения по отношению к старшим. Эта тенденция получила широкое распространение во всём мире.

Изучая современных подростков и анализируя полученные данные многолетних исследований, исследователи сектора социологии девиантного поведения Института социологии РАН, пришли к выводу, что определённую часть трудных подростков можно охарактеризовать, как «поколение А». Поколение «А» от слова «агрессия» – так часто именуют героев леденящих душу рассказов о детях-преступниках, об участниках массовых драк, о подростках, которые издеваются над сверстниками и выкладывают видеосъёмки в Интернет.

Агрессивность как личностная черта отдельных людей превратилась в агрессивность как социальное явление.

Среди форм агрессии¹⁰, описанных в научной литературе, обычно выделяют следующие:

– физическая агрессия (нападение) – использование физической силы против другого лица;

– косвенная агрессия – действия, опосредованно направленные на другое лицо (сплетни, злобные шутки), а также ни на кого не направленные и в то же время адресованные «всем» взрывы ярости (крик, топание ногами, битье кулаками по столу, хлопанье дверьми и др.);

¹⁰ См., например, Опросник агрессивности Басса-Дарки (англ. Buss-Durkee Hostility Inventory, сокр. BDHI), предназначенный для выявления уровня агрессивности респондентов. Опросник состоит из 75 утверждений. На русском языке стандартизирован А. А. Хваном, Ю. А. Зайцевым и Ю. А. Кузнецовой в 2005 году.

– вербальная агрессия – выражение негативных чувств через форму (крик, визг, ссора) и через содержание словесных ответов (угрозы, проклятия, ругань);

– потенциальная агрессия – раздражительность, готовность к проявлению вспыльчивости, резкости, грубости при малейшем возбуждении [На пути к преступлению, 2012].

По данным наших исследований, в группах подростков и молодёжи с негативной направленностью личности присутствуют все вышеперечисленные формы агрессии. Так, например, распространённость драк среди подростков довольно значительна. По результатам наших исследований, драки на школьном дворе и в общественных местах занимают первое место среди асоциальных действий: в целом 48% старшеклассников и 21% школьников средних классов признались, что им приходилось когда-либо драться. При этом многим когда-либо дравшимся подросткам случалось драться за последние 12 месяцев: около 40% школьников 10–11 классов и 61% из средних классов. От 5 до 17% подростков (в зависимости от региона) носят с собой различные виды холодного оружия (заточки, ножи, цепи, железные пруты). Каждый третий подросток в своём ближайшем окружении имеет знакомых ровесников, которые предпочитают выяснять отношения с помощью драки, агрессии. Еще 15% старшеклассников отметили, что им случалось избивать с компанией одного человека. Сравнение подростков из семей, жизненная ситуация которых благоприятна и неблагоприятна, показало, что во второй группе уровень драк гораздо выше, но не превышает среднестатистического показателя по подросткам в целом (см. табл. 7.7).

Мы разделяем взгляды авторов, которые рассматривают драку как один из видов агрессивного разрешения конфликта. Драки представляют собой вариант агрессивного взаимодействия со средой, компенсирующего

проявления социально-психологической изоляции при недостаточности ресурсов.

Таблица 7.7
Участие подростков в драках, %

Варианты ответов	Группы подростков	
	Благополучные 16-18 лет	Неблагополучные 16-18 лет
Участвовали ли вы когда-нибудь в драках?		
Нет	73	54
Да, это была групповая драка	5	26
Да, я дрался (дралась) один на один	22	20
Случалось ли, что Вы избивали компанией одного человека?		
Нет	87	69
Да, 1-2- раза	10	26
Да, более 2-х раз	2	5

Агрессия в Сети

Сегодня среди молодёжи ширятся масштабы таких явлений, как подростковый *моббинг* (от английского слова «толпа») и *буллинг* (от английского «травля»). Оно означает организованную коллективную травлю подростка сверстниками. Моббинг и буллинг отражают сразу несколько видов перечисленных выше форм агрессии. Понятие моббинг появилось в 80-е годы и является видом психологического насилия, которое приводит к реальным угрозам физического выживания конкретного человека. Если взрослый человек ещё может предпринять какие-то меры самозащиты против моббинга, то в детском коллективе моббинг весьма опасен. В последнее время журналисты и криминологи при выявлении причин суицида все чаще упоминают версию о «доведении до самоубийства» как целенаправленного жестокого обращения с жертвой [Сидоров, 2013; Соловьёва, 2011].

Сегодня моббинг приобрёл новые формы. Так, виртуальный моббинг стал опасным вызовом прежде всего из-за анонимности инициатора, многоликости участни-

ков, беспомощности жертвы и значительных масштабов распространения порочащей информации. Жертву моббинга могут оболгать, навязать определённую форму поведения, причинить вред репутации, нанести ущерб физическому и психологическому здоровью. В реальности моббинг может проявляться в виде насмешек, придирок, клеветы, отъёма денег или вещей, их порчи. Простой бойкот может перерасти в изоляцию ребёнка от социума. Извращённые издевательства доходят до типичного садизма – жертву регулярно избивают в укромном месте, срывают одежду. В любом классном коллективе может появиться «белая ворона», над которой сначала начинают смеяться, дразнить и обзывать. Потом могут отобрать карманные деньги или объявить бойкот. Придя домой, подросток может обнаружить в почтовом ящике своего компьютера не только оскорбления и угрозы, но и выложенное в Интернет видео со сценами издевательства над ним. Попытки продолжаются и в виртуальном пространстве. Даже взрослым с трудом удаётся выстоять в таких ситуациях, тем более что они имеют больше возможностей в силу возраста обратиться за помощью. Моббинг может стать причиной самоубийства или убийства.

Крайние формы такой жестокости приобретают криминальный характер. Например, запугивание с целью вымогательства, покушение на убийство, убийство и доведение до самоубийства. Особо опасное поведение обидчиков, осознающих своё обращение к другим детям как насилие, возникает тогда, когда они получают при этом очевидное удовольствие, удовольствие от страдания своих жертв и, в частности, если это удовольствие становится побудительным мотивом, для совершения ими насилия. Проявления жестоких отношений в подростковой среде многообразны: от безобидных шуток («приколов»), на взгляд самих шутников («приколистов»), до травли и тяжёлых насильственных действий, которые могут за-

канчиваться покушением на убийство и самим убийством.

Причины агрессии могут быть различны. Насилие напрямую связано с трансформацией института традиционной семьи. Так, перераспределение власти и авторитета в семье, изменение социальных ролей и статусов, абсолютизирование свободы личности, огульный отказ от ценностей коллективизма приводят к агрессии и насилию в семье и являются факторами девиантности в подростковом возрасте. По данным криминальной статистики, агрессия стала распространённым явлением в современных семьях и можно говорить о ней как о социальной норме в дюркгеймовском понимании. Во многих семьях жестокое обращение, физическое, психическое или сексуальное насилие стало обычным явлением. Об этом свидетельствует ежегодно возрастающее количество уголовных дел в отношении родителей или законных представителей, не исполняющих обязанностей по воспитанию детей и допускающих жестокое обращение с ними.

По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, в последние несколько лет отмечается тенденция увеличения числа несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, сопряжённых с насильственными действиями, совершенными членами их семей, фактически проживающими совместно с ними (2013 г. – 8328; 2014 г. – 9133; 2015 г. – 11 756 случаев). Наиболее актуальной остаётся проблема предупреждения данных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних их родителями или иными законными представителями. Ежегодно сохраняется высокая доля несовершеннолетних потерпевших от общего числа жертв преступлений рассматриваемой категории: в 2013 г. – 70,1% (5423 человека); в 2014 г. – 70,6% (6257 человек); в 2015 г. – 68,7% (8075 человек). В связи с этим органами внутренних дел на постоянной основе проводится про-

филактическая работа в отношении родителей (иных законных представителей несовершеннолетних), не исполняющих обязанности по воспитанию детей. На конец 2015 г. на учёте в органах внутренних дел состояло 133,8 тыс. родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих обязанностей по воспитанию и содержанию детей (2014 г. – 131,9 тыс.; 2013 г. – 136,4 тыс.). К административной ответственности в 2015 г. привлечены 525,5 тыс. лиц (2014 г. – 576,3 тыс.; 2013 г. – 602,6 тыс.) данной категории, в том числе 464,9 тыс. лиц за неисполнение обязанностей по воспитанию детей (2014 г. – 440,0 тыс.; 2013 г. – 443,4 тыс.) (часть первая статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) и 764 человека (2014 г. – 1,4 тыс.; 2013 г. – 1,1 тыс.) – за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (часть вторая статьи 6.10 КоАП). В отношении родителей и иных законных представителей, не исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних, допускающих жестокое обращение с детьми, в 2015 г. возбуждено 1843 уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных статьёй 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (2014 г. – 1888 уголовных дел; 2013 г. – 2244 уголовных дела) [Соловьёва, 2011].

Особую роль в поддержании агрессивного поведения подростков играет молодёжная субкультура. Подростки, разделяющие субкультурные ценности, чаще демонстрируют агрессивное, депрессивное, гедонистическое или рискованное поведение [Государственный доклад..., 2015]:

«Главное правило – никаких правил!» (да – 53%, нет 43%)

«В жизни всё нужно попробовать» (да – 50%, нет – 46%)

«Живи ярко, умри молодым» (да – 29%, нет – 67%).

Характерная для подросткового этапа социализации потребность в группировании обеспечивает выбор ориентиров и освоение механизмов интеграции в социум. Она не удовлетворяется в должном объёме и разнообразии государственными и общественными организациями. В этих условиях подростки ориентируются на среду общения, которая чрезвычайно засорена криминальными элементами, недостаточно контролируется органами правопорядка, популяризируется в песнях и фильмах («шансон»). Жестокость и бесконтрольность подростковой среды подталкивает к «немотивированным» поступкам типа самоубийства, драк, преследований, шантажа и т.п., а положение ребёнка в семье и школе в качестве объекта воспитания не стимулирует конструктивного взаимопонимания между детьми и взрослыми.

Рисунок 7.4 отражает «точки разногласия» между поколениями, по которым трудно достичь согласия. Примечательно, что половина обсуждаемых требований воспринимается подростками с умеренной критикой (не употреблять спиртное, не приводить друзей в дом, заботиться о слабых членах семьи и др.). Яростное сопротивление вызывают требования, не соответствующие «молодёжной субкультуре»: не сидеть по ночам «в компьютере», всё рассказывать, хорошо учиться и др.

Значимое место в агрессии подростков принадлежит и делинквентной субкультуре. Асоциальные группы, банды, места лишения свободы – все эти социальные институты формируют устойчивое агрессивное поведение. Трудно объяснимые поведенческие реакции подростков могут быть следствием заострений, акцентуаций характера. Если раньше акцентуации считались аномалией

личности, то теперь они входят в критерий нормы, поскольку характерны для 90% подростков.

Рисунок 7.4. Ответы подростков на вопрос: «С какими требованиями родителей Вы чаще всего не можете мириться?», %¹¹

Исследования показывают, что агрессивность, как форма девиантного поведения, закладывается в раннем детстве и становится устойчивой чертой характера, которая или сохраняется на протяжении всей дальнейшей жизни или сглаживается в более позднем возрасте. Нижняя возрастная граница отклонений в поведении очень подвижна, что подтверждается данными нашего исследования. Благополучным и неблагополучным подросткам, а также воспитанникам спецучреждений и колонии было предложено выразить степень своего согласия или несогласия с ними. Оказалось, что степень враждебного

¹¹ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

отношения к людям сильно различается у законопослушных и девиантных школьников, а у девиантных подростков и «колонистов» незначительно (рис. 7.5).

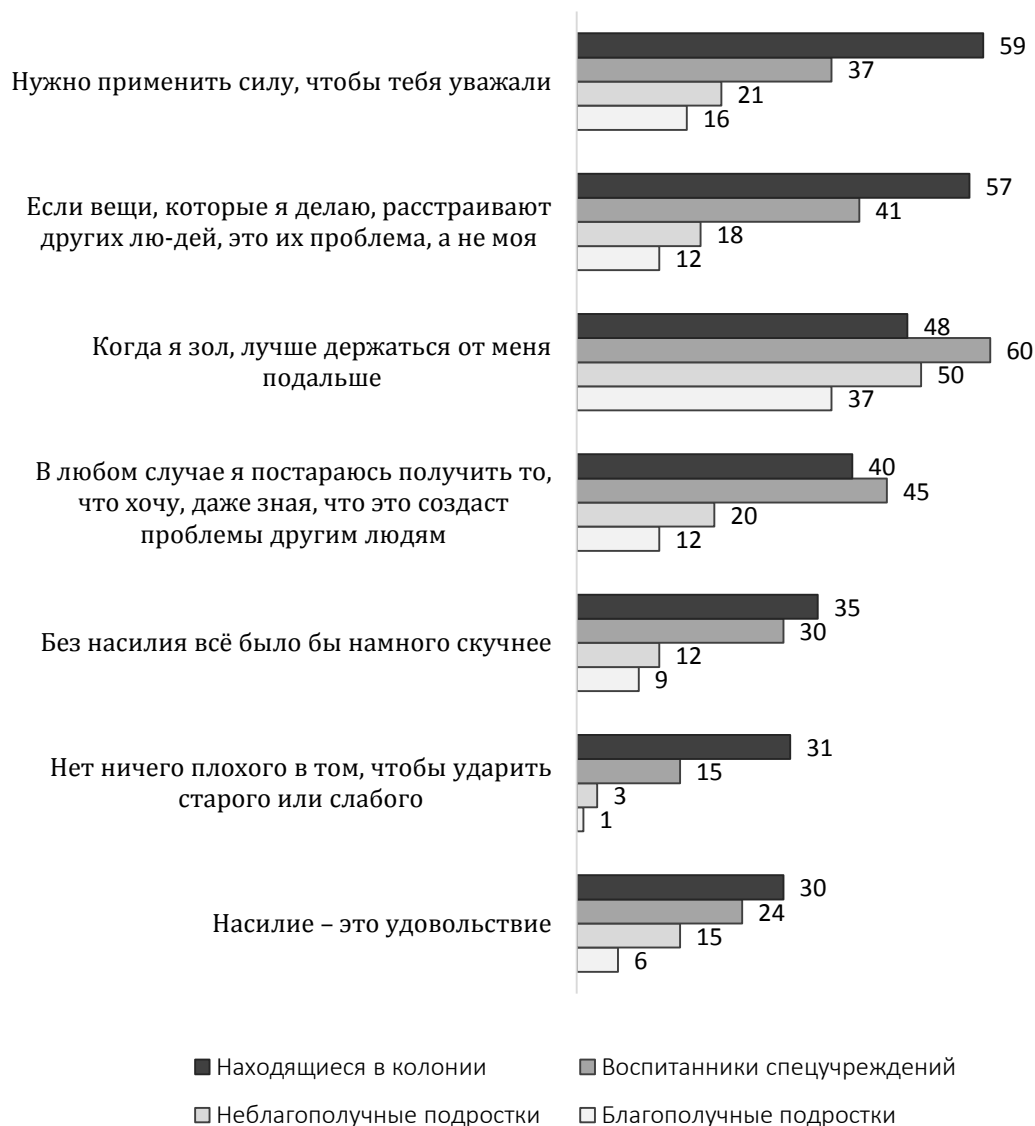

Рисунок 7.5. Связь уровня криминализации с отношением к насилию у несовершеннолетних, %

Спад экономического развития, депрессия, разорение ведут к массовой, системной фрустрации. В такой ситуации, когда в ходе предыдущего развития был сформирован определённый уровень притязаний, люди чувствуют себя обездоленными во многих сферах жизни. Ре-

результатом является возрастание всех форм агрессивного поведения.

Решая задачи своего возраста, связанные с идентификацией, самоопределением, молодой человек сталкивается с фрустрацией реального мира и поиском выхода из неё могут стать экстремальные защиты. Очень большую роль в формировании экстремизма играют и лично-психологические факторы, и причины. К ним относятся чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Особую роль играет фрустрация. Суть фрустрации – столкновение сильной мотивированности человека на достижение определённой цели с внешними препятствиями. Барьеры на пути достижения цели могут быть физическими, биологическими, психологическими и социокультурными. Психологи выделяют пять различных способов реакции индивида на ситуацию фрустрации: двигательное возбуждение (бесцельные и неупорядоченные действия), апатию, агрессию и деструкцию, стереотипию (слепое повторение фиксированного безуспешного поведения) и регрессию (возвращение к более примитивным способам поведения). Экстремизм предполагает практическую реализацию своих иллюзорных (не реализуемых адекватно) идей и целей, поэтому внешний мир социальной реальности для экстремиста всегда в принципе враждебен, является преградой в реализации его экстремистских религиозных утопий, и экстремист обычно находится именно в ситуации психологической фрустрации. Чем более фрустрирована и невротична личность, тем чаще и острее осуществляется неадекватное агрессивное поведение. В теорию фрустрации–агрессии Берковиц ввёл три существенных поправки: 1) фрустрация не обязательно реализуется в агрессивных действиях, но она стимулирует готовность к ним; 2) даже при готовности агрессия не возникает без надлежащих условий; 3) выход

из фрустрирующей ситуации с помощью агрессивных действий воспитывает у человека привычку к подобным действиям [Литвак, 2014]. К тому же не всякая агрессия провоцируется фрустрацией – агрессия может возникать, например, с «позиции силы» и являться выражением власти, и тогда ни о какой фрустрации речи быть не может.

В результате социальной фрустрации возникают сложные амбивалентные чувства, соединяющие в себе, с одной стороны, астенические, негативные чувства подавленности, угнетённости, безысходности, страха, бессилия. С другой стороны, стенические чувства ненависти, агрессии. Этот эмоциональный комплекс способствует формированию экстремистских, радикалистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, жестокие действия по отношению к «врагам», которые рассматриваются как главная причина всех бедствий. Экстремистские установки поведения характеризуются убеждением, что только насильственными жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа. Экстремистские поведенческие установки характеризуются также ослаблением или вообще отключением всяких нормативных запретов, начиная от юридических и заканчивая нравственными [Берковиц, 2001].

Зависимое поведение как полюс экстремальности

Материалы исследований показали, что изменившаяся в последние годы алко- и наркоситуация – важный фактор перехода значительной части населения, склонных к употреблению различных психоактивных веществ, в разряд представителей группы с экстремистскими наклонностями. Нами была выявлена связь между склонностью

к насилию, агрессии и употреблением различных ПАВ (рис. 7.6, 7.7).

Употребление и зависимость от алкоголя легче всего осмысливаются на континууме, где на одном конце находятся не употребляющие алкоголь подростки, а на другом – школьники, имеющие признаки зависимости от алкоголя. Мы выделили четыре категории подростков в зависимости от степени их алкоголизации и группу подростков, пробовавших наркотики.

1. «Трезвенники» никогда не пробовали алкоголь и не имеют намерений делать это. «Экспериментаторы» попробовали алкоголь и продолжают его употребление в редких случаях, но в целом способны не употреблять спиртные напитки (отказаться от спиртного при случае). Эта группа состоит из учеников, которые попробовали алкоголь, имеют опыт опьянения лёгкими и/или крепкими алкогольными напитками, но не более двух раз за всю жизнь, а также которые употребляли алкоголь не более двух раз за последний месяц.

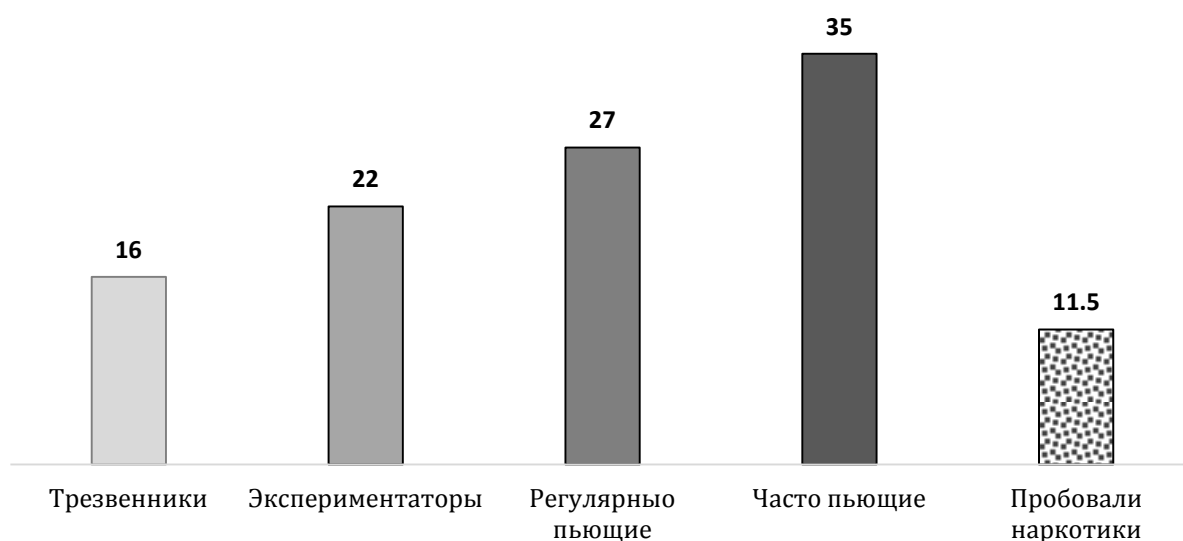
2. «Периодические потребители» активно ищут или попадают в ситуации, когда можно употребить алкоголь, сами периодически употребляют алкоголь, однако в целом ещё способны отказаться от употребления. Эта группа состоит из учеников, которые пробовали алкоголь, имеют неоднократный опыт сильного опьянения (три и более случая за всю жизнь) или только слабыми, или только крепкими алкогольными напитками, а также употребляли за последний месяц или только слабые, или только крепкие алкогольные напитки три и более раз.

3. «Пьющие» употребляют алкоголь регулярно, имеют тенденцию прибегать к нему во многих ситуациях. Это дети, близко стоящие к «взрослой норме» алкогольного поведения и, возможно, уже имеющие алкогольные проблемы.

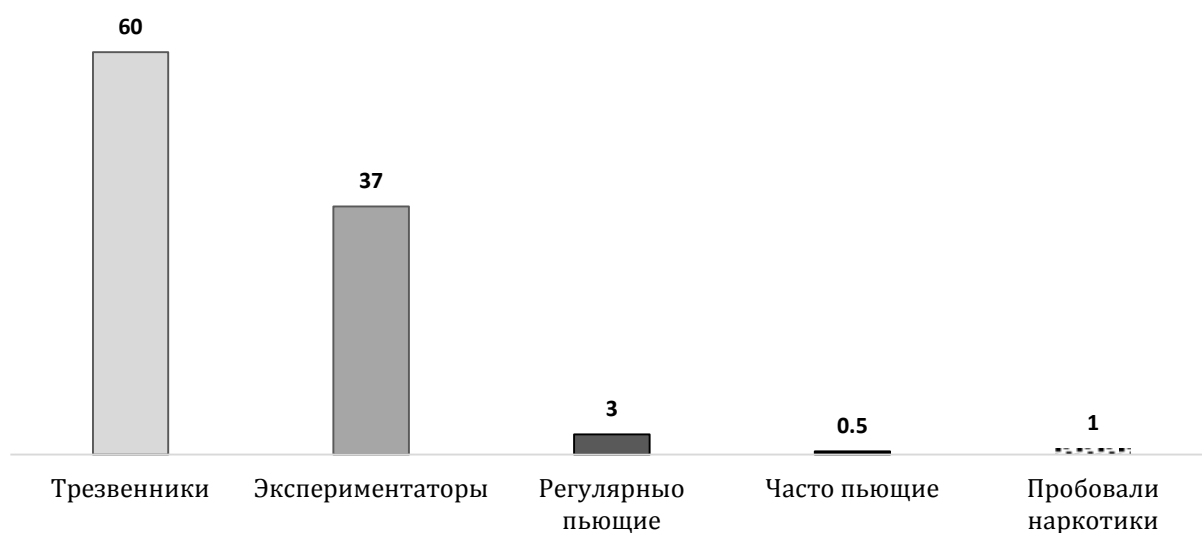
4. Пробовавшие наркотики.

Группа «Склонных к насилию» включала в себя подростков, согласившихся со следующими утверждениями: «Немного насилия – это удовольствие»; «Нужно применить силу, чтобы тебя уважали»; «Без насилия всё было бы намного скучнее»).

Склонные к насилию подростки

Не склонные к насилию подростки

Рисунки 7.6, 7.7. Связь склонности к насилию с употреблением алкоголя и наркотиков у школьников 7–9 классов, %

Из представленных рисунков видно, что вероятность алкоголизации склонных к агрессии и насилию школьников повышается: процент «трезвенников» низкий, а процент «часто пьющих» – высокий. В группе «добрых» подростков, наоборот, часто и регулярно пьющих очень мало, большинство не употребляют. Однако при рассмотрении связи между индивидуальными особенностями и употреблением ПАВ, нельзя не учитывать того факта, что человек, злоупотребляющий алкогольными напитками, сам приобретает особые черты личности. Так, изначальная склонность к агрессии может инициировать алкогольный опыт, но может и стать следствием употребления алкоголя, свойством которого является притупление чувства страха, опасности. М.Х. Гонопольский находит у подростков, злоупотребляющих алкоголем, изменения характера в виде грубости, эмоциональной холодности, циничности, утраты привязанности к родителям и членам семьи, агрессивность [Гонопольский, 1997].

Алкоголь и наркотики

Исследование современной алкогольной и наркотической ситуации в России, изучение механизма трансформации причинно-следственного комплекса, повлекшего переход к новым, более латентным и злокачественным формам потребления и алкоголя и наркотиков, позволило выявить, что фиксируемые Росстатом и некоторыми аналитиками количественные изменения ситуации с потреблением и алкоголя, и наркотиков в сторону снижения не имеют под собой серьёзных оснований для оптимизма. Согласно результатам исследования, в последние годы в России происходят, в первую очередь, существенные качественные изменения в сфере распространения и употребления психоактивных веществ, вызванные как общемировыми тенденциями, так и, в значительной

мере, изменением у населения отношения к потреблению различных веществ. Исследования выявили существование в современном российском обществе потребности в опьянении, изменении своего состояния сознания. Употребление и алкоголя, и наркотиков выполняет на сегодняшний день определённые социальные функции.

Материалы исследований свидетельствуют, что вовлечённость как взрослых, так и молодых россиян в потребление алкоголя остаётся высокой. Опрос учащихся школ показал, что за последние пару десятилетий количество школьников, узнавших вкус алкоголя к 14 годам (нынешний 8-й класс), возросло почти в два раза. Если опросы 1991 г. обнаруживали, что в 14 лет вкус алкоголя был знаком 36% школьников, то в исследовании 2006–2007 гг. доля учащихся средних классов, которые пробовали алкоголь, составляла уже 68%, а в опросе 2014–2016 гг. – 72% [Веселовский, 1987]. Процесс освоения несовершеннолетними взрослых моделей алкогольного поведения также существенно изменился: отмечается ранний возраст первых проб, раннее знакомство с разнообразными напитками, стираются различия между алкоголизацией мальчиков и девочек. Опросы старших возрастных групп свидетельствуют, что для трети взрослого населения характерна повышенная интенсивность алкоголизации как по частоте потребления, так и по объёмам потребляемого алкоголя. Однако, согласно данным исследований, пьянство ушло в семью, в дом, и поэтому менее заметно в общественных местах. В некоторых группах населения наблюдается так называемая «тихая» (скрытая) алкоголизация, которой чаще всего подвержены женщины и представители «беловоротничкового» менеджмента [Потребление алкоголя в России, 2011].

Употребление алкоголя в трудоспособном возрасте носит фактически повседневный и неупорядоченный характер, спиртные напитки становятся специфическим

продуктом питания. Потребление алкоголя потеряло свой маргинальный статус, став общепринятой социальной практикой. Отношение к алкоголизации как к «нормальному» явлению распространено в значительных по масштабам и разнообразных по социальному статусу группах населения. В массовом сознании умеренное потребление алкогольных напитков выступает как часть бытовой культуры и образа жизни, а употребление спиртного – своеобразной фоновой деятельностью, тесно вплетённой в ткань различных социальных практик и взаимодействий – трудовую, предпринимательскую, досуговую, коммуникативную, развлекательную.

Трагизм ситуации заключается в том, что даже незначительная алкоголизация является пусковым механизмом наркотизации различных групп населения. Результаты исследований среди учащейся молодёжи (2004–2016 гг.) в очередной раз показывают, что распространённость употребления алкоголя тесно коррелирует с увеличением распространённости хотя бы однократного или эпизодического употребления наркотических веществ.

В настоящее время наблюдается новая тенденция в наркоситуации как в России, так и в мире в целом. Этой новой тенденцией следует считать так называемое «контролируемое» потребление психоактивных веществ [Позднякова, 2015]. К наркотикам приобщаются представители разных слоёв населения – от молодёжи до пожилых людей. Новые психоактивные вещества привлекают своей дешевизной, доступностью и иллюзорной безвредностью. Данная тенденция обнаружена сравнительно недавно и не имеет примеров полноценного изучения.

По расчётам Федеральной службы по контролю над наркотиками, число наркоманов в России составляет более 10 млн человек. В современных российских условиях употребление наркотиков вписывается в общий контекст

жизни человека. В настоящее время сформирована наркотическая культура принципиально нового типа [Рыбакова, 2012; Позднякова, 2016]. Употребление наркотиков теряет маргинальный характер, перестаёт быть атрибутом определённых субкультур, становится социокультурной нормой, общепринятой социальной практикой. Происходит социальная легитимация наркотиков. В потреблении участвуют практически все слои населения: от подростков до пожилых. Новая наркоситуация обусловлена расширением числа законопослушных потребителей разнообразных веществ с целью легального воздействия на психическое состояние (стимулирующий или седативный эффект), увеличением ассортимента таких веществ, а также тенденцией к поиску эйфоризирующих впечатлений.

Об усугублении наркоситуации говорит и рост количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. По официальной статистике МВД России число таких преступлений возросло с 215,2 тыс. в 2011 г. до 236,9 тыс. в 2015 г. Только за шесть месяцев с начала 2016 г. количество преступлений в этой сфере составило 103,4 тыс. [Состояние преступности в России..., 2016]. За период с 2005 по 2014 гг. в 4 раза увеличилось количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения: с 8,1 тыс. до 33,1 тыс. Рост регистрируемой преступности не даёт представления о всём массиве преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков. Серьёзные опасения вызывает расширение круга потребителей наркотиков за счёт вовлечения в незаконный оборот наркотиков граждан из социальных групп, ранее не входивших в так называемую группу риска. На фоне растущего числа граждан, привлечённых к уголовной ответственности за наркопреступления, возросло количество служащих, руководителей, учащихся. Подавляющее большинство их остаётся ла-

тентными, в статистике отражается только каждое третье преступное деяние и каждое седьмое из деяний, совершаемых с целью сбыта.

Незаконный оборот наркотиков связан с экстремизмом по различным каналам. Во-первых, потребление наркотических средств способствует проявлению экстремистских проявлений. Наркоманы нередко совершают преступления экстремистской направленности, выбирая объектом нападения представителей этносов из числа мигрантов. Девиантное поведение подростков часто развивается по схеме: *наркотизм* → *криминальность* → *экстремизм*. Наркотизм «встроен» в механизм деятельности экстремистских религиозных организаций.

Борьба с незаконным оборотом наркотиков является важным средством противодействия экстремизму.

Склонность к риску как предиктор экстремального поведения

Деградирующая социальная система прошлых лет не препятствовала распространению в обществе «социальных отходов» (наркоманов, алкоголиков, бомжей и прочих маргиналов), поскольку они, не будучи политически активными, не представляли опасности для существующего политического режима. Однако в современных условиях эскейп и аномия не только потенциально рискогенны, но часто являются основанием для подрыва самосохраняющегося поведения человека и безопасности общества.

В настоящее время возникает норма риска как элемент современной культуры, т.е. формирование в массовом сознании понятия «социально приемлемого риска», отразившего осознание и затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности. В связи с этим новые тенденции девиантного поведения населения России следует трактовать как риски социаль-

ного характера. «Отклоняющееся поведение», «ценностный вакуум», «отчуждение», «аномия» – эти и родственные им понятия, принятые в современной девиантологии, уже содержат в себе понятие риска как причину или следствие названных состояний и процессов.

Располагая данными о различных формах рискогенного поведения, можно добиться более эффективных превентивных стратегий борьбы с экстремальным поведением, переходящим при определённых условиях в экстремизм. По материалам наших многолетних исследований, посвящённых связи рискогенного поведения с различными формами девиаций, известно, что отказ от рискованного поведения, связанного с различными формами девиаций, нарастает с возрастом. Он выражается в тенденции к выбору наиболее безопасных вариантов, к получению более полной информации, к принятию обдуманных решений, обращению за советом и др. В то же время риск переоценивается старшими и недооценивается младшими. В середине и к концу подросткового возраста риск удовлетворяет потребности в независимости, достижении, лидерстве, аффилиации, престижа и т.д. Неудовлетворённость этих потребностей приводит практически ко всем формам девиантного поведения. Возникает проблемная ситуация, выражающаяся в рассогласованности между осознанием необходимости риска и удовлетворением социальных потребностей.

Необходимо отметить, что рискогенное поведение не только деструктивно. Несомненно, что в определённых случаях риск придаёт импульс развитию как личности, так и обществу. Возникает вопрос: почему в одних случаях склонность к риску проявляется в выборе опасной профессии, в других – в пристрастии к азартным играм, в третьих – в употреблении наркотиков, в четвёртых – в рискованном сексуальном поведении и т.д. По нашим данным, в значительной части случаев речь идёт не о

разных видах поведения, а о склонности к рискованному поведению, которая может быть направлена в то или иное русло в связи с определёнными индивидуальными особенностями и характером ситуации социального развития.

Материалы исследований позволили выявить определённые особенности рискованного поведения, такие как: склонность к рискованному поведению; тревожность как психологический фактор, влияющий на склонность респондентов к рискованному поведению; образ себя и специфика представления о себе (у школьников); удовлетворённость собственной жизнью (у студентов).

По самооценкам населения, значительная часть респондентов (45%) считает себя рискованными людьми (доля таковых варьируется от 36% в Казани до 60% в Краснодаре). Следует обратить внимание на то, что очень высока и доля респондентов, отметивших, что они готовы пойти на риск ради получения новых ощущений (практически во всех городах от 65 до 80%).

Вместе с тем при ответе на другой вопрос: «Что для Вас важнее: безопасность или возможность испытать новые ощущения?» большинство опрошенных отметили, что безопасность для них является приоритетной. Несмотря на это, доля тех, кто указал, что совершает поступки, которые считает слишком рискованными, также значительна – 32%.

Ответы на вопрос о конкретных проявлениях рискованного поведения позволяют выделить его наиболее распространённые формы. Значительная часть респондентов находит для себя нормальным или оправданным следующие виды деятельности (рис. 7.8).

Обращает на себя внимание, что 40% ответивших готовы сегодня экспериментировать и влиять на своё состояние сознания различными способами. В частности, каждый пятый отметил, что для него нормально и оправ-

данно находиться в малознакомой, нетрезвой компании, а почти каждый четвёртый считает употребление алкоголя в неумеренных количествах для себя нормой. Ещё 20% отметили, что не видят ничего страшного в употреблении сильнодействующих лекарств без предписания врача («лекарственная наркомания»). Совокупность подобных установок может быть почвой для первых проб наркотиков и/или перехода к эпизодическому употреблению.

Рисунок 7.8. Ответы на вопрос «Какие из перечисленных действий Вы считаете для себя нормальными?¹²», %¹³

Исследование показало, что имеется прямая связь между уровнем склонности к риску и употреблением

¹²В графике суммируются альтернативы ответов «Для меня это нормально» и «это рискованно, но риск вполне оправдан».

¹³Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

наркотиков. Так, в группе потребителей наркотических веществ высокий уровень склонности к риску встречается чаще, чем среди респондентов, не имеющих опыта употребления (40% против 25%). Также склонны к употреблению наркотиков и респонденты со средним уровнем по шкале потребностей в новых ощущениях.

При рассмотрении механизмов приобщения к наркотикам, а также перехода от первой пробы к эпизодическому употреблению была изучена склонность к рискогенному поведению, основой которой является поиск острых ощущений. Поиск ощущений рассматривается как потребность субъекта экспериментировать с необычными и сложными ощущениями, с рискованными типами поведения как на физическом, так и на социальном уровне [Состояние преступности в России..., 2016]. Поиск острых ощущений, как особый тип поведения, является предиктором наркотизации и оказывает влияние на выбор наркотика и способ его употребления. Следует отметить, что этот поиск актуален и в других формах экстремального поведения.

Для более глубокого анализа связи рискогенного поведения с различными формами девиантного поведения нами были сформированы группы с высокой и низкой степенью риска. Первую группу составили респонденты, готовые пойти на риск ради получения новых ощущений и отметившие, что совершают рискованные поступки. Ко второй были отнесены респонденты, не готовые пойти на риск ради получения новых ощущений и отметившие, что сами не совершают рискованных поступков. Сравнение двух групп показало, что респонденты, склонные к риску, чаще, чем респонденты из первой группы, замечены в различных видах экстремальной деятельности: угон машины, мотоцикла, нарушение правил дорожного движения, незащищённый секс, употребление различных ПАВ, а также готовность с ними экспе-

риментировать. Так, например, в тяжёлых жизненных ситуациях склонные к риску респонденты чаще прибегают к алкоголю (64%), чем не склонные к риску (48%), и наркотикам (10% против 4% соответственно). В группе респондентов, склонных к риску, каждый четвёртый принимает антидепрессанты, снотворные, успокоительные без назначения врача (против 13% среди не склонных к риску). Однако следует отметить, что около трети респондентов в каждой группе не принимают антидепрессанты, но с их точки зрения нуждаются в них.

Важные характеристики рискогенного поведения – отношение к безопасности и наличие или отсутствие потребности в острых ощущениях. Традиционно те, для кого важнее безопасность, менее склонны к риску. Однако, как показало исследование, для значительной части населения сегодня важна потребность в новых ощущениях.

Исследования позволили получить данные, фиксирующие достаточно высокую тревожность населения. Различное состояние тревоги часто становится пусковым механизмом экстремального поведения для криминального поведения. Известно, что существует несколько типов тревоги.

Конструктивная тревога/страх понимается как способность личности выдерживать переживания, связанные с тревогой и использовать тревогу для решения адаптационных задач, т.е. действовать в реальном мире, прогнозируя его действительные опасности и случайности. Высокие показатели конструктивной тревоги свидетельствуют о способности трезво оценивать опасности реальной жизни, пересиливать страх при реализации жизненно-значимых задач, целей, планов. В экстремальных ситуациях лица с конструктивной тревогой способны принимать обоснованные и взвешенные решения, обладают достаточной толерантностью к тревожным переживаниям.

Деструктивный страх/тревога – это страх уничтожения, вплоть до панических проявлений, вызывающий дезинтеграцию личности. Он часто проявляется в форме деструктивной ярости. Для лиц с высокими показателями по шкале деструктивного страха характерны повышенная тревожность, склонность к волнениям по незначительным поводам, ощущение недостаточного контроля над ситуацией, нерешительность, робость, стеснительность. В такой ситуации человек чувствует страх перед другими людьми, перед их близостью и телесными контактами. Часто деструктивная форма страха проявляется при так называемой «пограничной» преступности, когда люди совершают преступления от страха.

Дефицитарный страх/тревога выражается в том, что объективная опасность полностью игнорируется, т.е. не воспринимается сознанием как реальность. При нем человек не испытывает затруднений в приобретении новых связей, но остаётся эмоционально безучастным и поэтому ему трудно получить какие-нибудь преимущества общения из нового опыта. Отсутствие страха приводит к поиску экстремальных ситуаций и может привести к девиантному поведению. Опасные ситуации оцениваются им неадекватно, а реально существующие опасности недооцениваются или не воспринимаются вообще. Отсутствующий страх проявляется в ощущениях усталости, скуки и пустоты. Из-за отсутствия чувства страха при дефицитарной тенденции затруднено развитие стратегий совладания и преодоления (копинг-стратегий) адекватных развития ситуации [Очерки динамической психиатрии, 2003].

В ходе исследования выявлены тенденции к преобладанию определённого типа тревоги в зависимости от уровня склонности к риску. Так, высокий уровень склонности к рискованному поведению представлен дефицитарной тревогой (46%), средний уровень относительно

равномерно обозначен дефицитарным и деструктивным типами тревоги (31 и 27% соответственно); низкий уровень показывает преобладание дефицитарного типа тревоги (41%). Среди тех, кто не употребляет наркотики, выявлена обратная взаимосвязь между показателями склонности к острым ощущениям – к рискованному поведению – и проявлениями деструктивного вида тревоги. Также выявлена прямая взаимосвязь между показателями склонности к рискованному поведению и проявлению конструктивного вида тревогу. Одновременно отмечается практически равномерная распространенность как деструктивного (35%), так и дефицитарного (37%) типов тревоги, что не позволяет определить наиболее характерный для неё тип тревоги.

Рискогенное поведение и экстремальные виды спорта

Следует отметить, что тяга к «опасному», склонность к экстремальному поведению реализуется в различных формах молодёжных и подростковых сообществ и не обязательно имеет криминальный оттенок. Исследование показало, что фактически субкультурными образованиями стали группы, объединяемые интересом к экстремальным видам спорта. Экстремальный спорт становится модой, появляется особый «класс экстремалов». Некоторые сообщества сформировали довольно развитую идеологию на перекрёстке актуальных общественных проблем и практику испытания волевых качеств личности в экстремальных условиях. В настоящее время существует несколько десятков видов экстремального спорта: К наиболее известным видам относится: аквабайк, альпинизм, бейсджампинг, бокинг, виндсерфинг, bicuslemotocross (bmx), горнолыжный спорт, граффити-бомбинг, дайвинг, лонгбординг, маунтинбординг, маунтинбайк, парапланеризм, парашютизм, рафтинг, роуп-джампинг, ружинг, сёрфинг, силовой экстрим, скалолаза-

ние, скейтбординг, сноубординг, сноукайтинг, триал, роллерблейдинг, паркур и т.д.

Экстремальные виды спорта характеризует высокая степень опасности для жизни и здоровья спортсмена.

Исследователи выделяют несколько причин увлечённостью экстримом:

1. Потребность в выбросе адреналина. Исследования экстремалов показывают, что психоэмоциональное возбуждение, наступающее в момент встречи с опасностью, несравнимо ни с чем по своей силе и остроте.

2. Расширение личностных границ и пространства. Для многих экстремалов их увлечение – это возможность оказаться «над ситуацией», возвыситься над собой и другими, почувствовать, что «от твоей воли, сил организма зависит нечто действительно существенное и важное», «реакция, нервы и умение овладеть положением в неконтролируемой ситуации – вот то, что заставляет наслаждаться экстримом».

3. Противопоставление себя физическим законам природы. Занятия экстримом происходят в природной среде с использованием природных элементов: воздуха, воды и земли. Природные элементы оказывают влияние на уровень экстремальных ощущений и человеческие инстинкты. Страсть человека к преодолению естественных препятствий является привлекающим фактором для экстремалов и зрителей. Наряду с этим, у многих экстремалов доминирует потребность «быть уникальным исключением из правил» и превозмочь законы физики [Позднякова, 2016].

Психологическими основаниями для занятий экстремальными увлечениями чаще всего выступают три доминирующие потребности: потребность преодоления страха; потребность в самоутверждении; потребность в сублимации сильных негативных переживаний. В контексте рассмотрения основных социально-

психологических характеристик экстремалов интересны результаты диссертационного исследования Г.В. Апиняна, в котором он рассматривает поведение экстремалов как разновидность девиации и даёт их описательный социально-психологический портрет. В частности, автор указывает, что люди, занимающиеся экстремальными видами спорта, отличаются от людей, не занимающихся экстримом, более выраженной агрессией, сублимирующейся в избранные виды деятельности. «Тем самым, выплёскивая негативную энергию в экстремальный спорт, субъект изолирует себя от излишних нервных переживаний и депрессий, которыми чревата его повседневная жизнь. Рискую получить травмы, занимаясь экстремальным спортом, молодой человек получает необходимые для него острые ощущения и одновременно хорошую физическую подготовку» [Апинян, 2009].

При изучении темы рискогенного поведения и поиска острых ощущений материалы, касающиеся увлечения молодёжи экстремальными видами спорта, представляют особый интерес. Данные по этому разделу были собраны в рамках специального исследования учащейся молодёжи в возрасте от 13 до 23 лет, посвящённого изучению потребностей и поиску острых ощущений с использованием тестирования по нескольким методикам. Из всего массива экстремальными видами спорта увлекаются 39%.

Предполагалось, что в группе респондентов, занимающихся экстремальными видами спорта, показатели высокого уровня склонности к риску будут встречаться значительно чаще, чем в группе, не имеющих такого рода увлечений. При сравнении представленности различных уровней склонности к рискованному поведению между группами респондентов, увлекающихся и не увлекающихся экстремальными видами спорта, была выявлена искомая связь между склонностью к рискованному пове-

дению и увлечённостью спортом, связанным с повышенной опасностью для жизни.

Исследование показало, что среди испытуемых, практикующих различные виды экстремального спорта, лидируют средний и высокий уровни склонности к рискованному поведению. И, хотя высокий уровень в своей представленности несколько уступает среднему, необходимо отметить, что испытуемых с низким уровнем склонности к риску насчитывается всего 3% (рис. 7.9).

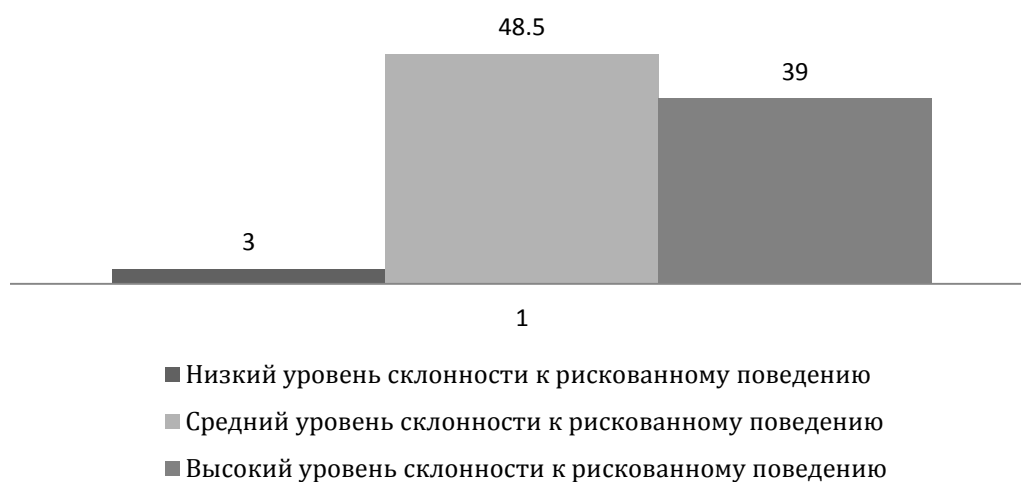

Рисунок 7.9. Распределение уровней склонности к рискованному поведению у респондентов – «экстремалов», %

В группе респондентов, никогда не занимавшихся экстремальными видами спорта, девочки в большей степени демонстрируют готовность к рискованному поведению, в то время как среди испытуемых–«экстремалов» лидируют мальчики. Эта тенденция была и при изучении различных моделей рискованного поведения. Например, при изучении склонности к риску и употреблением психоактивных веществ.

По нашим многочисленным исследованиям, следует отметить амбивалентное отношение девушек к различным формам рискованного поведения – большая готовность девушек, чем юношей, к рискованному поведению

может проявляться и в употреблении психоактивных веществ. Так, например, девушки резко осуждают употребление наркотиков своими близкими и друзьями, но говорят о готовности их попробовать [Моисеева, 2005]. Это объясняется, скорее всего, тем, что в молодом возрасте происходит переоценка ценностей, неизбежная в этот период, которая ведёт и к переоценке риска. Не сознавая степень риска, молодые люди проверяют границы своих возможностей и часто считают себя неуязвимыми.

Опыт употребления наркотических веществ среди «экстремалов» не превышает одной трети, однако наркотические пробы имеются у половины респондентов в возрасте 15–16 и 19–20 лет, причём гендерные различия отсутствуют.

В указанных возрастных группах частота проб составляет примерно половину случаев, практически 50% респондентов не только занимаются экстремальными видами спорта, но и имеют опыт употребления наркотиков. Так, данные по испытуемым–«экстремалам» соотносятся с аналогичными показателями в группах с высоким уровнем риска и частотой наркотических проб. Результаты исследования позволили выделить среди всей молодёжной аудитории некую группу, обладающую рядом конкретных характеристик и имеющую в силу этого особую уязвимость. Эта группа (возрастной период 15–20 лет) сопровождается высокими рисками вообще, касается ли это наркотических проб, рискованного поведения или опасных для жизни увлечений.

В частности, необходимо отметить, что повышенная склонность к риску чаще всего встречалась у испытуемых 17–18 лет (как правило, это студенты 1–2 курсов высших учебных заведений); а поскольку склонность к рискованным поступкам неразрывно связана с поиском и потребностью в новых ощущениях, то для распространителей ПАВ заявленная аудитория превращается в весьма зна-

чимую группу потребителей. «Пробующие» действительно более склонны к рискованному поведению, чем «не пробовавшие», однако в то же время высокая потребность в новых ощущениях вовсе не гарантирует того, что испытуемый обратится именно к употреблению наркотиков, а не, скажем, к экстремальным видам спорта.

При сравнении двух групп респондентов, разделённых по принципу наличия или отсутствия опыта занятий рискованными видами спорта, зафиксировано, что не занимающиеся экстремальным спортом склонны к рискованному поведению только в том случае, если у них отсутствуют неадекватные типы тревоги (деструктивный и дефицитарный). Фактически различия между указанными группами состоят в том, что респонденты-«неэкстремалы» идут на риск относительно осознанно, в ходе приобретения нового опыта. У респондентов-«экстремалов» превалирует поиск острых ощущений. Эта потребность в сильных переживаниях настолько значима, что выбор способа её удовлетворения (рискованное поведение, экстремальный спорт или наркотики) не имеет значения.

Неформальные группы молодёжи и экстремальное поведение

Одной из задач этого исследования было изучение взаимосвязи между участием молодёжи в неформальных группах и антиобщественной и преступной деятельностью, а также другими отрицательными социальными явлениями. Известно, что каждое из направлений подростковых группировок проявляет свои, отличные от других, особенности поведения. Принадлежность к некоторым из групп создаёт повышенный риск формирования девиантного поведения, хотя само по себе приобщение к определённой субкультуре об этом ещё не свидетельствует. Само по себе формирование групп подростков и

юношей – процесс закономерный. Для подростка характерна повышенная потребность в общении со сверстниками, и ни к какой другой когорте они не восприимчивы так, как к своей подростковой среде, будь то с положительными или отрицательными ориентациями и установками. Это связано с такими факторами, как: психофизиологические особенности переходного возраста; ослабление влияния семьи и переориентация общения с родителей на ровесников; маргинальное социальное положение подростка (уже не ребёнок, но ещё не взрослый), усиливающее беспокойство и нестабильность поведения; переход от детских к взрослым формам контроля за своим поведением; необходимость удовлетворения значимых социальных потребностей (в общении, признании, солидарности в поведении) и др. Группы сверстников занимают промежуточную позицию между семьёй и школой, между семьёй и социальной системой в целом. Таким образом, неформальные подростковые группы, с одной стороны, играют в обществе позитивную роль, выступая основным социализирующим институтом в подростковом возрасте. Опасность таит не подростковое общение как таковое, не все неформальные подростковые группы, а лишь те, в которых происходит криминализация несовершеннолетних. Как отмечают А.Ю. Липовецкая и Е.А. Огнева, значительная часть несовершеннолетних преступников, совершающих преступления в группе, когда-либо имела отношение к неформальным группировкам, для которых характерно делинквентное поведение, являющееся прообразом криминального, преступного [Липовецкая, Огнева, 2008].

Неформальная группировка несовершеннолетних – это юридически неоформленное общество людей, объединённое совместным делом, не укладывающееся в принятые официальные структуры, осознающее свою относительную замкнутость, возникающее и функционирую-

щее на базе симпатий, интересов, свободного времяпрепровождения [Криминология, 2006].

В настоящее время неформальные объединения являются массовым явлением. К причинам возникновения неформальных объединений относят:

- 1) вызов обществу, протест;
- 2) вызов семье, непонимание в семье;
- 3) нежелание быть как все;
- 4) желание утвердиться в новой среде;
- 5) желание привлечь к себе внимание;
- 6) ее развитая сфера организации досуга для молодежи в стране;
- 7) копирование западных структур, течений, культуры;
- 8) религиозные идейные убеждения;
- 9) дань моде;
- 10) отсутствие цели в жизни;
- 11) влияние криминальных структур, хулиганство;
- 12) возрастные увлечения.

Потребность в общении и самоутверждении подростка должна быть реализована в благоприятной среде. Если это по каким-то причинам не происходит, самоутверждение осуществляется в неформальных подростковых группах, уличных, дворовых компаниях в форме асоциальных проявлений (выпивка, курение, нецензурщина, хулиганство), оно может стать опасным, криминализирующим фактором. Подросткам чаще, чем взрослым свойственно объединяться в неформальные группы. Это объясняется и естественным стремлением объединяться в условиях «заброшенности» и недружелюбия мира взрослых, и поисками столь значимых для молодежи дружеских и сексуальных контактов и привязанностей, и пониманием ровесников при непонимании взрослыми и т.д. Наши исследования показали, что основными социальными факторами, способствующими возникновению не-

формальных молодёжных групп, являются невозможность самореализации в кругу семьи, в школе, формальных общественных организациях, отсутствие взаимопонимания или разногласие, расхождение во взглядах с родителями и учителями. «Уйти в неформалы» побуждает молодых людей внутреннее одиночество, потребность в друзьях, конфликты по месту учёбы и дома, недоверие к взрослым, протест против лжи. Большая часть подростков приходит в группу потому, что «не знал, как жить дальше». Протест, который они выражают, может быть пассивным, через внешнее, скорее показное, демонстративное отрицание существующего порядка, отказ от соблюдения принятых в обществе правил. Как видно из многочисленных опросов несовершеннолетних, их стремление к уходу в неформальные группировки и объединения связано с такими мотивами, как стремление обрести единомышленников; оказаться в среде себе подобных; получить возможность полноценного общения и взаимопонимания; уйти от одиночества; заполнить своё свободное время; уйти от постоянного надзора родителей, учителей; противопоставить силе общества коллективную силу объединения или группы. Таким образом, к формированию подростковых неформальных групп приводит: личная неустроенность и неудовлетворённость (как результат противоречий социально-экономического развития, социальных условий бытия); неспособность или неприятие активных форм самоутверждения, преодоления конфликтных ситуаций, фрустрации; потребность в общении, в референтной группе (когда выбирается, например, не алкоголь, а компания); интеграция неформальных групп как следствие давления социального контроля.

Неформальные объединения (вопреки распространённому мнению) изобретены не сегодня. Они имеют богатую историю. Разумеется, современные самодеятель-

ные формирования существенно отличаются от своих предшественников.

Классификация неформальных молодёжных объединений.

Неформальные группы бывают:

- просоциальные, асоциальные, антисоциальные;
- группы принадлежности и референтные;
- большие и малые (здесь речь не о количестве, а о качестве (группы, в которых все подростки непосредственно общаются друг с другом – малые, а где не могут общаться большие);
- постоянные и случайные;
- с демократическим и авторитарным подчинением;
- разновозрастные и одновозрастные;
- однополые и разнополые и т.д. [Криминология, 2006].

Для целей нашего исследования следует рассмотреть классификацию И.Ю. Сундиева, который группирует неформальные молодёжные объединения по ведущему мотиву их деятельности [Сундиев, 2006].

1. *Группы агрессивной самодеятельности.* Спортивные «фанаты», цель объединения которых – эмоциональная разрядка в процессе «боления» на матчах и послематчевых шествий, стремление выделиться из окружающей микросреды, продемонстрировать с помощью стилизованной одежды свою принадлежность к любимой команде. Спорт и спортивные мероприятия – лишь повод к совместным действиям. Основной контингент этих групп – подростки 12–17 лет.

2. *Экстремистские неонацистские группы* правого и левого толка. Правые, как правило, малочисленные группы (20–30 человек). Их основное время тратится на копирование внешней атрибутики, создание тайных документов, присвоение друг другу званий и т.п. Группы имеют сложную систему посвящения, куда могут входить

уголовное «братание кровью», противоправные действия, пытки с элементами садизма. Проповедуются идеи антигуманизма, насилия. Практикуется употребление алкоголя, курение. Своих взглядов не скрывают, активно вступают в дискуссии.

3. *Левые* («ремонтники», «люберы», «консерваторы», «контролёры», «законники», «чистильщики», «чистые», «комиссары» и т.п.) объединяются для борьбы с другими неформальными объединениями, в первую очередь неофашистскими. Действуют только против тех групп, которые активно критикуются средствами массовой информации. Если неформальной группе даётся положительная оценка или же она где-нибудь регистрируется, выступления против неё прекращаются. В группах «левых» наибольшей популярностью пользуются физически развитые агрессивные подростки («качки»). Члены групп демонстрируют крайнюю нетерпимость к любым проявлениям западной идеологии и внешним признакам западной культуры. На словах поддерживая государство и общечеловеческие ценности, на практике демонстрируют поведение, сходное с поведением тех групп, с которыми борются. Численность групп 30–40 человек. Диапазон форм деятельности – от демагогических рассуждений о пользе социально-экономических реформ до систематического насилия на грани садизма.

4. *Группы эпатажной самодеятельности*. Целью объединения подростков в такие группы служит как подтверждение принадлежности к элитарной группе, так и претензия на образование «новой элиты». Наиболее характерные представители – панки. Одежда, манера поведения, словарный запас, сленг вычурно грубы и унизительны. Открыто пропагандируется секс, употребление наркотических и токсических веществ. Общение примитивно: в основном обсуждение эпатажных акций. Демонстративный эпатаж достаточно часто оборачивается про-

тивоправными поступками: драками, надругательствами над личностью, памятниками, могилами, грабежами, скорее, с целью унижения личного достоинства, нежели для удовлетворения материальных потребностей. К этому типу относятся также мажоры (в их группах принято носить вещи какой-либо одной западной страны – «псевдоамериканцы», «псевдонемцы» и т.п.; проповедует активный, деловой, сильный человек), рокеры (их отличительная черта – страсть к мотогонкам, возможны угоны мототехники; наркомания и токсикомания в данных группах не развиты, но распространены случайные сексуальные контакты), поперы (причисляют себя к «элите» общества; проповедуют наслаждение теми условиями, которые есть, равнодушные к негативному в жизни; подчеркнуто пренебрежительны к окружающим, стремятся к вызывающей респектабельности; активно бойкотируют любую общественную деятельность).

5. Группы культурной самодеятельности. Они направлены не столько на создание новых художественных ценностей, сколько на создание «культуры для себя», культуры, отвечающей насущным потребностям конкретной личности, группы. Наибольшее распространение получили рокеры, среди которых выделяются (поклонники «Новой волны»), рокабили и мракобили (поклонники рок-н-ролла), хардрокеры (поклонники тяжёлого рока), металлисты (поклонники одного из направлений «тяжёлого металла»), лохи (ненастоящие металлисты, поверхностно разбирающиеся в музыкальном течении, но отличающиеся повышенной агрессивностью, хулиганскими выходками в защиту «истинного металла»), брейкеры (поклонники брейк-данса). Наиболее оригинальными представителями неформальных групп культурной самодеятельности являются хиппи. Одной из принципиально неформальных групп можно считать группы «ком-

пьютерной самодеятельности», где основным инструментом творчества является компьютер.

6. *Группы экономической самодеятельности.* Деятельность таких групп направлена на создание и реализацию материальных благ для себя, своей группы или других групп. В последние годы данное направление активно развивается, преобладают группы кооперативно-предпринимательской направленности.

7. *Группы социальной самодеятельности.* Деятельность этих групп направлена на решение конкретных социальных проблем. В настоящее время наиболее известны экологи (защита окружающей среды, восстановление природных ценностей), экоклубы (защита культурной среды), этнокультурные группы (возрождение или сохранение культурно-исторического наследия различных этнических общностей; в числе подобных групп возможны и группы экстремистски настроенные, например, «Память» и др.); группы интернационалистов (акции героико-патриотического интернационального характера), группы взаимной поддержки (образуются лицами, испытывавшими сходные адаптационные сложности), группы «Милосердия» (добровольная помощь людям, в ней нуждающимся) и т.п.

8. *Группы политической самодеятельности.* Деятельность таких групп направлена на изменение политической ситуации и политических условий в стране в соответствии с их идеями. Выделяют группы в защиту и поддержку социально-экономических реформ, альтернативные политические движения, правозащитное движение, движение политического самообразования.

Знание этих и подобных типологий, основных признаков принадлежности к той или иной группе, ведущих направлений само реализации и возможных проявлений асоциального и криминального поведения даёт возможность социальному педагогу в ситуациях диагностики

конкретной группы максимально точно провести идентификацию, спрогнозировать возможные следствия членства в данной группе для несовершеннолетнего.

Существует, по крайней мере, два способа возникновения асоциальных групп: они складываются на основе объединения несовершеннолетних, социализация и личностное развитие которых нарушены рядом объективных и субъективных причин, или в недрах социально полезных групп в результате накопившихся деформаций в социальных отношениях и общении.

К группе деструктивных объединений относятся:

- криминальные группы;
- сатанинские и тоталитарные секты;
- террористические и радикальные политические партии, и группы, проповедующие классовую или национальную рознь.

Анализ отечественных и зарубежных исследований молодёжных группировок показывает, что неформальные группы криминальной направленности интегрированы в социальную структуру общества, а причинами их появления являются социальная дезорганизация общества, социальная депривация, социальная anomia общественных отношений и усиление отчуждения во всех сферах общества. Во всех этих случаях проявляется угроза вспышки криминогенности, а объектом и агентом социальной anomии становятся молодёжные группировки.

Часто в литературе неформальные группы относят к асоциальным. Однако не все неформальные группы можно отнести к асоциальным. Асоциальными являются лишь те неформальные группы, которые противоречат и противостоят общепринятым социальным нормам и своим существованием влекут деструкции личности, семьи, этноса и т.д. Асоциальные группы молодёжи следует отличать от молодёжных субкультур. Молодёжная субкультура является частью общей культуры социума, под ко-

торой понимается совокупность ценностей, идеологий, традиций, знаков (языка, символов), присущих такой социальной и демографической группе, как молодёжь. При рассмотрении понятий «асоциальные и антисоциальные (криминогенные) группы» следует заострить внимание на понятии «контркультура», т.к. она, прежде всего, связана с наличием ярких оппозиционных и негативистских установок по отношению к господствующей культуре в обществе. Если молодёжная субкультура или контркультура становится агрессивной и пытается утвердиться с помощью насилия, разрушения просоциальных групп, то появляются асоциальные и криминогенные группы молодёжи. Зарождению асоциальных групп предшествует ряд условий, способствующих консолидации разрозненных отчуждённых личностей в единое целое. Прежде всего, это наличие различных деформаций в деятельности, отношениях и общении социально полезных групп, которые формируют те или иные негативные качества у подростков. Сюда относятся деформации в семейных отношениях, недостатки в учебно-воспитательной работе школ, училищ, производственных коллективов, общественных организаций и других первичных коллективов.

Наиболее выраженными чертами неформальных групп асоциальной направленности И.П. Башкатов называет:

1. Нигилизм, отрицание социально полезных ценностей, норм, установок.

2. Отчуждённость от жизни и деятельности социально полезных групп.

3. Пренебрежение интересами общества, выражающееся в нарушении общественных моральных норм: воровство, хулиганство, пьянство, наркомания и другие негативные проявления.

4. Групповая пассивность и равнодушие к социально значимым ценностям.

5. Нравственная деградация межличностных отношений, выражающаяся в круговой поруке, ложном товариществе, эгоизме и эгоцентризме.

6. Наличие совместной асоциальной деятельности, отношений и общения, направленных лишь на удовлетворение утилитарных интересов и потребностей.

7. Действие асоциальной субкультуры – групповых норм, ритуалов, табу и т.д.

8. Неконтролируемость асоциального поведения.

9. Групповая защищённость, солидарность участников группы [Башкатов, 2002].

Многие подростково-молодёжные группы социально нейтральны или признаются обществом. Другие же носят выраженный антиобщественный характер. Так, согласно статистике, деятельность многих неформальных общественных объединений осуществляется в пределах правовых и моральных норм, однако для 7–10% таких групп характерен антиобщественный характер [Косарецкая, 2006].

По данным многочисленных социологических исследований в неформальном движении участвуют тысячи молодых россиян. Если диапазон интересов различных объединений 10–15 лет назад сводился к 15–30 наименованиям, то в настоящее время речь идёт о нескольких десятках и даже сотнях (от 70 до 200). В неформальных объединениях состоят в основном юноши (60%), девушек немного меньше (40%). Причём девушки являются членами такой группы, как правило, непродолжительное время, примерно 1–2 месяца (иногда до 4 месяцев), юноши же входят в неформальные группировки надолго и составляют основу группы [Громов, 2008].

Характерной особенностью участия подростков в рассматриваемых в исследовании противоправных действиях является то, что более чем в половине случаев они были совершены не в одиночку, а в группе, компании, со

знакомыми. Действительно, по данным криминологов, ежегодно более половины всех несовершеннолетних совершают преступления в составе групп. Так, К.Е. Игошев отмечает, что «около 75% из общего числа изучаемых несовершеннолетних совершили преступления в составе групп. Чаще всего группой совершаются такие преступления, как грабежи, разбойные нападения, кражи, хулиганство (от 80 до 90%). В целом же не будет преувеличением сказать: преступность несовершеннолетних – это групповое преступление» [Игошев, 1973].

Значительная часть несовершеннолетних преступников, совершающих преступления в группе, когда-либо имела отношение к неформальным группировкам, для которых характерно делинквентное поведение как прообраз криминального, преступного. В этой связи одной из принципиальных задач было изучить роль неформальных подростковых групп и взаимосвязь между участием в них подростков и антиобщественной и преступной деятельностью, а также другими отрицательными социальными явлениями, рассмотреть процесс вхождения в преступную группировку. Исследовательский интерес к роли неформальных групп молодёжи вызван тем, что наши многолетние исследования, посвящённые девиантному поведению подростков, показали, что определённую часть неформальных групп следует отнести к группам с отрицательной направленностью личности [Позднякова, 2000].

Каждый четвёртый-пятый подросток, по данным исследований школьников 2008–2016 гг., – участник той или иной неформальной молодёжной группы. По последним исследованиям, самыми многочисленными из них являются спортивные (38%) и музыкальные (32%) фанаты, а также любители японского аниме (20%). Также подростки отмечали свою приверженность к таким группам как «пранкеры» (9%), «хипстеры» (6%), «готы» и

«эмо» (2%), «рокеры» (0,5%), «реперы» (0,5%), «панки» (0,3%), «гопники» (0,3%), «альтернативщики» (0,2%), «скейтеры» (0,5%), «ролевики» и «толкинисты» (2%), «национал-патриоты» (3%), «неофашисты» (0,3%) и «скинхеды» (0,3%). Достаточно новым явлением в неформальной культуре стали компьютерные геймеры и «хакеры» (8%). Последняя волна исследований учащихся 2016–2017 гг. показала наличие новых неформальных групп, связанных с развитием интернет-технологий, таких как «стримеры» (5%), и видеоблогеры (ютьюберы) – 0,3%. Некоторые учащиеся отнесли себя к молодёжной субкультуре, построенной на отрицании употребления любых алкогольных напитков, табака, а также любых других наркотических веществ в целом – «стрейт-эйджеров» (5%). В отличие от российских трезвеннических движений, являющихся по своей сути консервативными сообществами, воспевающими традиционные ценности, стрейт-эджеры – субкультура, тесно связанная с музыкальным жанром и клубными практиками молодёжи, при этом она опирается на набор ценностных ориентаций, являющихся, в свою очередь, протестом против социальных пороков общества [Колычев, 2014, Луков, 2012]. Некоторыми исследователями отмечается [Новак, Игнатов, 2014; О’Нара, 1999], что стрейт-эйджеры часто испытывают комплекс превосходства, выраженный в максимально грубой форме. Некоторые представители радикальных течений считают свою идеологию единственно правильной и призывают насильственно прививать всему обществу. Основной их лозунг: «Кто не с нами — тот против нас!». Стрейт-эйджеры могут вести себя чересчур агрессивно, хотя случается такое в основном на танцполе. Для их представителей характерна воспевание физического насилия, однако обычно выражающееся в танце (лэм- и мош-танцах). В целом, культура предполагает агрессивное поведение по отношению к людям, не

входящим в неё, но при этом не переходит непосредственно в насилие.

Особый интерес вызвали у исследователей неформальные группы с различной сексуальной направленностью, отличающиеся сегодня достаточной агрессивностью («фотохантеры» – незаметно фотографирующие или снимающие на видео людей в различных пикантных ситуациях с последующим выкладыванием материалов в сеть). Все перечисленные группы являются молодёжными субкультурами, которые в своей основе могут содержать различные интересы: от музыкальных стилей и направлений искусства до политических убеждений и сексуальных предпочтений.

Входя в конфликт с основной культурой, субкультуры могут носить агрессивный и иногда даже экстремистский характер. В молодёжных субкультурах характерен как протест, так и эскапизм (бегство от реальности), что является одной из фаз самоопределения. Старейшей является контркультура преступного мира. Её появление было вызвано естественным обособлением лиц, нарушающих закон (ссылки в отдалённые места, тюремное заключение, «сходки»), от основной культуры. В результате этого образовалась очень жёсткая субкультура с чёткой иерархической лестницей и своими законами. Развиваясь, субкультуры вырабатывают единый стиль одежды (имидж), язык (жаргон, сленг), атрибутику (символику), также общее мировоззрение для своих членов. Характерный имидж и манера поведения является маркером, отделяющим «своих» (представителей субкультуры) от посторонних людей.

Образ жизни, собственная мораль, духовные ценности, своеобразная субкультура, атрибутика, сленг становятся интегрирующим, объединяющим стержнем подобных групп. Такие (не только подростковые) сообщества строятся, как правило, на отрицании общепринятой мо-

рали, на противопоставлении ей групповой, часто весьма экстравагантной субкультуры. Тяготение подростка к неформальной группе сверстников усиливается по мере ухудшения его отношений с семьёй и школой.

С одной стороны, основную проблему респонденты, состоящие в неформальных группах, видят в том, что родителям нет до них дела. С другой стороны, по сравнению с подростками, не состоящими в группе, они склонны воспринимать родительское внимание как навязчивое: среди них почти в два раза больше тех, кто отметил, что «родители читают нотации и поучают» и более чем в три раза тех, кто считает, что «родители всё время навязываются с просьбами и поручениями». Очевидно, что состоящие в неформальных группах подростки склонны более болезненно воспринимать нравоучения и просьбы родителей – отметивших эти варианты ответов почти в два раза больше, чем среди тех, кто не причисляет себя ни к каким группам (табл. 7.8).

Таблица 7.8

Отношения подростков с родителями
в зависимости от принадлежности к неформальной группе, %¹⁴

Отношения с родителями	Подростки	
	Состоят в группе	Не состоят в группе
Родители меня не понимают	13	2
Им нет дела до меня	26	12
Родители всё время навязываются с какими-то просьбами, поручениями	17	5
Родители всё мне разрешают	9	2
В своей семье я одинок, не с кем поговорить	19	21
Они постоянно контролируют меня	19	19
Мне читают нотации, поучают	21	12
Бывает, что меня наказывают	13	2
У меня хорошие отношения с родителями, полное взаимопонимание	84	87

¹⁴ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

Характерной особенностью ребят, состоящих в группах, является то, что, несмотря на родительские нотации и просьбы, – «родители всё им разрешают». Такие парадоксальные отношения, когда родители воспринимаются подростком и как излишне вмешивающиеся в его жизнь и одновременно как не уделяющие внимания, а также всё разрешающие, может объясняться, с одной стороны тем, что родители не проявляют достаточного педагогического опыта и внимания к своим детям. Так, исследование родительских стратегий обнаружило самоустранение родителей, их пренебрежение своими обязанностями, страх перед неудачей и беспомощность [Рыбакова, 2003]. С другой стороны, само участие в неформальной группе может негативно сказываться на поведении подростка, вынуждая родителей менять свои стратегии на более жёсткие.

При возникновении проблем подростки из неформальных групп чаще обращаются к друзьям (69%), чем к родителям (46%). Школьники, не состоящие в группах, в подобной ситуации обращаются в равной мере как к родителям, так и к друзьям (табл. 7.9).

Таблица 7.9

Ответы подростков на вопрос
«К кому ты обращаешься, когда у тебя возникают трудности» %

Обращения	Подростки	
	Состоят в группе	Не состоят в группе
К родителям	46	60
К друзьям	69	65
К брату (сестре)	20	20
К кому угодно, по-разному	8	7
К учителям	7	2
К священнику	10	0,1
Ни к кому	23	15

У ребят, которые не принадлежат к неформальным группам, в целом более сбалансированные взаимоотно-

шения с социальным окружением. Они не отгораживаются от мира взрослых, тесно интегрированы в семью, но с ориентацией на окружение сверстников. Показатель отчуждённости от семьи у подростков из неформальных групп – большая доля ребят, которые, не находя поддержки дома, обращаются за помощью к учителям и священнослужителям. При этом реакцией на проблему у таких подростков является уход в Интернет, погружение в себя и свои мысли, употребление алкоголя. Подростки, не состоящие в группах, напротив, более открыты обществу: охотнее делятся с кем-то своей проблемой, готовы обратиться за помощью (табл. 7.10).

Таблица 7.10
 Ответы подростков на вопрос
 «Как поступаешь в трудной ситуации?», %

Варианты ответов	Подростки	
	Состоят в группе	Не состоят в группе
Ищу, с кем бы поговорить, облегчить душу	28	35
Ухожу в себя, рисую, слушаю музыку, стараюсь не общаться	38	24
Отвлекаюсь, ухожу в Интернет, в игру, смотрю кино, ТВ,	42	32
Предпочитаю отключиться с помощью алкоголя и т.п.	18	8
Сам ищу выход, обдумываю ситуацию,	46	43
Советуюсь с кем-нибудь, вместе ищем решение	34	45

Эти две группы подростков демонстрируют два различных способа адаптации к жизненным трудностям. Школьники, не объединённые в группировку, используют возможности среды, своего окружения. Напротив, объединённые в неформальную группу, подростки уже противопоставляют себя обществу, бросают ему вызов. Сталкиваясь с проблемами, они не стремятся использовать ресурсы общества себе во благо, а выбирают страте-

гию ухода, эскейпа. Утратив фактически внутреннюю связь с позитивно ориентированным коллективом, формирующимся на основе социально значимой деятельности, подросток стремится реализовать свою потребность самоутверждения в условиях пустого времяпрепровождения, в асоциальных формах поведения. Объединённые в компании, не занятые полезной деятельностью, подростки, как правило, начинают употреблять спиртные напитки и совершать противоправные действия. Употребление спиртного становится патологически необходимым атрибутом совместного времяпрепровождения, расширяется число поводов и мотивов пьянства.

Анализ видов совместного проведения досуга подростками показал, что состоящие в неформальных группировках школьники демонстрируют большую склонность к антиобщественному поведению. Подростки из этой группы отмечают, что, находясь в компании друзей, охотно распивают совместно спиртные напитки, курят сигареты, любят пугать и досаждают людям вокруг ради забавы. В актах совместного вандализма признались 23% (табл. 7.11).

Таблица 7.11
 Ответы подростков на вопрос
 «Как ты обычно проводишь время вместе с друзьями?», %

Способы проведения досуга	Подростки	
	Состоят в группе	Не состоят в группе
Идём на дискотеку, в клуб, бар	41	38
Просто гуляем по улице, в парке и т.п.	91,5	88
Пьём пиво и/или другие слабоалкогольные напитки	41	33
Пьём крепкие алкогольные напитки (водка, коньяк)	20	8
Курим сигареты	39	29
Курим кальян	29	16
Нюхаем табак	13	2
Крушим и ломаем все вокруг ради удовольствия	23	7

Совершаем кражи из магазина ради удовольствия	8	2
Играем в футбол, волейбол, хоккей и т.п.	38	45
Играем в компьютерные игры	65	50
Прикалываемся, пугаем и досаждаем людям вокруг ради удовольствия	37	25,5
Курим марихуану, употребляем гашиш	13	4
Употребляем другие наркотики (экстази, ЛСД, амфетамины и др.)	10	1

Таким образом, подростковая компания, в которой подросток проводит большую часть времени (при отсутствии, либо ослаблении семейного контроля) – генератор девиантного поведения, при этом главным девиантогенным фактором выступает отсутствие устойчивых продуктивных интересов. Выстраивается цепочка: влияние компании, друзей → отсутствие продуктивных занятий → девиантные формы поведения.

Причастность к неформальным группам оказалась связана с такими формами девиантного поведения, как воровство и кражи, совершение вандальных действий и драки, а также злоупотребление алкоголем и экспериментирование с наркотиками (табл. 7.12).

Таблица 7.12

Зависимость совершения подростками противоправных действий от участия в неформальных группах, %

Противоправные действия	Подростки	
	Состоят в группе	Не состоят в группе
«Стажил», украл когда-либо что-либо	40	20
Совершал кражу кошелька, сумочки, мобильного	22,5	3
Угонял велосипед, мопед, скутер	17	4,5
Совершал кражу из автомобиля	7	3
Участвовал в драках	62	46
Избивал с компанией одного человека	23	10
Совершал вандальные действия	58	27
Употреблял наркотики	22,5	9
Регулярное употребление алкоголя (несколько раз в неделю)	25	15
Был неоднократно сильно пьян	33	21

Итак, выпивки, дерзкие хулиганские выходки, воровство и пренебрежение нормами морали и права становится, по сути дела, референтно-значимой деятельностью для подростков, состоящих в различных неформальных группировках. Знакомство подростка с делинквентной («уличной») субкультурой, с людьми такими же отверженными, как он сам предоставляет человеку своего рода убежище от не понимающего его социального окружения. С другой стороны, совершение противоправных действий приводит к ещё большему увеличению дистанции в отношениях между подростком и социумом.

Развлекательные виды досуговой деятельности как фактор экстремального поведения

Досуговая деятельность – один из способов самовыражения молодёжи. Именно в проведении свободного времени молодые люди имеют возможность полностью выразить свою личность. Структура досуга зависит от целого ряда макро- и микроусловий: социально-экономического положения семьи, социальной инфраструктуры, уровня окружающей культурной среды, готовности личности включиться в неё, гибкости мотивационных ориентаций индивида. То, как молодые люди проводят свой досуг, во многом зависит от внедосуговых сфер – семейного статуса, образования, класса, гендера.

Сужение сферы общения между людьми, особенно среди подростков, под влиянием усложнения общественных отношений приводит к объединению скучающих несовершеннолетних. Здесь, как правило, пробуются новые типы поведения, новые социальные роли, приобретается новый опыт, а этот процесс значительно отличается в группе ровесников. Внутри таких групп вырабатываются специфические групповые нормы, ценности и способы поведения. Обычно между уровнем развития подростков и групповыми нормами имеется тесная взаимосвязь. Хотя

эти объединения складываются стихийно, их составляют подростки, близкие по уровню развития, запросам, интересам.

Сложившиеся в нашем обществе воспитательные аспекты досуга потеряли свою ценность, что привело к поискам неформальных способов реализации свободного времени. В его структуре стали преобладать репродуктивно-развлекательные виды деятельности. Тяготение к ним стало реальностью. Серьёзные занятия, требуемые для развития личности, вытесняются из свободного времени и рассматриваются как обременительные. Преобразовательные виды досуговой деятельности потеряли популярность. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что подростки из всех форм реализации свободного времени выбирают те, которые рассчитаны на бездумную развлекательность.

Социальное поведение неформальных групп отличается ориентацией на совместное проведение свободного времени, конформизм, демонстративность поведения, агрессивность. На первое место они ставят совместное общение, приверженность к тому или иному музыкальному направлению и т.п. Их отличает нетерпимость к любому инакомыслию, агрессивное отношение ко всему, что выходит за рамки собственных представлений (фашиствующие группы, скинхеды, новые революционеры, анархисты и т.п.). Концентрация внимания на каком-то одном виде деятельности (металлисты, рокеры, футбольные ультрас) может потребовать более эмоционального переживания для своего любимого занятия. Для этой цели служат различные психоактивные вещества. Данные наших исследований свидетельствуют о том, что наименьшей популярностью у молодёжи пользуются неформальные объединения, занятые какой-либо созидательной деятельностью: общественные клубы, движения

за охрану и восстановление культурно-исторических памятников истории и архитектуры, экологические группы.

Отсутствие эмоциональных связей с семьёй, эмоциональной поддержки домашних компенсируется «тусовкой». Если компании формируются главным образом на базе совместных развлечений, то человеческие контакты в них, будучи эмоционально значимыми, обычно остаются поверхностными.

Определённые виды деятельности в сфере досуга имеют разную направленность в различных группах молодёжи. Так, например, чтение в структуре свободного времени в группах с отрицательной направленностью личности занимает практически последнее место, не является развивающим, требующим сосредоточенности, умственного напряжения. Литературные произведения как источник информации о моральных ценностях используется нечасто. У подавляющего большинства опрошенных нет каких-либо индивидуальных увлечений. С одной стороны, структура занятий в свободное время у подростков, склонных к потреблению алкоголя и наркотиков, настолько сужена, что приводит к снижению возможности организационных форм социально-культурной инфраструктуры и, соответственно, традиционной профилактической работы, смысл которой часто заключается лишь в организации каких-либо занятий в свободное время. С другой стороны, отсутствие организованных форм проведения свободного времени для групп с негативной направленностью личности приводит к дальнейшей алкоголизации и наркотизации молодого поколения.

Для групп с негативной направленностью личности характерно возрастание ценности свободного времени. И поэтому досуг становится ведущей ценностью жизни. Однако эта ситуация имеет негативную сторону, так как увеличение свободного времени часто происходит в ущерб ценности учёбы.

Особую тревогу вызывает широкое распространение посещения Интернет-ресурсов в группе подростков, часто формируется Интернет-зависимость.

Таким образом, исследование выявило несколько типов проведения досуга школьников: развивающий, развлекательный, тормозящий и девиантный. Сочетание пассивного времяпрепровождения с развлекательным в большинстве своём давали самые высокие показатели тормозящего и девиантного досуга, характерные для представителей групп риска. Преобладают развлекательный и девиантный типы досугов.

Если основой формирования компаний являются совместные развлечения, то человеческие контакты в них, будучи эмоционально значимыми для подростка, обычно остаются поверхностными. По данным наших исследований, за последние годы изменилась мотивация формирования таких групп: раньше это были преимущественно группы общения, теперь основной мотив объединения таких ребят в «тусовки» – причастность к употреблению алкоголя и (или) наркотических веществ.

На вопрос: «На что бы Вы хотели увеличить своё свободное время?» был получен ответ «на развлечения». В то же время общим для всех групп учащихся является достаточное количество свободного времени, которое они могли бы потратить на развлечение. Его тратят на общение и развлечение в различных неформальных организациях (часто сформированных при участии подростков из других населённых пунктов).

Представляет интерес проведение свободного времени во всех группах с негативной направленностью (рис. 7.10). Полученные данные показали, что значительную часть в структуре свободного времени занимают различные виды девиантного поведения: употребление спиртных напитков и наркотиков, курение, кражи, вандализм, драки и т.д.

Рисунок 7.10. Ответы девидантных подростков на вопрос «Как Вы обычно проводите своё свободное время с друзьями?», %¹⁵

В последние годы достаточно распространение получили различные флэшмоб-технологии. К сожалению, они не столь безобидны, как может показаться на первый взгляд. Часто они имеют особую привлекательность для экстремистских и деструктивных организаций и движений. Следует отметить, что организация и проведение флэшмобов практически не подпадают под действие законодательства Российской Федерации. Их участникам можно предъявить лишь косвенные обвинения, связанные, в основном, с нарушением общественно порядка, а организаторы остаются вне поля административно-уголовной ответственности. Существует возможность перерастания рядовой акции в экстремистскую или протестную путём осуществления заранее спланированных

¹⁵ Сумма ответов превышает 100%, т.к. были возможны множественные ответы.

организационных мер и психологического воздействия на большое количество людей.

Целевая аудитория акций по флэшмоб-технологии – это молодёжь как наиболее активная часть населения, у которой система жизненных ценностей ещё не до конца сформировалась, им традиционно присущи определённый нигилизм, переоценка собственных возможностей и желание самовыражения. Этим при умелом манипулировании могут эффективно воспользоваться экстремисты и политтехнологи в противоправных целях.

Акции по флэшмоб-технологии, зачастую, могут выполнять «детонирующую» функцию: немногочисленные поначалу, они в короткий промежуток времени вовлекают в процесс посторонних людей – наблюдателей и прохожих, которые становятся сочувствующими.

Богатый опыт проведения акций по флэшмоб-технологии в России и за рубежом свидетельствует о том, что эта технология уже хорошо отработана и её следует считать одним из средств, которое может применяться при проведении мероприятий экстремистского характера [Методические рекомендации по профилактике..., 2011].

Как было уже сказано выше про экстремальный спорт, современный молодой человек нуждается в острых ощущениях, «эмоциональных допингах». Современная молодёжь сама создаёт экстремальность, спасаясь от рутинной повседневности в экстремальных видах спорта: прыжки с парашютом, полёты на аэропланах, скейтбординг, сноубординг, сэндбординг, рафтинг, кайтинг, паркур, бокинг и т.д. Нередко молодые люди, чьи интересы не сводятся к спортивным увлечениям, посещают ночные клубы, концерты, их привлекают ночь, риск, сильные эмоции, вызываемые музыкой, которая тоже стала экстремальной: брейккор, спидкор, грайндкор, дэткор, нойз и др. В настоящее время развиваются ночные вело- и мотокруизы; настольные игры, проводимые ночью в клу-

бах; ночные татуфесты и подвешивание. Подвешивание – уникальный ритуал, получивший широкое распространение среди представителей культуры модификаций тела. Это ритуал, испытание, форма игры с телом, обряд, во время которого человек висит на крюках, продетых через проколы (обычно временные) в его коже [Подвешивание на крюках, 2017 Подвешивание, 2010]. Считается, что подвешивание иногда кардинально меняет жизнь людей как в положительную сторону, так и в отрицательную. Сегодня самые разные люди решают подвеситься, чтобы воплотить свои цели – проверить себя, укрепить свой статус и самоутвердиться в глазах других, а также из жажды экстремальных ощущений. Некоторые, по примеру шаманов, используют подвешивание для достижения состояния медитации и выхода в транс. В конечном счёте, акт подвешивания чаще описывается как ощущение плавающей эйфории.

Несколько лет назад зарубежные учёные сообщили о том, что растёт популярность так называемых «игр в удушение». В клипах молодые люди душат сами себя, чтобы испытать состояния эйфории. Хотя эта игра существует уже несколько десятилетий (один из британских медицинских журналов писал о ней ещё в 1890 г.), эксперты обеспокоены ростом её популярности в Интернете. Видео на запрос «игра в удушение» (chockinggame) на сайте больше пяти тысяч, многие из них просмотрены более ста тысяч раз. Большинству героев клипов от 13 до 20 лет. Играми в удушении увлекаются и российские подростки. По данным ГУВД, более тысячи школьников Подмосковья зарегистрированы в группах в соцсетях, где обсуждаются наилучшие способы удушения [Ребров, 2015].

Иными словами, подобные опыты лишний раз демонстрируют склонность к рискогенному экстремальному поведению и поиску острых ощущений.

Если говорить о несовершеннолетних, то следует отметить и новые виды современного экстремального досуга: поездки на сцепках и крышах поездов, неформальные передвижения по высотным точкам, исследование искусственных подземных сооружений в познавательных либо развлекательных целях и т.д. В огромном количестве рискованных занятий, эксплуатируются, прежде всего, физический риск, факторы высоты и скорости. Для получения ощущения риска используются мото- и автотехника, парaplаны. Каждый вид рискованного поведения имеет свой набор опасных факторов. Есть и общие единые психологические механизмы, лежащие в основе опасных занятий и, соответственно, экстремального поведения: личностная нестабильность, противоречивость поведения, стремление отстаивать своё право на индивидуальность и уникальность «не быть ни на кого похожим» и «быть как все».

Виды современного экстремального досуга несовершеннолетних весьма разнообразны.

Зацепинг (трейнсерфинг) – относительно новое экстремальное увлечение несовершеннолетних, пришедшее с Запада, которое сегодня превратилось в серьёзную проблему для железной дороги. Зацеперы цепляются снаружи за выступающие части поездов (различные поручни, лестницы, подножки и другие конструктивные элементы вагона или локомотива), устраиваются на сцепках между вагонами или даже забираются на крышу, и, таким образом, проезжают несколько станций, причём стараются разместиться в максимально опасном для жизни месте. За год на железных дорогах страны гибнет несколько сотен подростков. Очень много видео с такими кадрами было снято по всему миру, в том числе и в России. В большинстве случаев, по данным различных источников в 70–80%, это увлечение заканчивается летальным исходом или нанесением серьёзного вреда здоровью, инва-

лидностью молодых людей и подростков. Однако наблюдается такая особенность: даже увиденная подростком трагичная ситуация не всегда останавливает его стремление продолжить своё увлечение трейсерфингом, а попытки пресечения правоохранными органами такого поведения, чаще всего только стимулируют экстремалов быть более изобретательными. По мнению ряда трейнсерферов, навык проезда снаружи поездов способствует развитию общей физической и ментальной подготовки и может сыграть роль при спасении в экстренной ситуации.

Существует несколько видов зацепинга.

– Прозефинг – когда человек пролезает через некую резиновую основу внутрь самого вагона.

– Бегобинг – это когда зацеперу нужно очень срочно отдалиться от самого вагона, так как где-то рядом его пытаются поймать правоохранные органы.

– Прохамминг – когда кого-то нужно унижить, за счёт того, чтобы спокойно сделать сам зацеп.

– Иделпассажир – такой пассажир, который идёт против всей идейности «зацеперов».

– Руфрафийдинг – классификация самого зацепинга, зацеп производится на крышу электрички.

– Руфхайтинг – то место, на котором держатся «зацеперы» на крыше вагона.

В результате мониторинга социальных сетей в интернете можно отметить, что зацепинг обычно рассматривается практикующими его пассажирами либо как экстремальное развлечение, либо как свободный способ езды при поездке на поезде куда-либо, обладающий, по их мнению, рядом преимуществ по сравнению с ездой в вагоне:

– получение удовольствия от скорости и процесса езды;

- расширенный обзор окружающей местности;
- возможность проехать с относительным комфортом при переполненности вагона;
- возможность сэкономить на оплате проезда;
- возможность осуществлять посадку и высадку на ходу поезда при движении с небольшой скоростью, что позволяет успеть на отправляющийся поезд или покинуть его до полной остановки;
- возможность осуществлять проезд на поезде, не осуществляющем перевозку пассажиров (на товарном, почтовом или служебном поезде, одиночном локомотиве, пассажирском поезде, совершающем служебный рейс и т.д.).

Полицейские регулярно проводят рейды на станциях, но зацепинг становится только популярнее. Нарушителю грозит лишь небольшой штраф – всего сто рублей. Многие воспринимают это как плату за экстремальный способ проезда. Так, только за 2012 г. на территории Московского транспортного узла травмировано 12 несовершеннолетних москвичей и 29 подростков – жителей Московской области, со смертельным исходом: 7 жителей Москвы и 22 – Московской области [Зацеперы, руферы, диггеры, 2013].

Руфинг (от англ. roof – крыша) – передвижение по высотным точкам зданий. Несовершеннолетние становятся руферами по разным причинам: интерес к панораме верхнего обзора, возможность отдохнуть от суеты, чувство свободы и прочее, этот вид экстрима руферы считают самым романтичным.

Бейскламберы (от англ. clamber – карабкаться, цепляться, взбираться, трудный подъем) поднимаются на вышки без страховки, при том, чем выше они забираются, тем больше получают адреналина. Зброшенная вышка в Электростали высотой 215 метров считается самой культовой. Одни ищут вверху адреналин, другие – избавление

от страха высоты, третьи – романтическую панораму сверху.

Не меньшая опасность угрожает бейсджамперам (от англ. jump – прыгать). Они прыгают с высоты со специальным парашютом.

Среди подростков популярен паркур. Его фанаты используют такие основные факторы, как сила и её правильное приложение. Используя своё тело, по их мнению, надо уметь как можно быстрее оказаться в определённом месте. При этом они руководствуются принципом «нет границ, есть лишь препятствия, которые можно преодолеть». Один парень написал на форуме: «Если я умру за паркур, то буду знать – прожил жизнь не зря, не умер за креслом компа, а погиб в полёте».

Диггерство (от англ. digger – копатель) – исследование искусственных подземных сооружений в познавательных либо развлекательных целях. Очень часто диггерство сопряжено с разного рода опасностями, поэтому оно считается увлечением в основном мужской части несовершеннолетних, однако девушки тоже нередкие гости подземелий. Диггеры интересуются практически все подземные сооружения – бомбоубежища (как заброшенные, так и функционирующие), подвалы, подземные реки и коммуникации, старые шахты, тоннели метро и метрострой. Особый интерес диггеры проявляют к старинным сооружениям и их устройству, хотя проникновение на такие закрытые объекты преследуется по закону.

Среди столичной молодёжи насчитывается множество поклонников индустриального туризма, так называемых сталкеров (от англ. stalker – упорный исследователь, охотник, ловчий). Это любители подвергать себя огромному риску в различных подземельях, заброшенных бомбоубежищах и других опасных местах, заброшенных заводах.

Хакинг можно рассматривать как специфическую субкультуру. Он влечёт за собой деструктивные асоциальные действия: запуск вируса, пользование чужим номером кредитной карты или телефона). Подростки занимаются хакингом, потому что, во-первых, им это интересно (познавательная мотивация), во-вторых, у них тем самым повышается статус и появляется виртуальная аффилиативная потребность – потребность в своеобразном братстве (социальный мотив). Мобильномания плюс пранкнёрство – досуг современных подростков. Мобильный телефон в руках подростков – игрушка, забава на уроках; средство престижа. Это первая проблема. Вторая – частые хищения этого средства связи. Пранкнёрство как «досуговый» процесс лиц, не достигших совершеннолетия, направлен на пожилых, престарелых людей. Опять же при помощи мобильного телефона подростки издеваются над лицами пенсионного возраста, зачастую провоцируя их на ругательства, крики... в адрес этих несовершеннолетних «пранкнёров». Таким образом, досуг несовершеннолетних в современной России специфичен и носит больше криминальный характер [Пятницкая, Шаталов, 2011].

Тяга к опасному» или склонность к экстремальному поведению также реализуется в различных формах молодёжных и подростковых сообществ и не обязательно имеет криминальный оттенок. Фактически субкультурными образованиями стали группы, объединяемые интересом к экстремальным видам спорта. Некоторые сообщества сформировали довольно развитую идеологию на перекрёстке актуальных общественных проблем и практику испытания волевых качеств личности в экстремальных условиях. Примеры таких субкультур – диггеры, скейтеры, хакеры.

Другим негативным фактором для подростков – носителей субкультур – может стать эскапизм – склонность

к уходу в романтизированный мир компьютерных или ролевых игр, «бегство» в воображаемые миры вместо налаживания продуктивных и комфортных отношений с реальностью. Романтика – прагматизм.

Ещё одна опасность – фанатичное поведение – вовлеченность в деструктивный культ, сверхсильная увлечённость каким-либо видом спорта или музыкальным направлением. Если увлечённость спортом или музыкальным направлением скорее является индикатором, указывающим на проблемы в общении и внутриличностные конфликты и даже может способствовать их разрешению, то деструктивные культы и религиозные секты угрожают личностной целостности, душевному и физическому здоровью человека, его свободе воли. Вызывать беспокойство родителей должно и вовлечение подростка в криминальные субкультуры и экстремистские организации.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

МОЛОДЁЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Глава 8

Межнациональные конфликты и протестные настроения в молодёжной среде полиэтничного региона

В этом разделе настоящей монографии мы представляем некоторые результаты исследований, проведённых научным коллективом Кубанского государственного университета в рамках реализации гранта РФ «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном регионе: прогнозирование и профилактика» в 2015–2016 гг. Краснодарский край, в котором проводилось исследование, представляет собой «идеальную модель» полиэтничного российского социума (в крае проживают представители свыше 120 национальностей и более 30 религиозных конфессий [Официальная статистика..., 2016]) и является приграничным регионом с высокой интенсивностью миграционных потоков. Соответственно, мы полагаем, что основные результаты могут быть экстраполированы (с определёнными корректировками) на ситуацию в российском обществе в целом.

Исследование 2016 г. было направлено на изучение распространённости различных экстремистских идей и идеологем в молодёжной среде, выявление некоторых значимых характеристик молодёжи региона с точки зрения рисков межэтнической и межконфессиональной конфликтности.

Количество, возрастные характеристики и вид занятости респондентов 2016 г. в целом соответствуют исследованию 2015 г. (2467 и 2658 респондентов соответственно). Количественное исследование 2016 г. выпол-

нено методом стандартизированного интервью с охватом 2467 человек (1234 – юноши и 1233 девушки) из 20-ти муниципальных образований Краснодарского края, отобранных с учётом этноконфессионального состава населения.

В настоящем разделе выборочно представлены результаты анализа ответов респондентов на некоторые, наиболее интересные с нашей точки зрения вопросы интервью.

Интернет и социальные сети как фактор экстремизации молодёжного сознания

Поскольку ключевой темой исследования является изучение проблематики экстремизма, в том числе национального, в молодёжной среде, посмотрим на социальные сети в данной плоскости. Респондентам был задан следующий вопрос: *«Какие Вы могли бы назвать группы в социальных сетях или сайты, в которых на Ваш взгляд интересно и правдиво обсуждаются следующие темы».*

Первой упоминалась тема межнациональных отношений. Назвать такие сообщества смогли 144 респондента (5,8%). При условии, что такие ресурсы не всегда несут социально ориентированную информацию, а порой и напрямую – антигосударственную, экстремистскую, то, экстраполируя на генеральную совокупность, можно предположить, что, например, на Кубани через «сети» вербовщиков экстремистского и националистического толка могут предположительно «проходить» до 5–6% молодёжи, которые доверяют интернет-ресурсам в области национальных взаимоотношений. А это порядка 25 тысяч молодых жителей региона. Конечно, не все они там задерживаются, к тому же деятельность многих таких ресурсов оперативно пресекают правоохранительные орга-

ны. Однако данная тенденция говорит о необходимости планомерной работы как минимум в двух направлениях:

– продолжение системного мониторинга интернет сетей в целях выявления и пресечения деятельности запрещенных ресурсов с расширением объема проводимой работы;

– формирование у молодёжи устойчивого иммунитета к таким видам ресурсов, понимания их противоправности и критичности восприятия представляемой этими ресурсами информации.

Анализ свободных ответов подтверждает, что наряду с внешне корректными сообществами (Дружба народов, Мир, международная дружба и др.) присутствуют и деструктивные даже по своему названию: «Ельцин был скином», «Одна нация», «Чёрное братство», «Нацизм». То, что молодые люди сами называли эти группы, означает, что они их посещают, используют в качестве источника информации и формирования своего отношения к национальным проблемам.

Интернет-ресурсы, в которых правдиво и интересно обсуждаются межнациональные отношения (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Австралийский художник</i>	<i>2 ch</i>
<i>Дружба народов</i>	<i>4 ch</i>
<i>Обнуляй</i>	<i>4 CH</i>
<i>Сопrotивление "Вконтакте"</i>	<i>4 Ch, OOM</i>
<i>X3 Вице</i>	<i>4 chan</i>
<i>Югополис</i>	<i>FTP</i>
<i>"BMCM"</i>	<i>hch, VVCF, The rise</i>
<i>"Единство"</i>	<i>History, много других</i>
<i>"Когнитивный диссонанс"</i>	<i>ilita, 4 ch</i>
<i>1 канал</i>	<i>Instagram</i>
<i>mail.ru</i>	<i>Брат Ормян</i>
<i>MDK</i>	<i>Вечер с Владимиром Соловьевым</i>
<i>Rarkul</i>	<i>Вк</i>
<i>twitter</i>	<i>ВК</i>

<i>Twitter</i>	<i>ВК, Инстаграмм</i>
<i>VK</i>	<i>ВК: Теория эпит</i>
<i>Wikileaks</i>	<i>Вконтакте (24 человека)</i>
<i>Youtube, Вк</i>	<i>ВКонтакте</i>
<i>Австрийский художник</i>	<i>Дружба народов</i>
<i>Армия-сила</i>	<i>Брат Ормян</i>
<i>Ельцин был скином</i>	<i>МДК</i>
<i>ЕП</i>	<i>Международная дружба</i>
<i>Западный путь</i>	<i>Мир</i>
<i>(сообщество Вконтакте)</i>	<i>Мира во всём мире</i>
<i>Конфликтологи</i>	<i>Нацизм</i>
<i>МДК</i>	<i>Новости (5 человек)</i>
<i>МДК, 2 ch, РС</i>	<i>Я русский</i>
<i>Маил.ру, Новости</i>	<i>Новости России</i>
<i>МГИМО</i>	<i>Руске на движениях</i>
<i>Новостные сайты</i>	<i>Сайт с новостями есть такой</i>
<i>(первый канал)</i>	<i>СМИ в ВКонтакте</i>
<i>Одна нация</i>	<i>Страна и ты</i>
<i>Одноклассники</i>	<i>Твиттер</i>
<i>ООН</i>	<i>Фейсбук</i>
<i>Планеты</i>	<i>Фейсбук, ВКонтакте</i>
<i>Политика без купюр</i>	<i>Футбол</i>
<i>Пошлое +10</i>	<i>ЧЕ</i>
<i>Программы В.В. Соловьева</i>	<i>Чёрное братство</i>
<i>Развитие международного со-</i>	<i>Яндекс.ру</i>
<i>трудничества.</i>	
<i>Рамка Федерамка</i>	
<i>Это Россия</i>	

Назвать ресурсы, где интересно обсуждают религию, смогли (или захотели) 4,1% респондентов.

Интернет-ресурсы, где правдиво обсуждают религию (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>2 ch</i>	<i>4ch,MDK</i>
<i>4chan</i>	<i>ch</i>
<i>Лентач</i>	<i>FTP</i>
<i>Одноклассники</i>	<i>Google, Вк</i>
<i>Регилии</i>	<i>mail.ru</i>

<i>Я Есть Грут</i>	<i>Sabr</i>
<i>"Дневник мыслей"</i>	<i>twitter</i>
<i>"Когнитивный диссонанс", LARIN</i>	<i>WWW.BOGANET.NET</i>
<i>4 ch</i>	<i>www.MDK.com</i>
<i>4ch</i>	<i>Аллаху Акбар</i>
<i>Аметист</i>	<i>ВК</i>
<i>Асалам, Религия мира и Добра, другие</i>	<i>Вконтакте</i>
<i>Атеист</i>	<i>ВКонтакте</i>
<i>Атеистка</i>	<i>Злой психолог</i>
<i>Бог накажет</i>	<i>Индульгенция</i>
<i>Бог с тобой</i>	<i>Исход Адлер</i>
<i>Качки+18, мотокросс, каспийский груз</i>	<i>Бред безумных</i>
<i>Вера</i>	<i>Культура ислама</i>
<i>Верую Православие</i>	<i>Люди</i>
<i>Вк</i>	<i>Маил.ру, Новости</i>
<i>МДК</i>	<i>Православие (ВКонтакте)</i>
<i>Монархическая Россия (сообщество</i>	<i>Расскажи мне об Исламе</i>
<i>Вконтакте)</i>	<i>Религия</i>
<i>Мусульмане</i>	<i>Сопrotивление "Вконтакте"</i>
<i>Не верю в Бога</i>	<i>Спас TV</i>
<i>Нетипичный Кавказ</i>	<i>Новости</i>
<i>Циник, N2T, шредингер шутит</i>	<i>Я верю</i>
<i>(Вконтакте)</i>	<i>Одноклассники</i>
<i>Новости</i>	
<i>Православие Кубанского казачества</i>	
<i>Правда о религии</i>	

Сходная ситуация и с обсуждением политических вопросов. Лишь 5,4% респондентов назвали ресурсы такого рода.

Интернет-ресурсы, где правдиво и интересно обсуждают политику (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>"Угарная Политика"</i>	<i>4 ch</i>
<i>Новости</i>	<i>4 chan</i>
<i>Риа. ру</i>	<i>4ch, MDK</i>
<i>Ростов</i>	<i>Bussia.ru</i>
<i>Сопrotивление "Вконтакте"</i>	<i>Ch</i>
<i>"Когнитивный диссонанс"</i>	<i>Cjuntryballs</i>

<i>"Лидер"</i>	<i>Cunbers</i>
<i>"Политика сегодня"</i>	<i>Cur Bers</i>
<i>1tv.ru</i>	<i>FTP</i>
<i>2ch.hk</i>	<i>Google, Вк</i>
<i>Henk Tema</i>	<i>Вк</i>
<i>mr.freemosp</i>	<i>ВК</i>
<i>Politrussia</i>	<i>Вконтакте</i>
<i>Ria- новости, Russia Tudey, LifeNews</i>	<i>ВКонтакте</i>
<i>twitter</i>	<i>ВКонтакте группа "Россия"</i>
<i>Wikileaks</i>	<i>Владимир Владимирович</i>
<i>Youtube</i>	<i>Генетическая политика</i>
<i>Атеистка!</i>	<i>Город</i>
<i>Бэла Геленджик</i>	<i>Диванные войска</i>
<i>В. В. Путин. Мы – за Путина!</i>	<i>Диванный аналитик</i>
<i>Жириновский</i>	<i>МГИМО</i>
<i>Загнивающий запад</i>	<i>МДК</i>
<i>(ВКонтакте)</i>	<i>Мейл. ру, ру. новости</i>
<i>Западный путь</i>	<i>МИД России</i>
<i>Инстаграм</i>	<i>Мурзилка (Вконтакте)</i>
<i>Крсный рассол</i>	<i>Новости</i>
<i>Лайф ньюс</i>	<i>Новости</i>
<i>Легион</i>	<i>Новости мира</i>
<i>Лентач</i>	<i>Новости.</i>
<i>Лепра</i>	<i>Нынешняя Россия</i>
<i>Маил.ру Новости</i>	<i>Путин ван лав</i>
<i>Обнуляй</i>	<i>Разные источники и делаю свой вывод. РБК</i>
<i>Первый канал</i>	<i>Риа новости.</i>
<i>Полезно знать</i>	<i>Риа-новость, Евроньюс, Россия 24</i>
<i>Политновости</i>	<i>Россия 1</i>
<i>Политика без купюр</i>	<i>Россия 1, 24, культура</i>
<i>политика дня</i>	<i>Россия: политика, экономика, культура</i>
<i>Политика России</i>	<i>Рука Кремля</i>
<i>Политические отношения</i>	<i>Сатира без позитива</i>
<i>Политкач, Вежливые люди</i>	<i>СМИ в ВКонтакте</i>
<i>Право выбора за тобой</i>	<i>УПРК</i>
<i>Твитер</i>	<i>Эконом класс</i>
<i>твиттер</i>	<i>Я – Гражданин России</i>
<i>Твиттер</i>	

Во всех случаях свободные ответы и перечисленные в них интернет-ресурсы требуют детальной проверки на предмет соответствия их деятельности закону. Такие краткие, но массовые оперативные опросы молодёжи, предполагающие свободные варианты ответов на 1–2 целевых вопроса с целью выявления деструктивных интернет-сообществ, должны войти в практику при формировании политики противодействия национализму и экстремизму в любом регионе.

Вместе с тем, анализ свободных ответов показывает, что молодёжь, помимо специализированных групп в социальных сетях, ориентирована в получении достоверной информации по вопросам межнациональных отношений, религии и политики в целом на эти же социальные сети. Так из 108 свободных ответов, представленных на вопрос о наличии групп в социальных сетях по вопросу межнациональных отношений, практически половина – 45 или 41,6% – это ссылки на различные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Инстаграмм и др.). Абсолютное лидерство здесь занимает сеть ВКонтакте – 33 из 45 (73,3%) всех указаний на социальные сети.

Можно видеть, что в отношении религии акцент смещается на узкоспециализированные группы. Их представлено 30 из 62 или 48,4% из числа свободных ответов. При этом сеть ВКонтакте также лидирует в своем сегменте – 5 из 8 ссылок на социальные сети или 62,5%. Аналогично обстоит дело и в свободных ответах по поводу политических ресурсов. Из 50 приведённых, 14 (28%) можно отнести к тематическим группам, 12 (24%) к социальным сетям в целом, среди которых так же лидирует группа ВКонтакте (10 или 83,3%).

Таким образом, анализ свободных ответов даёт основания полагать, что фактически основным источником

достоверной в понимании молодёжи информации по вопросам межнациональных отношений, религии и политики для анализируемой социально-демографической группы являются в целом социальные сети и наиболее значимая – сеть ВКонтакте.

Данное положение дел подтверждает и ответ на соответствующий вопрос: лишь 11,5% респондентов выбрали вариант «Я не пользуюсь социальными сетями». Пользуются социальными сетями 88,5% респондентов. Опасность здесь состоит в том, что информация, распространяемая в социальных сетях, не поддаётся эффективному контролю с точки зрения соответствия действующему российскому законодательству и поэтому взаимодействие государственных органов с данным сектором информационного пространства требует особой системной проработки и организации, в том числе и с точки зрения пресечения деятельности деструктивно настроенных групп и создания альтернативных интересных для молодёжи сообществ и групп по принципу «равный равному» и «я вам доверяю».

Отдельный вопрос в открытой форме задавался респондентам относительно предпочитаемых телепередач и интернет-сайтов, посвящённых политическим проблемам.

В свободных ответах преобладают телевизионные новостные и аналитические передачи, а в сети Интернет – новостные, поисковые порталы и социальные сети (в первую очередь – ВКонтакте).

Популярные телепередачи, посвящённые политическим проблемам:

<i>Время покажет. Итоги дня.</i> <i>Сегодня</i>	<i>Время покажет и др.</i>	<i>1 канал</i>
<i>Передача Соловьёва "Воскресный вечер"</i> <i>1 Канал, РЕН ТВ, НТВ</i>	<i>Время покажет</i> <i>Круглые столы</i>	<i>1 Канал</i> <i>ТВ 24</i>

<i>Время покажет, Вечер с Владимиром Соловьёвым</i>	<i>На первом канале</i>	<i>Дебаты</i>
<i>Вечер с Владимиром Соловьёвым</i>	<i>Новости Вести и т.д.</i>	<i>Дождь</i>
<i>Военная тайна</i>	<i>Новости канал</i>	<i>Новости</i>
<i>Первый канал</i>	<i>Новости на первом</i>	<i>Однако</i>
<i>Первый канал</i>	<i>Новости на первом</i>	<i>Россия 24</i>
<i>"Говорим и показываем"</i>	<i>Новости на России</i>	<i>Новости</i>
<i>"Наедине со всеми"</i>	<i>Новости Первый Канал</i>	<i>Новости</i>
<i>с Познером</i>		
<i>Военная тайна</i>	<i>Новости, Военная тайна</i>	<i>Новости 24</i>
<i>1 канал, Россия 1</i>	<i>Новости, один на один</i>	<i>1канал</i>
<i>1 канал, Россия, Россия 24, НТВ</i>	<i>Новости, Право голоса</i>	<i>MDN</i>
<i>Вести недели, поединок</i>	<i>Новости, Россия 24</i>	<i>Вести</i>
<i>Вести, время покажет</i>	<i>Первый канал</i>	<i>Вести 24</i>
<i>Вести, Россия 1, 1 канал</i>	<i>Первый канал, Россия 2</i>	<i>1 канал</i>
<i>Время покажет,</i>	<i>Специальный корреспондент</i>	<i>Новости</i>
<i>право голоса</i>		
<i>Время покажет</i>	<i>Прав!Да? Открытая студия</i>	<i>Вести</i>
<i>Вести.dos, всё с Соловьёвым</i>	<i>Россия, 1, 24, культура, Рен. TV</i>	<i>Время</i>
<i>Вечер с В. Соловьёвым</i>	<i>Проблемы в Сирии</i>	<i>Теракты</i>
<i>Вечер с Владимиром Соловьёвым</i>	<i>Россия 1 и Россия 2</i>	<i>РенТВ</i>
<i>Вечер с Соловьёвым</i>	<i>Россия 1, 1 канал</i>	<i>Россия НТВ</i>
<i>Воскресный вечер с Владимиров Соловьёвым</i>	<i>Человек и Закон</i>	<i>Политика</i>
<i>Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым</i>	<i>Россия новости</i>	<i>Прямой эфир</i>
<i>Территория заблуждений с Игорем Прокопенко</i>	<i>Человек и закон</i>	<i>Пусть говорят</i>

Популярные интернет-ресурсы, посвящённые политическим проблемам:

<i>4 chan</i>	<i>Мейл. ру, ру. новости</i>	<i>ВКонтакте, твиттере</i>
<i>ФБ, ВК</i>	<i>Мурзилка</i>	<i>Воскресные новости</i>
<i>«Политика»</i>	<i>Население, Украина</i>	<i>Гугл</i>

<i>4 chan</i>	<i>Неважно</i>	<i>Лентач</i>
<i>Life News</i>	<i>РИА Новости</i>	<i>Вк</i>
<i>VK</i>	<i>РИА, ТАСС, RT</i>	<i>ВК</i>
<i>В группах Вк</i>	<i>Россия 24</i>	<i>Вконтакте</i>
<i>Твиттер</i>	<i>Случайные новости в группах</i>	<i>ВКонтакте</i>
<i>Подвал</i>	<i>Газета.ру</i>	<i>Макс портал, Вести</i>
<i>Anews</i>	<i>Группа Первого канала в ВКонтакте</i>	<i>МДК</i>
<i>Flipbroad</i>	<i>Группы в ВК</i>	<i>Новости</i>
<i>lenta</i>	<i>Гугл</i>	<i>Новости.ру</i>
<i>Lenta</i>	<i>Из групп в соц сетях и полезных сайтов</i>	<i>Новостной час</i>
<i>Lenta.ru</i>	<i>Кавказ, Иран</i>	<i>Новостные сайты</i>
<i>Mail.ru</i>	<i>Лента.ру, Аргументы и факты</i>	<i>Новостные сайты газет</i>
<i>PolitRussia</i>	<i>Официальные сайты правительства</i>	<i>Отрыжка</i>
<i>Rambler.ru</i>	<i>Ложь Путинского режима</i>	<i>Лентач</i>
<i>RSUTE, Google News</i>	<i>Любые новости</i>	<i>Первый канал. Россия 2</i>
<i>Rusto day</i>	<i>Просто интернет, новости (Яндекс)</i>	<i>Майл.ру</i>
<i>В контакте, гугл, яндекс</i>	<i>Майл.ру</i>	<i>Разных и многих</i>
<i>Вк, Яндекс</i>	<i>Риановости</i>	<i>Риа Новости</i>
<i>Вконтакте</i>	<i>Сайт первого канала</i>	<i>Риа новости, РТ ново- сти</i>
<i>Яндекс.Новости, Риа.Новости</i>	<i>Сайтов новостей</i>	<i>РИА, ТАСС, RT</i>
<i>Яндекс-новости</i>	<i>Твиттер, Телеканал Дождь</i>	<i>Яндекс.ру</i>

Можно заметить, что, хотя основная часть телевизионных и интернет ресурсов, откуда молодёжь черпает информацию о политике, относятся к проправительственным, среди них упоминаются и оппозиционные СМИ, часто выступающие носителями антигосударственных идей. Оппонирование этим идеям – важнейшая задача информационной работы с молодёжью.

Политические идеологемы

В 2016 г. в исследование был введён новый блок вопросов, позволяющий определить уровень поддержки молодёжью некоторых политических идеологем, муссируемых в информационном пространстве и связанных с «болевыми точками» нашей истории и современности как в общероссийском, так и в региональном аспектах, часто используемых идеологами экстремистского толка.

Молодым людям было предложено выразить своё отношение к 9 парным противоположным высказываниям, затрагивающим вопросы исторически сложившихся конфликтных ситуаций, например, Кавказская война, вопросы внешней и внутренней политики России, националистические настроения и др.

Опрошенные подростки и молодые люди выражали согласие со следующими противоположными утверждениями по 10-бальной шкале (где «1» означает – совершенно не согласен, а «10» означает – полностью согласен). Результаты показали нам заслуживающими внимания.

Кавказская война. Первой для оценки была предложена идеологема, связанная с темой Кавказской войны и необходимостью «признания исторической вины России перед кавказскими народами» (табл. 8.1). Эта идеологема популярна в оппозиционных интернет-СМИ, делающих ставку на возбуждение радикальных настроений в среде адыго-черкесской молодёжи.

Распределение ответов внушает осторожный оптимизм: молодёжная аудитория в целом не поддерживает идею политизации событий Кавказской войны. Более трети респондентов (38,3%) выразили максимальное согласие с утверждением *«Трагедия Кавказской войны – дело прошлое и не должно влиять на сегодняшние отношения братских народов русских и кавказцев»* ответили положительно (10-е значение по шкале). С учётом общего

процента согласившихся с этим утверждением (по шкале от 6 до 10 включительно), 60,1% опрошенных не считают, что прошлые исторические события влияют на взаимоотношения кавказских народов с русским. С учётом того, что в опросе приняло участие значительное число представителей кавказских народов, данный показатель видится вполне оптимистичным.

Таблица 8.1
Отношение к попыткам
идеологизации трагедии Кавказской войны

Шкала от 1 до 10	«Трагедия Кавказской войны – дело прошлое и не должно влиять на сегодняшние отношения братских народов русских и кавказцев»		«Трагедия Кавказской войны – сохраняет свою актуальность и сегодня, русские несут историческую вину перед кавказцами»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	220	8,9	877	35,5
2	61	2,5	143	5,8
3	101	4,1	233	9,4
4	104	4,2	190	7,7
5	496	20,1	549	22,3
6	107	4,3	131	5,3
7	127	5,1	75	3,0
8	162	6,6	66	2,7
9	144	5,8	36	1,5
10	945	38,3	167	6,8
Итого	2467	100,0	2467	100,0

В то же время, пятая часть респондентов (19,7% – по шкале от 1 до 4 включительно) считает, что трагедия Кавказской войны влияет на взаимоотношения между народами. Это – тот рекрутский потенциал для всяческого рода экстремистских организаций, делающих ставку на искажённую трактовку исторических событий в угоду своим интересам. Для работы с этой аудиторией важным видится обеспечение объективного представления исто-

рических событий, в том числе Кавказской войны, через все доступные коммуникации для смещения вектора с обвинения на вектор понимания исторических событий. Данное статистическое распределение говорит и о высоком уровне латентности конфликта между русскими и кавказцами на почве исторических событий.

Особого внимания заслуживает ещё одна пятая часть подростков и молодёжи (20,1%), которые отметили по шкале среднее значение – «5». Эта значительная группа, которая при определённых усилиях может изменить свои оценки, как на положительные, так и на отрицательные и стать либо рекрутами экстремистски настроенных сил, либо поддержать идею национальной терпимости и уважения к другим народам. Все зависит от того, какие идеи и насколько умело будут предложены этой категории молодёжи. Именно для этой категории необходимо в первую очередь проводить информационно-просветительскую работу по вопросам национальной терпимости и уважения к представителям других национальностей.

Вполне согласуются со сделанными выводами и ответы на противоположное утверждение: *«Трагедия Кавказской войны – сохраняет свою актуальность и сегодня, русские несут историческую вину перед кавказцами»*. Большинство опрошенных не видит политической актуальности в событиях Кавказской войны – 58,4% (по шкале значения от 1 до 4 включительно). При этом почти для каждого пятого – очевидна ответственность русского народа за события Кавказской войны (19,3% ответов по шкале от 6 до 10 включительно). Так же, как и в предыдущем случае, велик сегмент неопределившихся – 22,3% (значение 5 по шкале). Можно видеть, что база возможной социальной поддержки деструктивных интерпретаций событий Кавказской войны составляет порядка 20%

молодёжи. Это достаточно тревожный показатель, заслуживающий внимания.

Возникает интересный вопрос по поводу того, что молодые люди понимают под «трагедией Кавказской войны»? Ответ на него помог бы более точно определить потенциал одного из главных факторов формирования конфликтов между русскими и кавказцами – спекуляциях на теме Кавказской войны. Такие ответы мы надеемся получить в дальнейших исследованиях проблемы.

Рассмотрим следующую пару утверждений.

События на Украине. Следующая пара высказываний была посвящена событиям последних лет на Украине и в Крыму, поддержке Россией Юго-Востока Украины и воссоединению Крыма с Россией (табл. 8.2).

Абсолютное большинство опрошенных молодых людей не согласилось с тем, что Россия напрасно вмешалась в события на Украине, поддержав Донбасс и вернув Крым (43,3% выбрали значение 1 шкалы). С учётом суммы значений шкалы от 1 до 4 включительно количество поддерживающих политику России составило 61,1%. Не согласных с политикой России и согласных с данным утверждением 16,3% молодёжи. Количество неопределившихся – 18,6% (значение 5 шкалы).

Из данных табл. 8.2 наглядно видно, что абсолютное большинство опрошенных поддерживает политику России во взаимоотношениях с Украиной и воссоединение с Крымом – 61,1% в первом случае (ответы по шкале от 1 до 4 включительно) и 66,1% – во втором случае (ответы по шкале от 6 до 10 включительно).

В обоих случаях отмечается стабильно высокий процент однозначно положительно оценивающих действия России – 43,3% по значениям 1 и 10 шкал первого и второго утверждения соответственно, и не определившихся – значение 5 шкал (18,6 и 18,0% соответственно).

Таблица 8.2
Отношение к ситуации на Украине

Шкала от 1 до 10	«Россия напрасно вмешалась в события на Украине, поддержав Донбасс и присоединив Крым»		«Россия правильно сделала, что вмешалась в события на Украине, поддержав Донбасс и присоединив Крым»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	1067	43,3	182	7,4
2	165	6,7	51	2,1
3	167	6,8	84	3,4
4	105	4,3	79	3,2
5	459	18,6	443	18,0
6	100	4,1	110	4,5
7	70	2,8	118	4,8
8	68	2,8	168	6,8
9	38	1,5	165	6,7
10	228	9,2	1067	43,3
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Как было сказано ранее, неопределившаяся часть молодёжи требует особого к себе внимания, в том числе и с точки зрения формирования отношения к действиям России во внешней политике.

Приоритеты государственной политики. О наличии значительной «пограничной» категории опрошенных говорит и распределение ответов на следующую пару утверждений, посвящённую одной из популярных либерально-оппозиционных идеологием.

Распределения выборов по этой паре высказываний показывают несколько более тревожную картину, свидетельствующую, что либерально-потребительские настроения достаточной популярны в молодёжной среде (табл. 8.3).

Во-первых, несколько больше процент «сомневающихся» – 22,7%. Каждый третий (29,6% выбравших значение 10 по шкале) считает, что благополучие граждан,

это более важно, чем международный престиж, независимая политика или военная сила. Это – потенциальная социальная база поддержки протестных настроений в молодёжной среде, связанных с проблемой снижения уровня благополучия населения. Доля уверенно несогласных с этим утверждением (сумма значений по шкале от 1 до 4 включительно) в два раза меньше – 15%. Ответы относительно противоположной, государственнической точки зрения подтверждают предыдущие выводы. Отдают приоритет задачам укрепления государственного могущества и международного престижа однозначно – 12,7% (значение 10 шкалы) и в целом 33,7% (значения шкалы с 6 до 10 включительно). Не поддерживают – 41,3% (значения шкалы с 1 по 4 включительно). Средний показатель (по шкале значение 5), то есть число неопределившихся составило 25,1%.

Таблица 8.3

Приоритеты государственной политики

Шкала от 1 до 10	«Главная задача правительства – обеспечить благополучие граждан, это более важно, чем международный престиж, независимая политика или военная сила»		«Главная задача правительства – это укрепление государственного могущества, международного престижа и независимости страны, ради этого можно жертвовать благополучием»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	136	5,5	459	18,6
2	46	1,9	147	6,0
3	81	3,3	218	8,8
4	114	4,6	194	7,9
5	561	22,7	618	25,1
6	183	7,4	174	7,1
7	191	7,7	167	6,8
8	272	11,0	102	4,1
9	152	6,2	75	3,0
10	731	29,6	313	12,7
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Позиция респондентов по обсуждаемому вопросу внушает тревогу, поскольку тема «напрасных страданий граждан из-за политических амбиций Кремля» – одна из наиболее опасных деструктивных политических идеологем современной России – находит достаточную поддержку в среде молодёжи.

Рассмотрим ответы респондентов относительно следующей пары утверждений.

Русские в России. Многие националистические движения выдвигают лозунг «особых прав русского народа в русском государстве». Отношение респондентов к этой идее отражено в таблице 8.4.

Данный вопрос был сформулирован специально в стиле пропагандистских лозунгов русских националистов и позволяет изучить, насколько, с одной стороны, распространено это мнение в молодёжной среде, с другой, насколько не приемлют опрошенные превалирование одной нации над другими, то есть идеи националистического превосходства.

Ответы позволяют сделать ряд выводов, требующих в дальнейшем пристального внимания.

Так, данный постулат *«Россию создавали русские, поэтому справедливо, если русский народ займёт место «старшего брата» в семье российских народов»:*

– отрицают 31,9% молодых людей (значения по шкале 1-4 включительно);

– поддерживают – 47% молодёжи (значения по шкале 6-10 включительно), в том числе однозначно согласны – 22,1% (значение 10 шкалы).

Данная ситуация выглядит крайне тревожной. Почти половина опрошенных подростков и молодёжи, в том числе каждый пятый однозначно, поддерживают идею превосходства русского народа.

В то же время, можно сделать предположение, что с учётом распределения ответов на следующий вопрос, опрошенные не имели в виду идею *национального превосходства*, а восприняли вопрос отношения к русскому народу, как к старшему среди равных.

Таблица 8.4
Русские в России

Шкала от 1 до 10	«Россию создавали русские, поэтому справедливо, если русский народ займёт место «старшего брата» в семье российских народов»		«Россия – многонациональная страна и ни один народ не может быть «старшим», все равны между собой»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	442	17,9	212	8,6
2	79	3,2	64	2,6
3	136	5,5	100	4,1
4	130	5,3	105	4,3
5	521	21,1	458	18,6
6	150	6,1	123	5,0
7	167	6,8	104	4,2
8	168	6,8	132	5,4
9	128	5,2	129	5,2
10	546	22,1	1040	42,2
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Согласились с утверждением, что народы равны перед собой – 62% молодых людей (значения шкалы 6-10 включительно), в том числе однозначно – 42,2% (значение 10 шкалы). Не согласны с утверждением «Россия – многонациональная страна и ни один народ не может быть «старшим», все равны между собой» 19,6% опрошенных (значения шкалы с 1 по 4 включительно). Показатель неопределившихся – 18,6%.

С учётом общей «размытости» политического мировоззрения молодёжи, можно предположить, что при соответствующей подаче информации националистические

или квази-националистические настроения, связанные с темой «защиты прав русского народа», могут затрагивать до 30–40% молодёжи. Другими словами, так же, как и тема «защиты прав граждан», тема «защиты прав русских» обладает достаточной взрывоопасностью в молодёжной среде.

Кавказские народы на Кавказе. Следующие пары высказываний формулировались симметрично предыдущим и касались «исключительности» прав кавказских народов в регионе и были нацелены на выявление потенциала «кавказского национализма». Ответы представлены в таблице 8.5. Уровень поддержки деструктивной версии заметно ниже, чем в предыдущем случае. Большинство опрошенных не считают, что представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей – 51,4% (сумма показателей значений 1-4 по шкале).

Таблица 8.5
Кавказские народы на Кавказе

Шкала от 1 до 10	«Справедливо, если на Кавказе представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей»		«Несправедливо, если на Кавказе представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	795	32,2	242	9,8
2	125	5,1	79	3,2
3	180	7,3	118	4,8
4	167	6,8	127	5,1
5	559	22,7	602	24,4
6	133	5,4	129	5,2
7	121	4,9	110	4,5
8	107	4,3	152	6,2
9	81	3,3	138	5,6
10	199	8,1	770	31,2
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Эти ответы вполне согласуются с ответами относительно следующего утверждения: «*Несправедливо, если на Кавказе представители исконных кавказских народов имеют больше прав, чем представители других национальностей*» – 52,7% (сумма показателей значений 6-10 по шкале).

Исключительность прав кавказских народов поддерживают 25,3% опрошенных молодых людей (сумма показателей по шкале от 6 до 10 на первое утверждение) и 22,9% (сумма показателей по шкале от 1 до 4 на второе утверждение). Таким образом, примерно четверть опрошенных могут занять потенциально деструктивную позицию в вопросе о соотношении прав различных народов на Кавказе. Также в ответах на этот вопрос наблюдается высокий процент неопределившихся – 22,7% по первому утверждению и 24,4% по второму утверждению (значение 5 по шкале ответов).

В целом, с учётом ответов на предыдущий вопрос, напрашивается вывод о недостаточной сформированности национально-государственного мировоззрения значительной части (до 40–50%) региональной молодёжи.

Следующая пара высказываний также была посвящена вопросу этнополитических отношений в регионе.

Казачи на Кубани. Как молодые люди относятся к идее приоритета прав казачества можно судить по ответам на следующую пару вопросов (см. таблицу 8.6).

Большинство молодых людей и девушек не считают, что казачество на Кубани имеет больше прав, чем представители других национальностей – 46,2 и 54% соответственно (суммы значений 1–4 по первому вопросу и 6–10 по второму).

Здесь может быть полезным изучение понимания среди молодёжи самого феномена казачества как субэтноса, играющего большую, но не исключительную роль в жизни Кубани, его истории и культуре наряду с другими

народами, либо как некоей политической силы, добивающейся властных прав на почве исторической роли в освоении Кубани, а также задач, которые ставятся властью перед казачеством.

Таблица 8.6
Права казаков на Кубани

Шкала от 1 до 10	«Кубань – казачий край, поэтому справедливо, если на Кубани казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей»		«Кубань – часть многонациональной России, поэтому несправедливо, если на Кубани казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	763	30,9	288	11,7
2	112	4,5	70	2,8
3	154	6,2	142	5,8
4	114	4,6	112	4,5
5	491	19,9	522	21,2
6	136	5,5	125	5,1
7	136	5,5	114	4,6
8	105	4,3	151	6,1
9	80	3,2	154	6,2
10	376	15,2	789	32,0
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Неверная трактовка целей современного казачества (их понимание), приписывание казакам некоей исключительности способны переориентировать подростков и молодёжь от положительного восприятия к отрицательному, от понимания важности казачества, как неотъемлемого элемента истории и культуры Краснодарского региона, к восприятию его исключительности, что может отрицательно сказаться на политике формирования национального равенства и уважения в регионе.

Для таких изменений в понимании роли казачества просматривается достаточный потенциал в ответах на

рассматриваемые вопросы. В первом случае 33,7% опрошенных считают, что казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей (сумма значений 6–10 по шкале), во втором – 24,8% (сумма значений 1–4 по шкале).

Традиционно велико число неопределившихся – 19,9 и 21,2% соответственно (значения 5 по шкале ответов).

Сирийский конфликт. Следующие утверждения направлены на изучение уровня поддержки России, действующей на международной арене, и понимания сути национальной политики государства. Ещё одной из популярных либерально-протестных идеологием является тезис о «напрасном вмешательстве России в сирийский конфликт». Рассмотрим отношение респондентов к данной идеологии (табл. 8.7).

Таблица 8.7
Отношение к конфликту в Сирии

Шкала от 1 до 10	«Россия напрасно вмешалась в военный конфликт в Сирии, он нас не касается, а влечёт за собой лишние расходы и ненужный конфликт с Западом»		«Россия правильно сделала, что вмешалась в военный конфликт в Сирии, терроризм нужно остановить на дальних подступах, иначе завтра он придёт к нам»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	755	30,6	243	9,9
2	134	5,4	65	2,6
3	153	6,2	104	4,2
4	125	5,1	96	3,9
5	539	21,8	502	20,3
6	105	4,3	117	4,7
7	132	5,4	107	4,3
8	121	4,9	154	6,2
9	77	3,1	135	5,5
10	326	13,2	944	38,3
Итого	2467	100,0	2467	100,0

Большинство опрошенных молодых людей поддерживают политику России в отношении вооружённого конфликта в Сирии – 47,3% ответов в первом случае (по значениям 1–4 шкалы) и 59% во втором случае (по значениям шкалы 6–10). Как и по предыдущим утверждениям, пятая часть опрошиваемых подростков и молодых людей не определились с отношением к политике России в Сирии – это 21,8% по первому утверждению и 20,3% по второму. Не поддерживают политику России в отношении Сирии в среднем четверть опрошенных – 30,9% и 20,6% соответственно (сумма ответов по значениям 6–10 и 1–4 шкалы).

Здесь необходимо вернуться к результатам ответов на вопрос о главной задаче правительства: важность обеспечения благополучия граждан по отношению к международному престижу присутствуют в 29 и 41,3% ответов на основной и контрольный вопрос соответственно. В целом мы видим: статистические показатели соотносятся между собой и говорят о том, что значительная часть опрошенных (практически каждый третий) видит главной задачей России как государства не внешний престиж, а внутреннюю стабильность и благополучие граждан. Ещё раз подчеркнём – это потенциальная социальная база для разжигания протестных настроений «возмущённых потребителей».

Уточнения восприятия молодёжью идей, связанных с национальной политикой выражено в ответах относительно следующей пары утверждений.

«Россия для русских». С учётом того, что в наших предыдущих исследованиях была выявлена тенденция распространённости идей русского национализма среди определённой части молодёжи, респондентам была предъявлена ещё одна пара высказываний, позволяющая уточнить симпатии/антипатии респондентов к этим идеям (табл. 8.8).

На первый взгляд, большинство опрошенных не поддерживают экстремистские идеи национального превосходства в государственном устройстве: 49,6% в первом вопросе и 52,9% во втором отметили значения шкал 1–4 и 6–10 соответственно.

Традиционно чуть менее одной пятой молодых людей не определились со своим мнением (значение 5 шкалы).

Однако озабоченность вызывает тот факт, что треть молодёжи выразила согласие с идеей национального превосходства: 32,8 и 27,7% ответов по значениям шкал 6–10 и 1–4 соответственно.

Таблица 8.8
Поддержка идеологии «Россия для русских»

Шкала от 1 до 10	«Россия для русских» – это правильная формула государственно-этнического устройства России»		«Россия для русских» – это неправильная формула государственно-этнического устройства России»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	792	32,1	394	16,0
2	142	5,8	76	3,1
3	155	6,3	115	4,7
4	134	5,4	97	3,9
5	435	17,6	479	19,4
6	119	4,8	129	5,2
7	88	3,6	101	4,1
8	97	3,9	126	5,1
9	84	3,4	134	5,4
10	421	17,1	816	33,1
Итого:	2467	100,0	2467	100,0

Полученные результаты ответов по данным вопросам требуют детального изучения причин формирования такого мнения и разработки адекватных мер реагирования на него в сфере воспитательной политики.

Отношение к действующей власти. Следующее парное утверждение раскрывает отношение молодёжи к политике государства. Анализируя ответы по данному блоку вопросов, можно отметить, что в целом большинство опрошенных высказывает согласие с государственной политикой как во внутренней, так и во внешней сферах – 58,8 и 49,2% молодых людей, отметивших значения по шкале 6–10 и 1–4 соответственно (табл. 8.9).

Таблица 8.9
Отношение к действующей власти

Шкала от 1 до 10	«Действующая власть, несмотря на отдельные минусы и ошибки, в целом добилась больших успехов во внешней и внутренней политике»		«Действующая власть, несмотря на отдельные успехи, в целом ведёт неудачную внешнюю и внутреннюю политику»	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	171	6,9	624	25,3
2	42	1,7	211	8,6
3	77	3,1	197	8,0
4	121	4,9	181	7,3
5	606	24,6	659	26,7
6	172	7,0	158	6,4
7	212	8,6	95	3,9
8	250	10,1	89	3,6
9	212	8,6	53	2,1
10	604	24,5	200	8,1
Итого	2467	100,0	2467	100,0

В тоже время наблюдается повышение доли неопределившихся до 25–27%. Это ещё одно свидетельство «размытости» политического мировоззрения молодёжи, создающего риски принятия деструктивных и антигосударственных идей заметной её частью. Очевидно, что сфера политического и национального мировоззрения молодёжи даёт достаточно поводов для беспокойства и

требует особого внимания и усилий со стороны педагогов и специалистов по воспитательной работе.

В целом же, можно заключить, что молодёжь Краснодарского края в своём большинстве поддерживает политику государства во взаимоотношениях с Украиной, Сирией, понимает суть национальной политики равенства всех народов. При этом молодые люди не снимают ответственности с власти по вопросам повышения качества жизни граждан, скорее разделяя понятия внешней и внутренней политики таким образом, чтобы внешние достижения страны не мешали повышению качества жизни граждан, осуществлялись не за счёт этого качества.

Стабильно значительное число неопределившихся во внешнеполитических и национальных вопросах говорит о наличии большой группы молодёжи (от 20 до 30%), готовой при определённых внешних усилиях (факторах) либо поддержать политику государства, либо стать её оппонентом.

Имеется также негативный потенциал молодёжи – до 30% опрошенных отметили положительное отношение к преобладанию какой-либо одной нации или субэтноса или национально-культурной группы (русские, кавказцы, казаки). Такое положение дел формирует предпосылки для развития и активизации разного рода экстремистских и националистических течений и организаций на территории региона и может создать условия для ухудшения межнациональной ситуации. В связи с вышеизложенным, данная проблема требует выработки системных мер по изменению настроений данной части молодёжи в сторону повышения потенциала межнационального уважения и сотрудничества.

Конфликты и неприязнь

Отдельный блок вопросов исследования был направлен на выявление конфликтных моделей поведения, наличия межнациональной напряжённости в молодёжной среде, потенциальной готовности к участию в конфликтных и протестных политических акциях, факторах возможной протестной активности.

Неприязнь. Первый вопрос данного блока был направлен на выявление в молодёжной среде наличия неприязни к различным этническим, социальным или религиозным группам.

Больше половины опрошенных (53,7%) в целом проявляют чувство толерантности – ни к кому не испытывают чувства неприязни, что превышает прошлогодний показатель практически в три раза (18,2%). Практически четвертая часть респондентов – 22,8% – отказались отвечать на данный вопрос, и этот показатель снизился примерно в 2,5 раза по сравнению с 2015 г. (см. табл. 8.10). Предпочтения и настроения этих молодых людей остаются «в тени» и, скорее всего, связаны с отсутствием чёткой позиции по вопросу, либо с нежеланием отвечать на данный «провокационный» вопрос.

Таблица 8.10
Ответы на вопрос:
«Вызывают ли у Вас сильную неприязнь...»

Варианты ответов	2016		2015	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Представители каких-либо молодёжных течений	263	10,7	219	8,5
Представители каких-либо религий, религиозных течений	224	9,1	192	7,4
Представители каких-либо направлений в культуре	82	3,3	72	2,8
Представители каких-либо политических движений	136	5,5	144	5,6

Представители каких-либо социальных, имущественных групп	52	2,1	71	2,7
Представители каких-либо наций, национальностей	192	7,8	161	6,2
Кто-то ещё	74	3,0	73	2,8
Ни к кому не испытываю сильной неприязни	1320	53,7	469	18,2
Не хочу отвечать на этот вопрос	559	22,8	1561	60,5
Всего	2902	118,2	2962	114,7

Следующая категория молодёжи – те, кто испытывает устойчивое чувство неприязни к различным группам – 41,5%. Сегментирование негативных отношений выделяет рейтинг раздражающих групп.

1. Представители каких-либо молодёжных течений – 10,7%. Наиболее часто упоминаемые в свободных ответах – эмо, готы, панки, радикальные группы (скинхеды, фашисты и т.п.). Фактически в свободных ответах респонденты позиционируют отрицательное отношение ко всем направлениям, идущим вразрез традиционным культурным ценностям общества. В ответах косвенно прослеживается поддержка той общекультурной идеологии, которая предложена государством с её традиционными социокультурными ценностями.

Представители молодёжных течений, вызывающие сильную неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Субкультуры (эмо, готы, панки, скинхэды)</i>	<i>Готы, панки</i>	<i>Готы, эмо</i>
<i>Секс-меньшинства ЛГБТ и антифа</i>	<i>Готы, скинхеды</i>	<i>Скинхеды</i>
<i>Наркоманы</i>	<i>Готы, эмо</i>	<i>Скинхеды, нацисты</i>
<i>Нацисты, фашисты</i>	<i>Готы, эмо</i>	<i>Скинхеды, панки</i>
<i>Правые</i>	<i>Готы, эмо, геитрансы</i>	<i>Скинхэды</i>

Стоп хам	Готы, эмо, неформалы	Скины
Хотп, эмо, любители аниме	Готы, эмо, панки	Сноп Хам
Эмо	Готы, эмо, скинхэды	Стоп хам
Эмо, панки и прочее	Кавказцы, невоспитанность	Стоп-хам
"Лев против", "Тесак"	ЛГБТ	Стоп-хам, антифа
"Обычные люди"	Левпротив	Субкультуры
"Правые"–праворадикалы	Модники	Геи
Анархисты, левые, правые	Наркомания	Так называемые "Правые"
Большая часть – некультурные	Наркоманы	Тинейджер танцор
Бредовых	Нацизм	Фашисты
Вейперы	Нацики	Фашисты
Все	Националисты	Фашисты, нацисты
Все мы разные	Нео-фасишты	Хипари и готы
Все течения меня бесят	Неонацисты	Хиппи
Всех течений	Нефомалы	Хипстеры
Геи	Неформалы	Чебурашка ТВ
Геи	Неформалы	Шовинистские
Гей-парады	Нефы	Эмо
Гомосексуалисты	Панки	Эмо
Готы	Панки	Эмо, готты
Готы	Панки, готты и хачи	Эмо, готы
Готы, эмо	Панки, готы, эмо	Эмо, готы
Готы, не люблю их	Панки, эвр, готы.	Эмо, готы и т.д.
Правые парни	Панки, эмо	Эмо, готы, неформалы
Рок, Эмо	Плохих	Эмо, готы, панки
Рокеры, Эму	Правые	Эмо, готы, панки
Рокеры всякие	Правые	Эмо, готы, хиппи, и др.
Рокеры, рэперы	Эмо, хипстеры	Эмо, готы, хипстеры и т.д.

Эмо, скинхэды, националисты *Эмо, неформалы и т.д.*

Эмо, готы

2. Представители каких-либо религий (религиозных течений) – 9,1%. Свободные ответы раскрывают неприятие религиозных течений в двух плоскостях. С одной стороны, заметная часть респондентов негативно воспринимает любые религии (вероятно, отрицание вызывает сама суть религии – обязанность соблюдать определённые каноны и правила, религиозные обряды, недоказанность постулатов и т.п.). С другой – чётко прослеживается неприязнь к радикальным направлениям любых религий – христианства, ислама. Видимо определяющую роль в неприятии здесь несет именно радикализм в религии как инструмент подавления свободы воли молодых людей. В обоих случаях можно предположить, что «свобода воли», как её понимает молодёжь, в отношении с религией является определяющей, и её ограничение либо традиционными канонами, либо радикальными правилами вызывает отторжение у респондентов.

Представители каких-либо религий, вызывающие сильную неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Атеистка, религии не поддерживаю</i>	<i>Исламисты</i>	<i>Верующие</i>
<i>Исламисты, прививающие свою веру</i>	<i>Буддизм</i>	<i>Хачи</i>
<i>Всех возможных, я – атеист</i>	<i>Ислам</i>	<i>Хиппи</i>
<i>Любых, если они её навязывают другим</i>	<i>Йоговы</i>	<i>Христиане</i>
<i>Экстремистские религиозные организации</i>	<i>Большинство</i>	<i>Христианство</i>
<i>Которые возглавляют религию</i>	<i>Иеговы</i>	<i>Атеизм</i>
<i>Армяне, курды, киргизы</i>	<i>Христиане</i>	<i>Христианство, ислам</i>

<i>Христианство (православие)</i>	<i>Курды</i>	<i>Мусульмы</i>
<i>Атеисты</i>	<i>Ислам</i>	<i>Эмо, Готы</i>
<i>Баптисты, свидетели, атеисты</i>	<i>Миссионеры</i>	<i>Свидетели Иеговы</i>
<i>Баптисты, кришнаиты, Иеговы и т.д.</i>	<i>Многих</i>	<i>Свидетели Иеговы</i>
<i>Как атеистка таких не поддерживаю</i>	<i>Монолит</i>	<i>Секта Бога Кузи</i>
<i>Буддисты, они странные</i>	<i>Мусульмане</i>	<i>Всея</i>
<i>Т.К. направляют и заставляют выбирать свою религию</i>	<i>Мусульмане</i>	<i>Сектанты</i>
<i>Фанатики всех религий</i>	<i>Все религии</i>	<i>Секты</i>
<i>Все кроме пастафарианства</i>	<i>Навязывающих</i>	<i>Суфизм</i>
<i>Все мы разные</i>	<i>Не русских религий</i>	<i>Буддизм</i>
<i>Католическое христианство</i>	<i>Очень необычные люди</i>	<i>Талибы</i>
<i>Все религии бред</i>	<i>Парнас</i>	<i>ИГИЛ</i>
<i>Все религии, ибо религия затупляет</i>	<i>Патриарх Кирилл</i>	<i>ИГИЛ</i>
<i>Все религии, ИГИЛ</i>	<i>Православие, Ислам</i>	<i>Иеговы</i>
<i>Все религии, т.к. не верю в Бога</i>	<i>Православные</i>	<i>Всех</i>
<i>Сектантские движения</i>	<i>Православные</i>	<i>Ингуши</i>
<i>Иеговы, веды, сатанисты</i>	<i>Православие</i>	<i>Ислам</i>
<i>Мусульмане, некоторые православные</i>	<i>Представители ИГИЛ</i>	<i>Ислам</i>
<i>Всех религий</i>	<i>Радикалы</i>	<i>Ислам, буддизм</i>
<i>Ислам, когда тебя начинают учить жить по Корану</i>	<i>Радикальные исламисты</i>	<i>Сатанисты</i>
<i>Дети солнца</i>	<i>Всех</i>	<i>Всех</i>

3. Представители каких-либо наций, национальностей – 7,8%. В качестве раздражающего фактора может быть либо личный неудачный опыт общения с представителями других национальностей, либо установка, сформированная масс-медиа. В свободных ответах преобладают т.н. кавказские и закавказские национальности, что характерно для южного пограничного с этими наро-

дами региона. К тому же в Краснодарском крае традиционно проживают большие группы этих народов и столкновение интересов различных национальных групп и культур.

Представители каких-либо наций, национальностей, вызывающие сильную неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Армяне, Адыги, Хохлы, Цыгане, Турки</i>	<i>Бесят хачи</i>	<i>Даги</i>
<i>В каждой нации есть особенности и изменения</i>	<i>Армяне, хачи</i>	<i>Арабы</i>
<i>Все кроме русских и таджиков Люди определённых наций (но не все)</i>	<i>Все кавказцы Все мы разные</i>	<i>Почти все Хемшилы</i>
<i>Китайцы, турки, американцы, корейцы Лица кавказской национальности</i>	<i>Азия Грузины</i>	<i>Русские Хачи</i>
<i>Узбеки, даги, чернозем Те, кто живёт не по закону Цыгане, узбеки Адыгейцы, карачаевцы Кавказские народы, не все, но многие</i>	<i>Грузины Дагестанцы Дагестанцы Думаю, адыги Дагестанцы</i>	<i>Турки Турки Цыгане Поляки Цыгане</i>
<i>Азербайджан, Турция Азербайджанцы, турки Все, кроме славян-арийцев Цыгане, турки, азербайджанцы Цыганы, армяне, дагестанцы Ёбанные националисты Евреи, слишком хитрые Дагестанцы, армяне, цыгане Армяне, турки-месхитинцы, крымские татары</i>	<i>Узбеки, чеченцы Россия для русских Цыгане, армяне Ары, даги, турки Цыгане, армяне Узбеков, турков Народы Кавказа Ингуши, дагестанцы Кавказ</i>	<i>Украинцы Хачи Хачи Даги Даги Армяне Изиды Ингуши Арабы</i>
<i>Армяне, дагестанцы и т.д. Армяне, дагестанцы, чеченцы Армяне, евреи и т.д. Армяне, кавказцы</i>	<i>Азербайджан Кавказской внешности Чеченцы, армяне Чурки, таджики</i>	<i>Курды Американцы Кавказцы Кавказцы</i>

<i>Армяне, таджики</i>	<i>Кавказцы, чеченцы</i>	<i>Армяне</i>
<i>Армяне, цыгане</i>	<i>Курды, дагестанцы</i>	<i>Кавказцы!</i>
<i>Армяне, курды и любые, живущие не на своей родине</i>	<i>Карачаевцы</i>	<i>Украина</i>

4. Представители субкультурных, политических движений и различных социальных групп, вызывающие неприязнь. Ответов по этим категориям было дано немного (в совокупности 13,9%), но они хорошо иллюстрируют спектр соответствующих настроений в молодёжной среде.

Представители каких-либо направлений в культуре, вызывающие неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>ЛГБТ</i>	<i>Иудаизм</i>	<i>Свидетели Иеговы</i>
<i>Панк</i>	<i>Клоуны</i>	<i>Скинхеды</i>
<i>Рэперы</i>	<i>Культура танцев</i>	<i>Современные картины бред</i>
<i>Секс меньшинства</i>	<i>ЛГБТ-сообщество</i>	<i>Современные танцы</i>
<i>Абстракционизм, сюр- реализм</i>	<i>Панк-рок</i>	<i>Фемен</i>
<i>Америка</i>	<i>Патриарх Кирилл</i>	<i>Хиппи</i>
<i>Быдло</i>	<i>Поп-культура вся</i>	<i>Хиппи, панк</i>
<i>Все</i>	<i>Попса</i>	<i>Шансон</i>
<i>Все мы разные</i>	<i>Порошенко</i>	<i>Эмо, готы</i>
<i>Геи</i>	<i>Реперы</i>	<i>Рок, клубная музыка</i>
<i>Геи, педофилы, зоофилы</i>	<i>Рок, ислам</i>	<i>Рокеры</i>

Представители каких-либо политических движений, вызывающие неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>5 колона и Едросня</i>	<i>Война на Украине</i>	<i>Хиппи</i>
<i>Антифа</i>	<i>Все</i>	<i>Национал- социалисты</i>

<i>Антифа, Молодёжная Гвардия, КПРФ</i>	<i>Все мы разные</i>	<i>Националистов</i>
<i>Вся политика</i>	<i>Все радикальные движения</i>	<i>Националисты</i>
<i>ЛДПР, Жириновский</i>	<i>Вся Госдума</i>	<i>Обама бесит</i>
<i>Порошенко, Яценюк, Оба- ма</i>	<i>Вся наша политика дерьмо</i>	<i>Обама чмо</i>
<i>Правый сектор (Украина)</i>	<i>Госдума</i>	<i>Оппозиция вся</i>
<i>Ультраправые движения на Украине</i>	<i>Депутаты- воры</i>	<i>Фашизм</i>
<i>"Демократия" Навально- го, Яблоко</i>	<i>Единая Россия</i>	<i>Партия Яблоко</i>
<i>5-я колонна</i>	<i>ИГИЛ</i>	<i>Политика УПРК</i>
<i>Инакомыслящие, либера- лы (не ЛДПР)</i>	<i>5 колонна Убийство людей/война</i>	<i>Правые</i>
<i>Антиправительственное движение.</i>	<i>Коммунизм</i>	<i>Правый сектор</i>
<i>Барак Обама</i>	<i>КПРФ, "Справедли- вая Россия"</i>	<i>Правый сектор</i>
<i>Бульдербергский клуб, внешняя политика США</i>	<i>КПРФ, Крайне пра- вые</i>	<i>Практически все</i>
<i>Украинские фашисты.</i>	<i>Крым наш и т.д.</i>	<i>ЛДПР</i>
<i>Украинское движение</i>	<i>Так называемые</i>	<i>Противники Пути- на</i>
<i>Шовинистские</i>	<i>"Правые"</i>	
<i>Ориентированные</i>	<i>Провоцирующие</i>	<i>ЛГБТ</i>
<i>на Запад</i>	<i>войну</i>	
<i>Фашисты, националисты.</i>	<i>Либералы</i>	<i>Те, кто против Путина</i>
<i>Яценюк, Порошенко, Кличко</i>	<i>Либералы- оппозиционеры</i>	<i>Те, кто против Путина</i>

Представители каких-либо социальных, имущественных групп, вызывающие неприязнь (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Геи</i>	<i>Депутаты</i>	<i>Партия "Яблоко" и "Справедливая Рос- сия"</i>
<i>Олигархия Богатые</i>	<i>Курящие, пьющие Одноклассники</i>	<i>Типичные буржуи Чиновники</i>

<i>Бомжи</i>	<i>Ингуши</i>	<i>Чиновники</i>
<i>Бояре</i>	<i>Все мы разные</i>	<i>Золотая молодёжь</i>
<i>Голубые</i>	<i>МДК</i>	<i>Золотая молодёжь</i>

Представленные ответы позволяют отметить, что спектр проявлений неприязни в молодёжной среде достаточно обширен. В целом большая часть ответов свидетельствует о наличии неприязни к контркультурным и радикальным политическим движениям. В свободных ответах, с одной стороны, просматривается готовность молодёжи (за отдельными исключениями) ориентироваться на позитивные ценности культурного и политического мейнстрима современной России. С другой стороны, отдельные ответы показывают наличие в молодёжной среде настроений политического, культурного и социального нигилизма. Дополняют картину ответы на вопрос о неприязни, сформулированный в свободном стиле:

Кто ещё вызывает сильную неприязнь (стилистика и орфография сохранены):

<i>Грубо ведущие себя люди (любой национальности)</i>	<i>Агрессивные кавказцы</i>	<i>Геи</i>
<i>Люди, которые ставят себя выше всех</i>	<i>Алкоголики, наркоманы</i>	<i>Правительство</i>
<i>Матюкливые в свои 12 лет мальчики</i>	<i>Гомосексуалисты</i>	<i>Расисты</i>
<i>Нетрадиционной ориентации бесят...</i>	<i>Грязные, неприветливые</i>	<i>Моя группа</i>
<i>Алкоголь, наркотики, курение</i>	<i>Навязывающие свою религию</i>	<i>Гомосеки, даги</i>
<i>Борзые и наглые люди (не зависит от расы)</i>	<i>К мерзким людям</i>	<i>ЛГБТ</i>
<i>Все люди вызывают одинаковую неприязнь</i>	<i>Насильники и убийцы</i>	<i>Террористы.</i>
<i>У всех свои интересы и их точка зрения на мир</i>	<i>К тому, кто дал тест</i>	<i>ТП, неформалы</i>

<i>Неадекватные, тупые люди, быдло, люди не имеющие собственного мнения</i>	<i>Некультурные, глупые и педики</i>	<i>Педофилы</i>
<i>У нас только государство хорошо живёт</i>	<i>Либерасты, гомосеки</i>	<i>Геи</i>
<i>Сексуальные меньшинства</i>	<i>Эмо, скинхеды, готы!</i>	<i>Меньшинства</i>
<i>Нет плохих наций, есть больные люди</i>	<i>Нетрадиционной ориентации</i>	<i>Фальшивые казаки</i>
<i>Гомофобы, националисты, сексисты</i>	<i>Алкоголики, наркоманы</i>	<i>Одногруппники</i>
<i>Русские рэперы, русские поп звезды</i>	<i>Фрики, педики, педофилы</i>	<i>Даги</i>
<i>Люди нетрадиционной сексуальной ориентации</i>	<i>Определённые люди</i>	<i>Цыгане-попрошайки</i>
<i>Рыночные торгаши пирожками, попрошайки</i>	<i>Церковные пропагандисты</i>	<i>Геи</i>
<i>Девочки в техникуме (некоторые)</i>	<i>Дагестанцы, армяне</i>	<i>Наглая молодёжь</i>
<i>Люди с вредными привычками, особенно курящие; сексуальные меньшинства</i>	<i>Участникам гей-парадов</i>	<i>Чеченцы</i>
<i>Необразованная гопота низкого социального статуса</i>	<i>Я расист-социофоб</i>	<i>Яйценюх</i>

Ответы подтверждают предварительные выводы: большая часть молодёжи ориентирована на ценности респектабельного мейнстрима, что не отменяет наличия заметного потенциала нигилизма в молодёжной среде. Это должно обратить на себя внимание специалистов по воспитательной работе.

Протестные настроения

С учётом выявленного в предыдущих исследованиях влияния на молодёжную аудиторию некоторых оппозиционных СМИ, активно эксплуатирующих тему социальной справедливости и «справедливого протеста», сле-

дующие вопросы были направлены на выявление потенциального уровня протестных настроений в молодёжной среде (таблицы 8.11-8.12).

Таблица 8.11

«Как вы думаете, смогли бы Вы лично принять участие в акции протеста, митинге против действующей власти?»

Варианты ответов	2016		2015	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Нет, ни при каких обстоятельствах	591	24,0	847	31,9
Возможно, при исключительных обстоятельствах	428	17,3	687	25,8
Скорее всего, нет	524	21,2	604	22,7
Весьма вероятно, что "да"	134	5,4	240	9,0
Затрудняюсь ответить	340	13,8	280	10,5
Не хочу отвечать на этот вопрос	450	18,2	-	-
Итого	2467	100,0	2658	100,0

Общий уровень лояльности к власти у молодёжи удовлетворительный. Определённо не примут, либо скорее всего не примут участие в протестных мероприятиях практически половина – 45,2% опрошенных. Это показатель говорит об определённой удовлетворённости молодёжи работой власти, её внутренней и внешней политикой.

Вместе с тем, каждый пятый из опрошенных (22,7%) в той или иной степени готов лично принять участие в акции протеста, митинге против действующей власти. Это опять-таки тот «рекрутский потенциал», который могут использовать и уже используют различные экстремистские организации. Нельзя забывать и про 32% затруднившихся ответить и отказавшихся отвечать на данный вопрос. Фактически каждый третий из опрошенных молодых людей при определённых обстоятельствах также может принять участие в протестных мероприятиях. Таким образом, с учётом таких ответов «рекрутский

потенциал» экстремизма вырастает до 54,7%, т.е. более чем половины респондентов.

Наличие высокого протестного потенциала ещё не означает, что он непременно будет реализован на практике. Для этого необходимы веские причины и факторы. Для их выявления был задан дополнительный вопрос: «Что могло бы подтолкнуть Вас к участию в такой акции?» (табл. 8.12).

Таблица 8.12

«Что могло бы подтолкнуть Вас к участию в такой акции?»

Варианты ответов	2016		2015	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Экономические проблемы, снижение уровня жизни	417	17,0	438	16,7
Действия власти, несущие ущерб всей стране, обществу	590	24,1	723	27,6
Политика власти, несоответствующая твоим убеждениям и ценностям	110	4,5	328	12,5
Действия власти, несущие ущерб твоей нации, религии	208	8,5	391	14,9
Коррупция и нечестность власти	466	19,0	538	20,5
Не хочу отвечать на этот вопрос	1321	53,9	1072	40,9
Другое	107	4,4	236	9,0
Всего	3219	131,3	3726	142,0

Рейтинг причин протестного поведения выглядит следующим образом:

- действия власти, несущие ущерб всей стране, обществу – 24,1% опрошенных;
- коррупция и нечестность власти – 19,0% опрошенных;
- экономические проблемы, снижение уровня жизни – 17% опрошенных.

Остальные ответы выбрало незначительное число подростков и молодых людей.

Из распределения ответов на данный вопрос видно, что в основном протестные настроения могут вызвать разнообразные действия властей, несущие прямой вред обществу, государству и (или) дискредитирующие его (например, коррупция). На этом могут «играть» заинтересованные политические или экстремистские силы, формируя у граждан образ коррумпированной, нечестной власти, наносящей своими действиями ущерб государству и жителям страны (региона). Профилактическими инструментами в этом случае видятся:

- информирование граждан о действиях власти в их интересах и интересах государства и положительных результатах таких действий;
- вовлечение большого числа граждан в общественно-политическое взаимодействие, принятие решений через организацию тесного сотрудничества с социально ориентированными общественными объединениями и организациями, в том числе их информационная и организационно-финансовая поддержка государством.

Дополняют картину собственные ответы респондентов на этот вопрос.

Возможные причины участия в протестных акциях и выступлениях (свободные ответы, стилистика и орфография сохранены):

<i>Не собираюсь участвовать</i>	<i>Ничего</i>
<i>Не стал бы</i>	<i>За Путина!</i>
<i>Жизнь в бедности, зато всем</i>	<i>Затрудняюсь в ответе.</i>
<i>помогают уроды</i>	<i>Защита животных</i>
<i>Участие в контексте (ВМХ, ВТБ)</i>	<i>Массовое общественное</i>
<i>Я не участвую в таких конфликтах</i>	<i>мнение</i>
<i>Акция и митинги – проплаченная</i>	<i>Меня всё устраивает</i>
<i>показуха</i>	

*Мерзкие лицемеры, которые сейчас
у власти*

*В акциях и митингах я не участвую
В акциях протеста не буду принимать участие не при каких обстоятельствах*

В акциях протеста я не принимаю участие

В России такое не прокатит!

В таких акциях не участвую

Всё вышеперечисленное

Всё и одновременно

Всё может быть

*Действующая власть нарушает
нормативно-правовые документы,
ФЗ, указы Президента*

Нет, ни при каких

обстоятельствах

*Ни буду принимать участие
в таких акциях*

Ни что

Ни что не подтолкнёт

Никогда не буду участвовать

Ничего

Ничего

*Ничего не может меня
подтолкнуть на такие акции
Ничего, меня устраивает наша
власть*

*Ничего! Я буду участвовать
в выборах и референдумах*

*Скорее всего я бы не участвовал
в такой акции*

Я не буду в этом принимать участие

Я не буду участвовать

Я не буду участвовать

*Я не участвовал бы, так как мне
нравится наша власть*

Я не участвую в таких акциях

Бедность

Мне это не нужно

*Не буду участвовать
в конфликте*

*Не буду участвовать
в подобных акциях*

Не верю правительству

Не задумывался

Не имею понятия

Не пойду

Не приму участие

Не принимала бы участие

Не принял бы участие

Не собираюсь я митинговать!

Не стану участвовать

Не участвовал бы

Не участвовала бы

Не участвовала бы

Несправедливость в жизни

Нет

Ничего

При попытке её сместить

Путин классный!

Нет

Слабоумие и отвага

Таких причин нет

Такого не будет

Такого не будет!

<i>Ядерная бомбардировка других стран</i>	<i>Я бы в ней и не принимала участие</i>
<i>Я бы не участвовала в такой акции</i>	<i>Я бы не стал участвовать в этой акции</i>

Ответы на следующий вопрос позволяют определить наиболее вероятных агентов влияния (инструменты коммуникации) при принятии решения молодёжью об участии в протестных мероприятиях.

Как видно из данных табл. 8.13, *первое место* в ответах занимают друзья – 18,9% опрошенных. Ранее мы уже отмечали важную роль друзей в формировании мировоззренческих позиций молодёжи, поэтому и данное утверждение согласуется с этими выводами. При работе с молодёжью принцип «равный – равному» остаётся одним из самых эффективных.

Представители политических партий в различных проявлениях занимают *второе место* – 12,7% опрошенных (авторитетные политики, общественные лидеры и единомышленники по политической партии, движению).

Третье место в рейтинге занимают учителя и наставники – 7,6% опрошенных молодых людей выбрали этот ответ. Данное предпочтение также согласуется с выводом об определённой значимости учителей у молодёжи в вопросах понимания политической ситуации.

Вызывает интерес та немногочисленная часть опрошенных, которые указали на «единоверцев, собратьев по религиозной общине» – 3,1% и «религиозных лидеров, священников» – 1,5% опрошенных. Несмотря на малочисленность, эта часть респондентов внушает особую тревогу, поскольку религиозно-протестные идеи обладают наибольшим потенциалом побуждения к действию.

Также при анализе ответов на этот вопрос нужно учитывать тот факт, что больше половины респондентов (64,5%) либо не захотели отвечать на этот вопрос, либо затруднились на него ответить, что может означать на-

личие в молодёжной среде латентного протестного потенциала.

Таблица 8.13
«На чей призыв к участию в такой акции
Вы могли бы откликнуться?»

Варианты ответов	2016		2015	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Друзей, с которыми ты учишься или просто дружишь и гуляешь с ними	465	18,9	-	-
Единомышленников по политической партии, движению	156	6,3	323	14,7
Единоверцев, собратьев по религиозной общине	77	3,1	200	9,1
Соплеменников, людей твоей национальности	99	4,0	200	9,1
Твоих учителей и наставников (по школе, секции, клубу)	188	7,6	272	12,4
Авторитетных политиков, общественных лидеров	158	6,4	205	9,3
Религиозных лидеров, священников	38	1,5	127	5,8
Не хочу отвечать на этот вопрос	706	28,7	-	-
Затрудняюсь ответить	882	35,8	1158	52,7
Другое	124	5,0	252	11,5
Всего	2893	117,6	2737	124,5

Герои и кумиры

Следующий блок вопросов был направлен на выявление наличия в молодёжной среде конкретных личностных ориентиров в виде героев и кумиров. Это не те авторитетные люди, у которых можно получить ответ на волнующий вопрос или помощь. Но модели поведения и реакции на жизненные ситуации таких героев вполне могут заменить реальный совет молодому человеку или сформировать так называемые кейсы его жизненных поступков в тех или иных случаях. Такие кейсы зачастую не

являются социально адекватными и позитивными и зависят от сущности и образа, созданного героем. Однако сам факт наличия героя, образца для подражания исключительно важен для личности молодого человека.

Ответы на соответствующий вопрос показывают, что ситуацию трудно назвать благополучной: большинство опрошенных не имеют конкретного своего героя, которому они хотели бы подражать. Так, киногероев имеют всего 30% опрошенных, литературных – 23,9%, исторических – 23,6%. Полный список названных героев приведён в Приложениях 1–3.

Киногерои. Среди киногероев преобладают персонажи зарубежной киноиндустрии (в первую очередь Голливуда) – 420 ответов из 501 или 83,8%. Герои отечественного кино составляют соответственно 16,2% или 81 ответ.

Примечательно, что в ответах в целом преобладают следующие тенденции:

- наиболее часто упоминаются актёры, а не их герои – наблюдается некая подмена персонажа киногероя личностью актёра;

- самыми популярными киногероями/артистами являются персонажи из недавно вышедших фильмов блокбастеров: Дэд Пул, Сойка Пересмешница, Железный Человек и др;

- абсолютное большинство киногероев представлены фантастическими или фантазийными персонажами;

- единичные ответы, в которых названы отечественные положительные герои: Маресьев, подполковник Гоцман (т/ф «Ликвидация»), защитники Севастополя, персонажи фильма «В бой идут одни старики», Илья Муромец и др.

Среди отечественных актёров наиболее часто упоминаются Сергей Безруков, Дмитрий Нагиев, Сергей Бод-

ров мл., Владимир Машков, Юрий Никулин, Данила Козловский, Павел Деревянко.

Исходя из полученных ответов, можно сделать вывод о том, что в целом в молодёжной среде отсутствует общий собирательный образ не только положительного героя, но и героя вообще. Наиболее популярен некий собирательный фантастический персонаж, обладающий сверхспособностями, зачастую агрессивным поведением, ведущим постоянную борьбу с чем-либо или с кем-либо и не всегда соответствующий образу человека, как представителя Homo Sapiens.

Интересы и пристрастия к персонажам меняются во времени и зависят от кинопроката (новизны и масштабыности фильмов) и личного восприятия респондентами актёров, их играющих.

Литературные герои. Похожим образом распределились ответы подростков и молодёжи на вопрос о наличии литературного героя. Есть такой герой у 23,9% респондентов, отсутствует у 76,1%.

При этом опрошенные указали число литературных героев почти в 1,5 раза меньше, чем киногероев (соответственно 362 и 501). Это косвенно подтверждает мнение о снижении интереса к чтению в молодёжной среде и соответствует их интересам – всего 11,3% обсуждают новые книги.

Интересно, что предпочтения среди литературных героев смещены в сторону отечественных – 201 против 161 ответа (55,5 и 44,5% соответственно).

Такая приверженность отечественной литературе с учётом наиболее часто повторяющихся персонажей (Онегин, Болконский, Ларина, Чацкий, Печорин, Мастер, Маргарита и др.) может быть объяснена изучением литературы в школе (практически все отечественные персонажи из произведений школьной программы). С учётом того, что опрос проводился весной, то есть в период подго-

товки к итоговой или промежуточной аттестации в образовательных организациях, вероятным видится именно влияние учебного процесса на формирование образа литературного героя. Эти образы достаточно стабильны – молодые люди уверенно указывают правильные фамилии и литературные произведения. В тоже время, есть основания полагать, что речь идёт не столько о *любимых* героях, сколько тех, кого недавно «проходили», причём зачастую по кратким пересказам сюжетов литературных произведений.

Особый интерес и озабоченность вызывают названные респондентами отрицательные литературные герои. Например, Гумберт (герой произведения В. Набокова «Лолита», страдающей явной формой педофилии), Раскольников (убивший старуху-процентщицу), Волан-Де-Морт (воплощение зла в произведениях о Гарри Поттере) и другие. Влияние таких литературных героев может быть крайне губительным для мировоззрения и жизненной позиции отдельных индивидуумов и поэтому-требует более детального изучения в части распространённости в подростково-молодёжной среде.

Исторические герои. Так же соответствует предыдущим и распределение ответов относительно исторических героев. Не смогли назвать кого-либо 76,4%, ответили положительно – 23,6%.

С учётом сокращения распространённости в массовой культуре основания, по которому выделяется герой: кино – книги – история, сократилось и число ответов на данный вопрос.

Всего представлено для анализа 237 ответов, из них так же преобладают личности отечественной истории – 171 ответ или 72,2%. Зарубежная история представлена 66 ответами или 27,8%.

Среди отечественных исторических героев преобладают: цари и императоры России – Иван Грозный, Пётр I,

Екатерина II, Николай II и другие; полководцы – Г. Жуков, А. Суворов, М. Кутузов, Александр Невский и другие; политические деятели – В. Путин, П. Столыпин, И. Сталин, В. Ленин.

Зарубежные исторические личности представлены более пестро. Среди известных политических деятелей и полководцев: Наполеон, Цезарь, Александр Македонский, О. Бисмарк; учёных – А. Эйнштейн, Н. Тесла и Л. да Винчи и другие исторические герои. Настораживает, что в 5 случаях респонденты назвали лидеров нацизма – А. Гитлера (4 ответа) и Б. Муссолини (1 ответ). Такие предпочтения создают почву для распространения экстремистских и националистических идей в молодёжной среде. Молодые люди, выражающие приверженность или проявляющие интерес к таким историческим персонажам, становятся источником распространения экстремистских идей среди молодёжи.

Интересно восприятие образа Иисуса Христа. Как историческую личность его указали четыре респондента.

В целом анализ данного блока вопросов показал, что в отечественной литературе и истории имеется достаточный потенциал для формирования у подростков и молодёжи образа положительного героя, в первую очередь – через систему образования. Имеется обширное количество литературных и исторических персонажей, образы, жизнь и деятельность которых могут стать элементами формирования у молодёжи устойчивого понимания идеала, альтернативного тому, который предлагается массовой культурой.

Следует обратить внимание на почти четверть респондентов (23,3%), выбравших вариант ответа *«Любимых героев у меня нет – я сам(а) себе герой»*. Подобный *нарциссический индивидуализм* является свидетельством смыслового и ценностного вакуума в сознании достаточно большой части молодёжи. Этот вакуум может быть за-

полнен как установками потребительской культуры (что существенно затрудняет эффективность патриотического воспитания), так и в определённых случаях радикальными идеями, прежде всего, либерально-протестного толка.

Профилактические мероприятия: количество и качество

Заключительные вопросы исследования задавались в свободной форме и касались проводимых с молодёжью мероприятий, посвящённых межнациональным отношениям, патриотизму и возможным пожеланиям руководству страны в сфере межнациональных отношений. В виду большого количества полученных ответов, полный их список мы не приводим, будучи ограничены объёмом книги.

На вопрос: *«Приходилось ли Вам посещать в последний год какие-либо мероприятия, посвящённые межнациональным отношениям, патриотизму? Что это были за мероприятия? Какие впечатления у тебя остались?»* абсолютное большинство респондентов ответили, что посещали мероприятия, приуроченные к памятным датам – 1 и 9 мая, 23 февраля, день воссоединения с Крымом и др., традиционные акции – «Бескозырка», «Бессмертный полк», принимали участие в месячнике оборонно-массовой и спортивной работы. По указанным мероприятиям респонденты высказались положительно, отметили свой большой интерес, чувство гордости.

Большое число ответов было посвящено классным часам и другим мероприятиям в образовательных организациях. К сожалению, это направление практически не оценено респондентами. Можно предположить, что качество и уровень прежде всего классных часов не позволяют опрошенным дать им качественную оценку, такие мероприятия мало запоминаются и, скорее всего, проводят-

ся формально, поэтому не формируют о себе никакого мнения.

Часть респондентов высказала своё сожаление по поводу того, что за прошедший год в патриотических мероприятиях не принимали участия. Это незадействованный ресурс привлечения молодёжи в патриотической работе.

Практически отсутствуют мероприятия по международной тематике, которые бы смогли назвать опрошенные. Данный факт говорит о недостаточной целенаправленной работе, проводимой заинтересованными органами и организациями в данном направлении.

Ответы респондентов на этот вопрос можно условно разделить на четыре группы: 1) «похвальные» – те, кто такого рода мероприятия посещал и вынес оттуда полезные и положительные впечатления; 2) «пассивные» – те, кто просто констатирует их наличие; 3) «скептические» – те, кто критикует содержание этих мероприятий и 4) «отсутствующие» – указывающие на отсутствие мероприятий такого рода. Следует учитывать, что на ответы респондентов влияли две группы факторов: объективные (связанные с наличием и качеством проведения, содержанием мероприятий) и субъективные (связанные с личностью участника). Обе группы факторов могут быть источниками как положительных, так и отрицательных впечатлений. Однако некий общий вывод все-таки сделать можно. Во-первых, очевидно, что мероприятий в сфере профилактики экстремизма и ксенофобии проводится достаточно много, на это указывают даже «пассивные» представители молодёжи. Во-вторых, к сожалению, не все из этих мероприятий проводятся на высоком содержательном и мотивирующем уровнях – об этом говорит заметное число скептических и негативных ОТЗЫВОВ.

Глава 9

Кубанская молодёжь: неопределённость и напряжение, консолидация на фоне угроз и желание вернуться к традиционным ценностям

Наш научно-исследовательский коллектив на протяжении нескольких лет изучает проблемы молодёжи. Исследование 2016 г. было сфокусировано на выявлении рисков экстремизации молодёжи, но одновременно удалось определить интересы, ценности, жизненные цели, а также новые опасения и проблемы молодёжи, которые значительно влияют на процесс её социализации. Вся информация, которую мы хотим представить, получена в процессе социологического исследования 2016 г. В ходе этого мероприятия были проанкетированы 2500 молодых людей в возрасте 15–23 лет и состоялось 20 фокус-групп с учащейся молодёжью Краснодарского края.

Первые вопросы были направлены на выявление интересов и ценностей молодых людей. Как правило, именно интересы значительно влияют на их поведенческие стратегии. Риски возникновения отклоняющегося поведения связаны с негативной направленностью или отсутствием интересов, а также с наличием определённого набора ценностей. Результаты исследования показали, что главные интересы молодёжи сосредоточены на теме **личного успеха** (будущая карьера – 50,1%; спорт – 43,3%; учёба – 16,1%), **развлечений** (модные тенденции – 22,1%; фильмы – 38,9%; музыка – 33,4%) и **времяпровождения в Сети** (более 50% опрошенных отслеживают события и новости Интернета, играют в компьютерные игры, изучают информационные технологии). Это стабильная сфера интересов кубанской молодёжи, которая согласно результатам количественных исследований 2012–2016 гг. остаётся практически неизменной в течение последних пяти лет.

Кроме того, такой же многолетней и устойчивой тенденцией до 2016 г. можно было считать эгоистическую направленность интересов и ценностей молодёжи. Значительная часть респондентов (от 35 до 50%) мечтали стать успешными, самостоятельными карьеристами, смелыми, сильными, здоровыми и предприимчивыми, что абсолютно соответствует требованиям современного общества. В условиях конкуренции и социально-экономической нестабильности легче всего «выжить» и «подняться» человеку, обладающему именно этими характеристиками. А вот семейные ценности, желание проявлять заботу к другим людям, стремление к социальному служению – всё это уходило на второй план и интересовало меньшее количество респондентов (от 15 до 30%) [Риски взросления, 2013].

В 2016 г. и по результатам анкетирования, и по итогам фокус-групп мы получили результаты, которые позволяют предположить, что длительный период принятия эгоистической модели поведения завершился: молодёжь всё чаще стала задумываться о создании крепкой семьи, проявлении заботы, взаимодействии, гуманности, благородстве, возрождении традиционных христианских и исконно славянских ценностей [Экстремизм и этносоциальные конфликты, 2016]. Кроме того, в процессе интервью наши респонденты неоднократно выражали обеспокоенность по поводу внешнеполитических событий, так или иначе влияющих на судьбу России: охотно обсуждали внутренние проблемы общества; высказывались в русле патриотизма и заявляли о необходимости социального служения в столь непростое время.

Желательно более подробно изучить новую тенденцию, а также её причины, поскольку она свидетельствует о том, что скоро нас ожидает «переломный период». Если с середины 90-х и примерно до 2013–2015 гг. молодые люди под влиянием массовой культуры принимали за-

падные ценности и строили свою жизнь на основе эгоизма, конкуренции, достигнуческой мотивации и гедонизме, то сейчас они задумались и готовы признать, что была допущена ошибка. По мнению многих опрошенных, россиянам следует возвратиться к родному, исконному и «настоящему». Причём это нужно сделать во всех жизненных сферах и, в первую очередь, в семье.

Не только девушки, но и представители сильного пола серьёзно относятся к вопросу создания семьи и мечтают встретить достойную партию. Помимо карьеры и создания семьи респонденты называют в качестве жизненных целей достижение благополучия, которое в их понимании, отражает финансовое благосостояние. Причём значительная часть опрошенных хотят достичь благополучия не ради достижения личных целей, а для того чтобы помогать своим близким: родителям, детям, друзьям и родственникам.

– *«Хочется настоящего семейного счастья, встретить верную и серьёзную спутницу жизни, которая ценит надёжность и взаимность, а не комфорт и деньги» (М., 19);*

– *«Планирую создать крепкую семью, в которой будет много детей» (Ж., 17);*

– *«После университета нужно устроиться по специальности, чтобы заботиться о своей семье и близких» (М., 22).*

Удивляет тот факт, что в поисках традиционных семейных ценностей и стабильности русские девушки готовы отправиться за женихами-мусульманами. Семьи мусульман кажутся им более прочными и долговечными, поскольку они строго соблюдают свои традиции, обряды и заповеди. По крайней мере, такое впечатление складывается у молодых людей при сравнении мусульман с современными христианами. Сегодняшние «невесты» уже не стремятся к свободе, независимости, недолгим бракам

и самостоятельности. Наоборот, девушки планируют заниматься воспитанием детей, домашним хозяйством и мечтают возложить все управленческие и достиженческие функции на супруга. Следовательно, молодых людей не устраивает деформация женских и мужских моделей поведения, которую всё чаще фиксируют в своих исследованиях наши западные коллеги [Зимбардо, Коломбе, 2017].

– *«Бородатые мачо сейчас вообще в моде! Но ведь они и воспитаны лучше, и с жёнами разводиться им религия не позволяет! Получается, семья крепче и надёжнее» (Ж., 17);*

– *«Знаю многих девчонок, которые ходят в длинной закрытой одежде, некоторые из них даже сменили религию, чтоб выйти замуж за мусульманина» (Ж., 21);*

– *«Мужчина должен быть надёжным, зарабатывать, не ходить налево. Где сейчас такого русского найдёшь? Одни альфонсы!» (Ж., 19).*

Следует учитывать, что эта тенденция согласуется с двумя другими – желанием уйти от западной модели развития и вернуться к традиционному укладу русской самобытной культуры. Ведь если современная западная культура продвигает эгоизм, конкуренцию, достижение успеха любой ценой и вседозволенность под видом иллюзорной свободы, то традиционная русская культура несёт в себе идеи альтруизма, взаимопомощи, сострадания, приоритет духовных ценностей над материальными. Складывается впечатление, что после 90-х молодёжь сначала «набросилась» на западную модель развития, что ввергло её в серьёзный духовно-нравственный кризис, а теперь, осознав проблему, жаждет возврата.

Молодые люди откровенно выступают против «толерантности», вседозволенности, феминизма, пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации и многих других атрибутов западной культуры. «Феминизм не прошёл!» – открыто заявляют наши респонденты. И всё

чаще в их высказываниях прослеживаются взгляды славянофилов, основанные на уникальности и самобытности русской нации. Патриотически настроенные респонденты делятся на две группы: одни считают, что необходимо возродить христианскую культуру, другие радеют за языческую. Среди молодых людей, тяготеющих к язычеству, часто встречаются националисты, футбольные фанаты и воспитанники спортивных секций.

– *«Мы – русские, у нас героическая история! Своя самобытная культура и плохо, что нам так мало рассказывают о ней в учебных заведениях и СМИ» (М., 23);*

– *«Россия в своём развитии не должна ориентироваться на Западные страны и других своих соседей. Мы – уникальны. И у нас много врагов и завистников. Посмотрите, что сейчас творится возле наших границ, и вы все поймёте» (Ж, 19);*

– *«Неправильно, что мы смотрим на Запад, перенимаем их культуру. У нас своя страна. Это приносит нам одни неприятности» (М., 21).*

В то же время, почти все респонденты вне зависимости от своей национальной принадлежности, религиозных взглядов и жизненной позиции готовы защищать Родину и даже согласны объединиться со своими «внутренними врагами», если возникнет необходимость. Так, исторически враждующие армяне и адыги, готовы вместе выступить против внешних врагов России. Большинство молодых людей сожалеют, что подрастающие поколения далеки от патриотизма и призывают обратить внимание на этот вопрос. Ведь именно благодаря патриотизму наши предки смогли выстоять и победить в Великой Отечественной войне.

– *«Плохо, что подрастающие поколения не знают истории, а в некоторых странах её умышленно искажают. Это все делается специально, чтоб в случае чего некому было реагировать» (М., русский, 20);*

– «Мы исторически враждуем с адыгами. Но и мы, и они – россияне. Но в случае необходимости мы все встанем на защиту страны» (Ж., армянка, 18);

– «Если что, как и раньше, встанем на защиту страны все вместе» (М., абхаз, 23.).

Патриотическая направленность и желание консолидироваться, зачастую, появляется у населения в период серьёзных внешних угроз, которые, как выяснилось, в некоторой степени осознают и наши респонденты. Молодые люди заявляют, что в последние годы появились угрозы как внешней, так и внутренней безопасности страны. Несмотря на то, что конфликт на Украине в настоящее время не столь горяч как в 2014 г., сохраняются риски дестабилизации обстановки. С точки зрения респондентов, конфликт должен решаться непосредственно украинской стороной, лишний раз вмешиваться в него не имеет смысла. Однако близость к нашим границам, постоянные антироссийские высказывания украинских политиков, деятельность националистов создают непосредственные риски для России, которые не следует преувеличивать, но и нельзя игнорировать.

– «На Украине до сих пор местами неспокойно и неизвестно, что будет дальше» (М., 17);

– «Амбиции и угрозы украинских политиков в расчёт брать не стоит, слишком «мелко» они плавают. А вот активность их националистов и возникший на этом фоне конфликт с Западом могут наделать проблем» (Ж., 22);

– «В Луганской и Донецкой области до сих пор случаются перестрелки. Скорее всего, конфликт ещё вспыхнет с новой силой. Главное защитить свои приграничные территории. Пока в стране такой сильный Президент, как Путин, нам особо нечего бояться» (М., 16).

Следующие серьёзные опасения респондентов связаны с угрозой появления арабских беженцев и деятельностью запрещённого «Исламского государства» на тер-

ритории России. Причём молодые люди не столь опасаются самих беженцев, сколь последствий, к которым может привести их прибытие. По мнению респондентов, из Европы, которая довольна близко территориально, ближневосточные беженцы, скорее всего, доберутся и до нас. Они могут найти поддержку у местных радикальных группировок Кавказа, ведь по данным федеральных СМИ более 2000 человек, воюющих на стороне Исламского государства, – жители России и стран СНГ. Рассуждая о проблеме арабских мигрантов, респонденты приводят в пример случаи насилия над местными жителями и детьми, цитируют реплики европейских политиков о том, что ситуация вышла из-под контроля, акцентируют внимание на большом количестве беженцев, прибывающих в Европу, и террористических актах, которые там происходят.

– *«Они агрессивные и невоспитанные люди. Посмотрите, что творится во Франции и Германии. А ведь это сравнительно близко. После них могут и к нам прийти» (Ж., 20);*

– *«Проблема не в беженцах, а в радикальных исламистах, которые под видом беженцев проникли в Европу, и так же могут прибыть к нам. Тем более они могут найти поддержку местных радикальных мусульман, которые до сих пор есть в Чечне и Дагестане» (М., 23);*

– *«Навряд ли нам сейчас угрожают арабские беженцы. Эта проблема сейчас актуальна для Турции, Ливана и Европы, но со временем все может стать» (Ж., 16).*

– *«Обратите внимание на теракты в Европе, которым нет конца после появления беженцев» (Ж., 18).*

Угроза террористических актов на территории Российской Федерации – ещё одна проблема, с которой сталкивается кубанская молодёжь. В процессе фокус-групп молодые люди неоднократно признавались, что испытывают страх перед террористической деятельностью ра-

дикальных мусульман, приводили примеры недавних терактов в соседних регионах, аналогичные случаи в Европе [Войнова, 2016].

– «Не знаю, как вы, а я это на себе чувствую. Да, у нас пока такого нет, но в любой момент может произойти». (Ж., 18);

– «Уже даже в трамваях и другом общественном транспорте ездить боязно» (Ж., 21);

– «Я не боюсь, но все может быть. В Ставрополе было, в Ростове было, в Чечне и Дагестане. Может дойти и до нас» (Ж., 19).

Ещё одна угроза, которая пока достаточно иллюзорна, но уже волнует респондентов, – вероятность военных действий. Напряжённые отношения с Западом, в частности с Америкой, могут привести к затяжному военному конфликту. Респонденты понимают, сколь серьёзными и разрушительными могут быть последствия такой политической ошибки. И поэтому высказывают единое мнение: «Как бы ни было сложно, мы все выдержим. Лишь бы не было войны!» (Ж., 19).

Изменение ценностной направленности, стремление к переменам вполне согласуются с **основными проблемами, которые вызывают обеспокоенность у молодых людей.**

1. Сложности самореализации. Эта проблема пронизывает жизнь респондентов с момента поступления в среднее или высшее учебное заведение и до начала трудовой деятельности. Первым камнем преткновения становится ЕГЭ, его сложность и коррумпированность системы. Вторая проблема, с которой сталкиваются учащиеся, – сокращение бюджетных мест в вузах. Респонденты подчёркивают, что на востребованные специальности конкурс может достигать 17–20 человек на место. Третья проблема – найти работу по профилю, что практически невозможно, поскольку советская система распределения

ушла в небытие, а альтернативы не придумано. Что касается частных компаний – никто не хочет приглашать на работу новичков, все требуют опыт работы от года до трёх лет. Таким образом, уже в процессе своих первых ответственных жизненных шагов молодые люди сталкиваются с чередой сложных препятствий.

– *«Самореализоваться бы. Но как? Все против этого» (М., 16);*

– *«Как устроиться на работу? Все требуют пресловутый стаж! А где его взять?» (Ж., 18);*

– *«У нас больше студентов по договору. По бюджету практически невозможно поступить. Конкурс в этом году на нашу специальность был 17 человек на место» (Ж., 19).*

2. Девиантное поведение в форме наркомании, пьянства и суицидальных наклонностей. Молодые люди из средних учебных заведений уверяют, что их сверстники и даже младшие школьники принимают крепкие спиртные напитки, а запрет на их реализацию несовершеннолетним можно успешно обойти не только в маленьких частных магазинах, но и в крупных супермаркетах. Наркомания распространена ещё сильнее, даже среди наших респондентов нашлись поклонники и защитники свободного права на продажу марихуаны, потребители спайса, мака, синтетика, лирики, феназепама, тригана-д и димедрола.

Настораживает тот факт, что если официальные наркотики стоят дорого, купить их довольно сложно, а распространение преследуется по закону, то седативные препараты и обезболивающие, которые в сочетании с алкоголем дают сильный наркотический эффект и наносят непоправимый вред здоровью, продаются в аптеке по доступной цене и без рецепта.

– *«У нас в технаре пацаны лирику и триган-д пьют вместе с водкой. И не наркота и прёт по полной» (М., 17);*

– «Вы говорите триган-д простое обезболивающее? Ну да! А Вы пробовали шесть таблеток тригана водкой запить?» (М., 16);

– «В супермаркетах свободно спиртное продают, если сказать, что покупаешь для родителей, а если в частных магазинчиках – вообще нет проблем!» (М., 17).

Что касается суицидального поведения подростков, оно упоминается реже, чем пьянство и наркомания. Однако, следует обратить внимание на то, что со слов наших респондентов их ровесники принимают решение о суициде без веских причин. Как говорят опрошенные, пытаюсь объяснить такое нелогичное поведение, их сверстники перестали понимать ценность жизни, её духовное предназначение, её величие. Они ведут себя как участники компьютерной игры, у которых «десять» жизней и миллион шансов. Причиной трагических поступков становятся неудачи в учёбе, скандалы с родителями, конфликт с любимым человеком и другие, абсолютно поправимые, ситуации.

– «У меня одноклассница с собой покончила из-за того, что ей занизили оценку. Потом ещё говорили, что преподаватели виноваты. Но они-то при чём?» (Ж., 19);

– «Моей знакомой было 14, и она пыталась отравиться после бытового конфликта с парнем» (Ж., 16).

3. Духовно-нравственный кризис молодёжи, отсутствие знаний о русской культуре, нехватка воспитания. Респонденты сходятся во мнении, что представители их поколения и особенно те, кому сейчас 10–15 лет ведут безнравственный образ жизни и плохо воспитаны. Недостаток воспитания респонденты связывают с новыми требованиями государства к родителям, развивающейся ювенальной юстицией и законами, которые не позволяют родителям наказывать детей. С другой стороны, все отмечают, что на фоне общественной активности РПЦ и преподавания православной культуры в школе должен

наблюдаться обратный эффект. Но пока его нет. Молодые люди приводят ряд примеров безнравственного поведения сверстников и их неуважения к старшему поколению.

– *«Сейчас всем главное иметь хорошие вещи, хорошую одежду, телефон, а вот дружба уходит на второй план. На первом плане оказываются материальные ценности, а моральные и духовные вообще»* (М., 17);

– *«Воспитания не хватает! Ювеналку вводят! Вот Вы в детстве могли подать на родителей в суд за то, что вас наказали?!!»* (Ж., 17);

– *«Культуры не хватает молодёжи, духовности, уважения к старшим!»* (Ж., 21).

4. Ещё одной существенной проблемой, порождающей нравственную и психическую деградацию молодых людей, респонденты называют **зависимость от гаджетов и Интернета**. В процессе социализации современный ребёнок обучается онлайн-играм и управлением гаджетами раньше, чем умению читать и писать. На фоне увлечения играми он реже общается со сверстниками, меньше времени проводит во взаимодействии с природой, замыкается в «нереальном» мире, в котором размываются грани разумного, притупляется ответная реакция на «ужасное и отвратительное», которое уже не вызывает соответствующих эмоций, а становится поводом набрать побольше «лайков» в соцсетях.

Молодые люди, социализирующиеся в мире интернет-пространства, становятся более нервными, жестокими и бессердечными. Жестокость и безответственность как типичные свойства характера представителей подрастающего поколения упомянул не один респондент. Это согласуется и с многочисленными результатами социологических исследований последних лет. По данным исследований Института социологии РАН, в последние годы на фоне снижения численности подростковой преступности произошло ожесточение преступлений, моло-

дые люди начали совершать более тяжкие и циничные правонарушения [На пути к преступлению, 2012]. На бытовом уровне можно привести резонансный случай с хабаровскими живоде́рками, которые искали единомышленников именно в сети Интернет.

– *«С младенчества с гаджетами в руках в Интернете! А потом из-за мелочи с десятого этажа!»* (М., 18);

– *«Мы мало общаемся друг с другом в реальности. Дружим в Интернете, знакомимся в Интернете. Не хватает живого общения!»*. (Ж., 21);

– *«В Интернете много негативной информации. Молодые люди не умеют её фильтровать, перестают понимать смысл происходящего. Вот как можно объяснить феномен селфи с трупами? Недавно в Краснодаре было затопление, парня на светофоре током убило. Молодёжь снимала и выкладывала в сеть. А одна девушка селфи на фоне трупа выложила. Это нормально?»*. (Ж., 16).

5. Для молодёжи, которая водит автомобили, значительную проблему представляют **дороги, подорожание бензина и взяточничество** со стороны сотрудников ГИБДД. Хотя по поводу последнего респонденты не всегда уверены, что это «минус». Ведь здорово, когда, катаясь без прав, пьяным за рулём, через сплошные и по 12 человек в «десятке», можно договориться. А вот дорогой бензин в нефтяной стране – это безобразие! Молодые люди приводят в пример Эмираты, Ливию и другие страны, где экспорт нефти и газа обеспечивает в первую очередь благосостояние населения. Респонденты подчёркивают, что ремонт в основном охватывает только участки федеральной трассы, что касается обычных городских, а тем более деревенских дорог, то их качество, как всегда, оставляет желать лучшего.

– *«Бензин подорожал»* (М., 17);

– *«Гаишники стали дорожке брать»* (М., 19);

– *«Каждый год дороги ремонтируют, а результат?»*
(М., 21).

6. Объединения и отдельные представители нетрадиционной сексуальной ориентации, точнее даже не они сами, а их открытая демонстрация своих склонностей вызывает недовольство и возмущение в молодёжной среде. Несмотря на то, что респонденты насчитывают в своих учебных заведениях незначительное количество «нестандартных» молодых людей, они утверждают, что такое свойство, как нетрадиционная сексуальная ориентация присуще сейчас большому количеству молодёжи. Но главное в том, что ориентация открыто демонстрируется ими в общественных местах, особенно развлекательных заведениях. Встретить геев и лесбиянок можно на дискотеках, в «нетематических» клубах, парках и других местах отдыха.

По мнению респондентов, выбор партнёра, конечно же, личное дело каждого, но СМИ, культурные центры и прочие институты социализации не должны «продвигать» эту идею, превращать её из отклонения в норму. Ведь уже сейчас для многих молодых людей вопрос ориентации стал непростым и болезненным. В нескольких учебных заведениях молодые люди самостоятельно поднимали эту тему, а потом просили её закрыть, поскольку в аудитории присутствуют однокурсники, которых она касается непосредственно.

– *«Сейчас таких очень много, куда не посмотри. Но ладно бы они ещё не демонстрировали свою специфику..., а то... да Вы сами по Красной вечером пройдите!»* (Ж., 19);

– *«В нашем техникуме много нетрадиционных, даже в группе есть»* (Ж., 16);

– *«Это проблема, потому что этого сейчас много. Слишком много, чтобы объяснять данное явление биологическими и генетическими факторами. То, что сейчас происходит с нашими ровесниками – это вовсе не те «пре-*

словутые» 6%, которые встречаются в каждом биологическом виде» (М, 23).

7. Реформы образования и здравоохранения, которые почему-то только ухудшили состояние этих сфер. Получить качественную медицинскую помощь становится всё сложнее и сложнее, на вызовы «Скорой» приезжают врачи поликлиник, а для того, чтобы обследоваться, приходится ждать в очереди месяцами, либо обращаться в отделение платных услуг.

Что касается образования, помимо ЕГЭ и сокращения бюджетных мест, респондентов волнует его качество, которое ухудшилось после того, как преподавателей «заваляли» работой с бумагами и отчётами. Теперь преподаватели и учителя, представители профессии «человек – человек» занимаются другой деятельностью, а не своим призванием, следовательно, их образовательная и воспитательная функция снижается. Кроме того, в школах и средних учебных заведениях часто встречаются специалисты, чей профессионализм оставляет желать лучшего.

– *«Качество образования просело на фоне бумажной волокиты» (М., 16);*

– *«Минобр требует от преподавателей научные труды и нормативы, а их дело преподавать, передавать знания, общаться с учениками, воспитывать» (Ж.,18);*

– *«У нас армянка русский язык вела, которая сама кое-как по-русски разговаривает. Чему может научить такой педагог?» (М., 20);*

– *«У нас в техникуме работает много талантливых педагогов, но есть и откровенно примитивные, которые свой предмет знают слабо, да и подать его не могут. Почему их держат – непонятно. Скорее всего, связи». (М., 17).*

8. Неопределённость, сложности самоопределения, неуверенность в завтрашнем дне. Молодые люди опасаются неожиданных перемен в экономике, падения рубля, сомневаются, что смогут найти достойную работу.

Некоторые из них высказывают мнение, что поведенческая «свобода», переходящая во вседозволенность, и свобода выбора в ситуации отсутствия ресурсов – не прибавляют перспектив. Вседозволенность приводит к безответственности и поведенческим отклонениям, свобода выбора без наличия необходимых ресурсов – к неопределённости.

– *«И вообще я считаю, что сейчас очень много свобод появилось по сравнению с СССР. Вот, например, закончил университет, хочешь – занимайся этим, хочешь – тем. Слишком много свобод и человек не знает, что выбрать. В итоге не занимается ничем. И это минус» (М., 21);*

– *«Свобода это и хорошо, и плохо одновременно. Свои плюсы, свои минусы» (Ж., 17).*

Что касается интересов и увлечений – молодые люди ходят в музыкальные, танцевальные и художественные школы, занимаются спортом и туризмом, читают книги. Большинство респондентов в качестве увлекательного и полезного способа времяпровождения указывали занятия различными видами спорта. На вопрос: «За что Вы реально готовы сражаться в этой жизни?» в первую очередь звучали ответы «за родных», «за друзей», «за родителей», «за свою семью» и «за Родину». Некоторые респонденты готовы сражаться за Любовь, Справедливость и Свободу. Намного реже звучали ответы «за себя», «за свою безопасность», «за свои интересы». Это в очередной раз доказывает, что молодые люди отворачиваются от эгоистической модели поведения, которая ещё не так давно доминировала в обществе. Что так изменило их взгляды? Глобальные перемены на внешнеполитической арене? Угроза войны? Негативный сценарий с беженцами, который разворачивается в странах Европы? Этот вопрос пока остаётся открытым, но очевидно одно – за последние годы в сознании молодёжи изменилось очень многое.

Глава 10

Новые и нетрадиционные религиозные движения в поликонфессиональном регионе: причины возникновения, перспективы

Религиозная свобода, которую обрела Россия в начале 90-х годов XX века, раскрывает реальное содержание религиозного сознания жителей страны. Интерес к религии, различным её видам, неискоренённый даже многолетним господством атеистической идеологии, находит выход в обращении людей не только к исторически существовавшим на территории страны конфессиям, но и к нетрадиционным, новым, возникшим совсем недавно как в России, так и за рубежом. Наряду с численным ростом православных, мусульманских, иудейских и буддийских религиозных объединений, вероисповедания которых были традиционно распространены среди населения республик бывшего Советского Союза, социологи и религиоведы с начала 90-х гг. уверенно констатируют высокую динамику роста числа новых и нетрадиционных религиозных направлений, ранее никак не представленных в религиозном пространстве страны.

Если в 1985 г. на территории Советского Союза было зарегистрировано всего 14 438 религиозных организаций, из которых 6 806 относятся к Русской Православной церкви (Московский Патриархат), то в 90-х гг. после принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» только на территории Российской Федерации было зарегистрировано уже 21 448 религиозных организаций, из которых 11 229 принадлежат Русской православной церкви. По состоянию на 1 января 1990 г. на территории Советского Союза действует 17 конфессий, из которых одна относится к новым религиозным движениям – Международное Общество сознания Кришны. В середине 90-х гг. конфессиональное разнообразие России выражается уже более чем 60 направлениями.

В 1988 г. Общество сознания Кришны регистрирует в органах юстиции свою первую религиозную организацию в СССР. Через пять лет действуют три религиозные организации, а в конце 90-х Общество сознания Кришны уже насчитывает 121 общину, 110 храмов и один строящийся монастырь. По данным Федеральной службы государственной статистики, сегодня в России действуют две централизованные религиозные организации и 76 местных религиозных организаций Общества сознания Кришны.

Если в 80-х гг. уровень религиозности в городах составлял 10–15%, а в сельской местности примерно 25–30% и выше, то есть в среднем примерно порядка 20%, то исследования, проводимые в 90-х гг., показывают уровень религиозности населения уже в диапазоне от 40 до 60% [Лопаткин, 2000]. Число молодёжи из числа активных последователей нетрадиционных религиозных объединений по разным оценкам варьируется от 70 до 90% [Григорьева, 1994; О национальной угрозе России..., 1994].

Возникновение и успешное закрепление в стране новых и нетрадиционных религиозных движений было связано с рядом причин. Рассмотрим некоторые из них. В начале 90-х гг. как такового «христианского возрождения», о котором много говорили, не происходит. Л. Митрохин характеризует этот переходный период как «религиозное мление» вырвавшихся из оков атеистической системы людей. Это становится одной из причин возникновения и высокой динамики роста нетрадиционных религий в стране. Разрушение прежней идеологии, а вместе с ней и деформация определённого набора ценностей, сопутствующих этой идеологии, образуют вакуум ценностей, стремительно заполняемый новой и нетрадиционной религиозностью. Неразборчивость руководителей страны и общества в целом в отношениях с

самыми разнообразными религиозными движениями приводит к тому, что сам Президент Советского Союза М.С. Горбачёв способствует беспрепятственному закреплению в стране нетрадиционных религий. В 1990 г. он встречается в Кремле с руководителем Ассоциации Святого Духа за объединение мирового христианства (Церковь Объединения), основанной в 50-х годах XX века Сон Мён Муном. После этой встречи с молчаливого согласия власти, а иногда и при её поддержке начинается активная миссионерская работа организации на всей территории республик Советского Союза. Церковь Объединения и её дочерние организации получают официальный доступ к системе среднего и высшего образования. В 1994 г. в более, чем двух тысячах школ России используются так называемые «нравственные учебники» Церкви Объединения. В это же время другая, не менее известная религиозная организация – Аум Синрикё организовывает в России мощнейшую рекламную кампанию стоимостью, по сегодняшним экспертным оценкам, более \$1 млн [История религий в России, 2001]. На радиостанции «Маяк» транслируется ежедневная часовая программа с проповедями Сёко Асахары, на стадионе «Олимпийский» проводятся массовые инициации новых последователей религиозной организации. Миссионерская активность зарубежных религиозных организаций не встречает противодействия со стороны институтов государства и общества, в результате чего за короткий период времени в разы увеличивается как число нетрадиционных религиозных объединений, так и число их последователей. При этом почва для распространения новых и нетрадиционных религий была подготовлена кризисными явлениями в идеологии страны ещё до её крушения. Например, преимущественно в кругу советской интеллигенции с 70-80-х гг. наблюдается увлечение религией и религиозной философией, эзотерикой, оккультизмом, разнообразными мистическими

учениями. Особое место занимает вера в НЛО, целительство, экстрасенсорные возможности, различные паранормальные явления. В середине 80-х эти учения и практики наряду с укреплением позиций традиционных религиозных организаций занимают свою особенную нишу в конфессиональном поле страны, предвосхитив популярность в 90-х гг. А. Кашпировского и А. Чумака, различных синкретических культов. Отсюда, по мнению С. Иваненко, первые восточные религиозные культы, которые создаются на территории страны в начале 70-х гг. после посещения СССР лидером Международного Общества сознания Кришны Бхактиведантой Свами Прабхупадой [Иваненко, 2008]. В 80-х гг. в определённых кругах молодёжи появляется своеобразная «мода», например, на ношение крестов, посещение церквей в крупных городах по церковным праздникам [Каарияйнен, Фурман, 2007]. Комсомол, разумеется, борется с этой модой, но «вяло». При этом вера в колдовство, общение с духами становится для части молодёжи более истинной и убеждённой, чем вера в христианские догматы. Опросы, проведённые Центром социологических исследований МГУ в середине 90-х, показывают, что в магию и колдовство верят 51% респондентов, из них 62% в возрасте 18–24 лет, 28% молодых людей верит в общение с духами [Верховский и др., 1999: 132]. По мнению определённого числа участников исследования, Бог – это скорее Высший разум, Космос, Космический разум, Высшая сила и т.д. В этом случае можно говорить о так называемой «внеконфессиональной религиозности», которая имеет место и сегодня. Это подтверждают результаты наших исследований, проводимых в 2015 и 2016 годах.

В целом, в XX в. возникновение и численный рост новых религиозных движений определяется стремительным развитием индустриального общества, что ведёт к разрушению уже установившегося традиционного

религиозного уклада жизни и, как следствие, к смене способов утверждения традиционной религиозности. Динамизм индустриального и глобализирующегося общества усиливает в нём значение новаторских тенденций, которые, в свою очередь, становятся причиной модернизации религиозных верований, возникновения новых религий. Ещё в начале века Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» говорил о том, что нет евангелий, которые были бы бессмертны, и нет основания считать, что человечество впредь будет неспособно придумывать новых.

Появлению ряда новых религиозных движений в XX в. сопутствует череда трагических событий. В коммунах Шри Бхагаван Раджниша пропагандируются наркотики, «Семья» Дэвида Берга использует проституцию как часть миссионерской работы, последователи Ананда Марга совершают самосожжения, мотивированные политическими амбициями лидера религиозного движения Саркара. 18 ноября 1978 г. более 900 человек, включая детей и младенцев, последователей «Храма Народов» преподобного Джима Джонса, совершают «революционное самоубийство» в Джонстауне; 19 апреля 1993 г. во время вооружённого противостояния с полицией на горе Кармел в г. Уэйко погибает 76 последователей религиозной организации Ветвь Давидова, которую возглавляет харизматичный лидер Дэвид Кореш (Вернон Хавелл); 17 марта 2000 г. в ожидании конца света кончают жизнь ритуальным самоубийством более 500 последователей религиозной организации «Движение за восстановление десяти заповедей Бога» в Уганде.

Несмотря на скандальную известность, а быть может в какой-то мере и благодаря ей, распространение новых религиозных движений в 70-х гг. принимает небывалый размах. Опрос фонда Гэллапа, проведённый в 1976 г. в Соединённых Штатах Америки, по вопросу вовлеченно-

сти американцев в религиозный мистицизм, показал, что 4% (6 млн чел.) вовлечены в Трансцендентальную медитацию, 3% (5 млн чел.) – в различные формы йоги, 2% (3 млн чел.) – в разнообразные формы харизматического движения, 2% считают себя мистиками, 1% (2 млн чел.) связан с некоторыми формами восточных религий, 22% населения (32 млн чел.) активно вовлечены в астрологию. Большинство тех, чьи интересы носят отмеченный выше характер, принадлежат к молодому поколению (в возрасте 18–24 года) [Цит. по: Благушкин, 1984: 217]. Результаты исследований, проводимых «Исследовательским комитетом «Социология религии» Всемирной социологической ассоциации» в 90-е годы XX в. показывают, что последователей новых или нетрадиционных религиозных движений на планете насчитывалось более 100 млн человек [Религии мира, 1994: 396].

Рассматривая феномен новых или нетрадиционных религий, необходимо учитывать, что до сих пор нет чёткого религиоведческого определения этого явления. Вопрос, по каким признакам (хронологическим, историческим и т.д.) то или иное религиозное направление может считаться традиционным, новым или нетрадиционным остаётся открытым. Вместе с тем, нетрадиционные для конкретного региона России религии могут быть традиционными для той территории, где они возникли (главным образом за рубежом), иметь там вековые исторические корни. Новые религиозные движения могут возникать как продукт эволюции или модернизации вероучения и культовой практики в традиционных религиях и претендовать на роль исключительного или истинного продолжения религиозной традиции.

Идеальными типами моделей религиозных организаций принято считать «церковь», «деноминацию», «секту» и «культ». Но при этом важно учитывать, что классическое понятие «секта» не носит уничижительного зна-

чения. Понятие «секта» происходит от латинского *secta* – школа, путь, учение, направление или *secvi* – следовать. Впоследствии в процессе внутрицерковной борьбы понятию «секта» был предан негативный смысл, его стали связывать с латинским *sectare* – разделять.

Рассмотрим эти понятия подробнее. В зависимости от своего специфического взгляда на общество и место в нем религиозной группы Э. Трельч в работе «Социальные учения христианских церквей и групп» установил существование двух организационных форм в христианстве. Он считал, что церковь и секта являются самостоятельными моделями, не порождением и не искажением одна другой. Они представляют собой разные способы социального самовыражения религиозной идеи и соответственно её восприятие с учётом своего места в обществе. Э. Трельч в своей работе опирался на тексты Нового Завета и считал, что Священное Писание предполагает расхождения в понимании религиозной идеи, её этических требований, что оформляется в различных моделях религиозной организации. Разделяя подход Э. Трельча, М. Вебер разработал социологическое понимание «секты» и «церкви», сопоставляя их по *трьём группам признаков*: во-первых, *отношение к обществу* – церковь не противопоставляет себя обществу, наоборот, она стремится к гармонии в отношениях со светской властью и обществом. Более того, исторически церковь вынуждена была идти на компромисс с обществом, теологически обосновывая этот компромисс в обмен на защиту своих интересов государством. Секта, напротив, не стремится к универсальности и компромиссу с обществом, она осуждает «мирские» порядки, теологически ориентирована на фундаментализм, где акцент делается на восстановление или обладание истинного выражения веры.

Во-вторых, *критерий членства*. Церковь обращается ко всем членам общества и открыта для них. Логическое

следствие – право на крещение в детском возрасте. Умеренные требования к членам церкви при осуществлении специфических церковных действий. Секта, наоборот, закрыта. Обращение происходит не при рождении человека, а по сознательному выбору веры. Оно базируется на принципе избранности членов. Практикуется суровость нравов, аскетизм и самоограничения в быту. В работе «Протестантские секты и дух капитализма» М. Вебер писал: «Секта является волюнтаристским объединением лишь достойных (по идеи) в религиозно-этическом отношении людей, квалифицированных в качестве таковых и добровольно вступивших в это объединение, при условии столь же добровольно данного им разрешения, ввиду их доказанной религиозной избранности» [Вебер, 1990].

В-третьих, *организационная структура*. Секта отличается от церкви отсутствием бюрократической организации, богослужения менее форматизированы и более эмоциональны. Во главе секты, как правило, стоит харизматический лидер, в церкви, наоборот, специально подготовленное профессиональное духовенство.

Учитывая многообразие религиозных организаций, американский протестантский теолог Р. Нибурн ввёл в научный оборот понятие «деноминация». По его мнению, деноминация представляет собой закономерный этап эволюции религиозной группы от секты к церкви. При этом важно учитывать, что Р. Нибурн рассматривал этот тип религиозной организации применительно к христианству. Опираясь на работы Э. Трельча и М. Вебера, он пришёл к выводу, что секта способна существовать лишь во временном пространстве одного поколения, после чего она переходит в другую фазу своего организационного развития – в деноминацию.

Наряду с такими типами религиозных организаций как секта, деноминация и церковь социолог Г. Беккер выделил такую форму религии, которая может существо-

вать за счёт харизматического лидера и энтузиазма приверженцев, не имея при этом никакой организационной структуры, назвав это тип религиозного объединения «культом». Английский социолог религии Дж. Йингер определил культ как «небольшую религиозную группу с неразвитой организационной структурой и харизматическим лидером».

Культ, в отличие от секты, не опирается на определённую религиозную традицию, не апеллирует к письменным источникам, а предстаёт как новая, передовая религия. Если секты ориентированы на совершенствование религиозной традиции, в недрах которой они возникли, обращая её к истокам, то культы такую традицию не признают.

В отечественном религиоведении и социологии религии понятие «культ» применяется к различным религиозным новообразованиям. Отечественный религиовед И. Кантеров, опираясь на определения Г. Беккера, Дж. Йингера и английского исследователя «новых религиозных движений» Дж. Нельсона, определяет культ как группы, члены которых объединены исключительно духовными отношениями, не связаны с группой организационно, дисциплина и всякие обязательства по отношению к группе отсутствуют. Примерами культов могут служить группы, ориентированные на увлечение астрологией, спиритуализмом, теософией, восточными религиозно-философскими школами и т.д.

Разумеется, предложенная типология религиозных организаций в определённой мере условна и не может охватить всего религиозного многообразия. Более того, типология «секта-церковь» может быть применима лишь в отношении религий, сформированных, по М. Веберу, «пророками спасения» т.е. к иудаизму, христианству и исламу. Использование этой типологии в отношении, на-

пример, восточных религий, где принципиально отсутствует ортодоксия, представляется некорректным.

Само понятие «нетрадиционные религии», введенное в отечественном религиоведении ещё в 70-х гг. Л. Митрохиным как общее и достаточно условное обозначение современных религиозных объединений, которые противостоят «официальным и господствующим религиям», остаётся по-прежнему дискуссионным. Однако использование его в исключительно классификационном смысле позволяет вычлнить из всего многообразия религиозных направлений, действующих в стране, чья история существования в Российской Федерации свидетельствует о принадлежности к современным религиям. Очевидно, что не имеет смысла сравнивать историческое значение Русской православной церкви, оказавшей глубокое влияние на развитие страны – её государственности, геополитической ориентации, культуры – и, например, кришнаитов или Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, появившихся на территории страны недавно.

Другим, не менее дискуссионным определением, является термин «новые религиозные движения» (НРД). Своим возникновением термин «новые религиозные движения» обязан английскому социологу Э. Баркер, её работам по исследованиям новых форм религиозности в 80-90-х гг. прошлого века. Баркер провела значительную работу по изучению новых религиозных движений «изнутри», например, таких как Церковь Объединения в период её экономического и политического расцвета. Выступая «нейтральным аутсайдером» в ряде новых религиозных движений, Баркер описала общие черты присущие новым религиозным движениям, портрет последователей, особенности и перспективы этого явления.

Новое религиозное движение – это религиозное объединение, имеющие такие признаки, как вероиспове-

дание, осуществление богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, миссионерскую деятельность, обучение религии, религиозное воспитание последователей (что принципиально относится к любому религиозному объединению). Вместе с тем, новые религиозные движения имеют отличное от исторических или традиционных религий вероучение и культовую практику. Они предлагают принципиальные дополнения или изменения в существующем вероучении. Руководители (создатели) новых религиозных движений при жизни признаются их последователями мессиями, святыми или богами. Лидеры новых религиозных движений обладают в общине неограниченной властью и авторитетом, новое вероучение признаётся единственно истинным, критика со стороны других религиозных организаций и общественных структур воспринимается как гонение на праведников, носителей абсолютной истины. Хронологические признаки новых религиозных культов и движений по-прежнему остаются дискуссионным вопросом. Например, если допустить, что новые религии – это образования одного поколения или двух поколений верующих, но тогда мормоны, Вера Бахаи, сайентологи, последователи Муна и ещё целая плеяда религиозных движений, традиционно относимых к новым религиозным движениям, таковыми не являются. Более того, если обратится к истории религии, то христианство, возникшее в лоне иудаизма и использовавшее базу религиозного наследия Пятикнижия, являлось на момент своего появления новым религиозным движением со всеми присущими ему чертами в начале своего становления. Соответственно к следующему поколению новых религиозных движений можно отнести ислам, использующий в некоторой степени религиозное наследие иудаизма и христианства, но развивающийся самостоятельно, ещё больше усугубляя, таким образом, терминологическую неопределённость этого явления.

Условно «новые религиозные движения» можно обозначить как возникшие во второй половине XX в. конфессии, религиозные группы, духовные течения, церкви, на которых отразились процессы модернизации религии. Опираясь на определённую религиозную традицию или синкретизм нескольких традиций, новые религиозные движения создают новое вероучение, культ, организацию. Организация является самостоятельной и независимой от какого-либо центра. Создатель организации считается «мессией». По мнению многих исследователей, новые религиозные движения – это часть молодёжных движений, возникших в среде интеллектуальных слоёв населения.

С определённой долей условности для новых религиозных движений характерны следующие черты:

– Общину возглавляет харизматический лидер, который уверяет, будто он получил новое уникальное «откровение» относительно Бога и реальности. По мнению такого лидера, каждый, кто не разделяет его взглядов, не просто заблуждается, но и является врагом нового «откровения».

– Создаётся особая «семья», община или коммуна, в которой лидера организации воспринимают как мессию. Зачастую вступающие в объединение неопиты принимают новые имена, отказываются от собственного имущества, профессиональной карьеры, разрывают социальные связи, меняют место жительства.

– Для последователей устанавливаются обязательные нормы поведения, распорядок дня чётко регламентирован.

– Зачастую члены объединения находятся в ожидании неизбежного апокалипсиса. Мысль о конце света в некоторых организациях занимает центральное место в новом «откровении».

– К неофитам применяется определённая техника психологического контроля над поведением. Практикуется изоляция от внешнего мира, сектантская замкнутость. Последователи объединения рассматривают такую технику как религиозную дисциплину. Люди, к нему не принадлежащие, как правило, расценивают её в качестве методики «промывания мозгов» или контроля сознания.

При этом необходимо сделать одно отступление. Все приведённые выше черты в целом присущи большинству новых религиозных движений, но, как правило, в самом начале их развития. По истечении определённого времени новые религиозные движения, переступившие первый этап своей жизни, отказываются от чётких сектантских черт замкнутости, радикального выделения своих последователей из общества, аскетизма и чрезмерной религиозной воинственности. Они стремятся к респектабельности, стараясь занять своё особое место в религиозной, экономической, а зачастую и в политической жизни общества. Примерами таких организаций могут служить Ассоциация Святого Духа за Объединение мирового христианства или Международная Сайентологическая Церковь. Но есть и такие, которые не могут переступить первый этап своего развития. Это значительное число самых разнообразных религиозных групп и движений, чья деятельность впоследствии ограничивается «кружками по интересам» или вовсе сходит на нет. Но существует и такой сценарий, согласно которому религиозная группа превращается в социально опасное объединение, несущее ответственность за организацию массовых беспорядков, убийств, массовых самоубийств, террористических актов, иных противоправных действий.

Конфликт с обществом или другими религиозными организациями (преимущественно традиционными для определённой территории) присущ новым религиозным

движениям не только в начале их образования, но и в процессе их развития.

Немаловажную (если не главную) роль в конфликте играют и харизматические лидеры. Трагедии в Оклахома-сити или Джонстауне были связаны не с религиозным учением организаций, а волей и действием их лидеров.

Общепринятая типология новых религиозных движений как в отечественном, так и в зарубежном религиоведении на сегодняшний день отсутствует.

Представители разных школ условно разделяют новые религиозные движения на религиозные культы и движения восточного происхождения, оккультно-мистические учения и школы Нью Эйдж, интерконфессиональные религиозные образования, религиозные организации западно-христианской ориентации, отечественного происхождения. Некоторые из них уходят корнями в христианство, в ислам, в буддизм, иудаизм, суфизм, синто и т.д. Кроме того, существуют язычники и неоязычники, ведьмы и колдуны, оккультные и эзотерические культы, организации и группы, концентрирующиеся на человеческих возможностях, уфологи, сатанисты и пр.

Существующее разнообразие как классификаций новых религиозных движений, так и определений принадлежности различных религиозных организаций к новым религиозным движениям создают дополнительные сложности в изучении этого явления. Например, в ряде источников Церковь Иисуса Христа святых последних дней, Свидетелей Иеговы, Бахаизм и др. относят к новым религиозным движениям. Однако, во-первых, как уже говорилось выше, новые религиозные движения – это религиозные организации, возникшие в середине XX в.; во-вторых, новые религиозные движения есть новообразования первого поколения. Однако, возникнув на культурно-исторической почве протестантизма, международ-

ная религиозная организация Церковь Иисуса Христа святых последних дней была образована 6 апреля 1830 г. как религиозная группа «Церковь Христа», международная религиозная организация Свидетели Иеговы в 1870 г. как общество «Исследователей Библии», Бахаизм как религия в исламской шиитской среде в 1844 г., когда Мирза Хусейн Али Нури, прозванный Бахауллой, провозгласил себя пророком новой религии. Таким образом, учитывая время возникновения Мормонов, Свидетелей Иеговы, Христианской Науки и других религиозных организаций, возникших гораздо раньше, например, пятидесятничества, назвать новыми религиозными движениями опираясь на предложенное определение (НРД), нельзя. Это вероятно самый серьезный недостаток существующего определения новых религиозных движений.

Новые религиозные движения, возникшие в XIX в. или, условно, новые религиозные движения первой волны, преимущественно происходят из иудео-христианской традиции. Новые религиозные движения второй волны, возникшие в XX в., уходят своими корнями почти во все национальные и мировые религии, во все мировые традиции.

В завершении первой части хотелось бы привести мнение социолога А. Баркера, о том, что самое важное обобщение, которое можно сделать в отношении новых религиозных движений заключается в невозможности их обобщения кем-либо [Баркер А., 1997].

На территории Краснодарского края, как и по стране в целом, новые и нетрадиционные религиозные движения появляются в конце 80-х начале 90-х гг. прошлого века. При этом важно подчеркнуть, что активность нетрадиционных религиозных движений представляет своеобразный цикл. Пик активности можно было наблюдать в конце 80-х начале 90-х. После незначительного затишья в середине 90-х и начале 2000-х годов, в середине

2000-х наблюдается новый всплеск активности новых и нетрадиционных религий.

Чтобы представить изменения, происходящие в 90-х г. в конфессиональном поле региона, необходимо обратить внимание на новые и нетрадиционные религиозные движения, которые в нём появились. Вот некоторые из них:

- Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства, которая действовала как Краснодарская краевая общественная организация «Федерация молодежи за мир во всём мире»;

- Миссия Чайтаньи (Институт Знания о Тожественности);

- Брахма Кумарис (Всемирный Духовный Университет) Дада Лекх Раджи;

- Шри Чинмой;

- Фалуньгун;

- Общество последователей Порфирия Иванова;

- группа Шри Джнан Аватар Муни (Шамбала);

- Трансцендентальная медитация (Университет Махариши);

- группа Инби;

- группа Шри Кальки Бхагаван;

- Сатья Саи Баба;

- Сант Кирпал Сингх Сюраб Шабд Йога;

- Краснодарский Центр Итегральной йоги Джью Тир Майя Нада;

- Центр Йоги Парашакти;

- Центр Йоги Шри Шанкара;

- «Православная Славянская община «Век Ра» (Ведической Культуры Российских Ариев) Древнерусской Инглической церкви Православных Староверов-Инглингов Скифской Веси Рассении»;

- «Церковь Вселенская и Торжествующая» («Братство Фиолетового Пламени» г. Краснодар);
- «Новый взгляд на жизнь» (Международная Сайентологическая Церковь);
- Сахаджа Йога;
- Восточное Рериховское Общество Урусвати;
- Школа Планетарного Логоса (Иерархическая школа огня духа);
- религиозная группа неоязыческой ориентации «Славянское наследие» (г. Новороссийск);
- Православная Родоверческая Академия Вероведания (ПРАВЬ);
- последователи Ошо движения, Общество Саньясинов (Шри Бхгаван Раджниш) и др.

Параллельно действуют различные объединения, представляющие философские движения, клубы, кружки по интересам, являющиеся, по сути, религиозными группами, но при этом публично с религией себя никак не позиционирующие. В их числе – группа «Радостея», «ВсеЯСветная грамота», Школа бикорректоров по методике Бронникова, различные группы, работающие по методикам Норбекова, Файзулина, Фотиной и др [Ембулаева, Зуб, 2001; Спирина, Рудаков, 2004; Рудаков, 2007].

Всего к началу 2000 г. на территории края действует около 100 религиозных групп, относящихся к новым религиозным движениям, распределяющихся более чем по 30 направлениям [Вопросы религии..., 2010: 172].

С Краснодарским краем связана история таких влиятельных новых религиозных объединений как Церковь Божьей Матери «Державная» (Богородичный центр) и Церковь Последнего Завета.

В 1985 г. в пригороде Краснодара, в катакомбном монастыре, тайный синод в составе схимитрополита Геннадия (Секача) и схимитрополита Первоиерарха «серо-

фимо-геннадиевской» ветви Российской Катакомбной Церкви Феодосия (Гуменникова) постригает в монахи и рукополагает в сан иерея Истинно Православной Церкви Вениамина Яковлевича Бериславского (в монашестве – Иоанн), который шесть лет спустя создаёт новое религиозное движение Церковь Божьей Матери «Державная».

Органы юстиции в начале 2000 г. регистрируют две местные религиозные организации Церкви Божьей Матери «Державная» в Краснодаре и Новороссийске.

В 1961 г. в Краснодарском крае родился Сергей Анатольевич Тороп – «Новый мессия, Сын Божий, проповедник Духа Святого Великой Мудрости и Творца – Виссарион» – создатель другого не менее известного нового религиозного движения Церковь Последнего Завета. В священном писании движения «Последнем Завете» уделяется внимание Краснодару как родному городу мессии. В январе 1991 г. Сергей Тороп якобы принимает крещение от небесного Отца под знаком Единой объединяющей веры, которая объединяет в себе все существующие религии. А уже 18 августа 1991 г., согласно версии церкви, «впервые прозвучало Предвозвещенье – Слово Виссариона, через которое человечеству были переданы от Отца Небесного основы Учения Единой Веры (Последний Завет)»¹⁶.

В 1994 г. создаётся Община Единой Веры в городе Минусинске Красноярского края. В сентябре 1995 г. община преобразована в Церковь Последнего Завета. В апреле 1995 г. у основания горы Сухая, над озером Тиберкуль общиной заложен город. Первоначальные названия – Город Солнца, Новый Иерусалим, Город Мастеров. В августе 1998 г. поселение получает окончательное название – «Обитель Рассвета».

¹⁶ Информационный буклет Церкви Последнего Завета. Красноярск. С.2. (Архив М.Г. Рудакова).

Последователями Виссариона в 1994 г. создаётся первая Община Единой Веры в Краснодаре, а в 1995 г. религиозная организация Церковь Последнего Завета в Краснодарском крае. Через пять лет на территории края действуют уже 4 местные религиозные организации.

Но в 2005 г. все религиозные организации Церкви Последнего Завета, действовавшие до этого на территории края, закрываются. Значительное число последователей Виссариона переезжает в Красноярский край в «Обитель Рассвета». Со слов Д. Сопельникова, который с 2004 г. является руководителем общины Церкви Последнего Завета в Краснодарском крае, в период с 1999 до 2005 года в Минусинск, продав имущество, переехало около 30 семей (более 500 последователей церкви).

5 июня 1991 г. создаётся первая община Общества сознания Кришны в Краснодаре. 9 марта 1995 г. она проходит перерегистрацию в органах юстиции как Кубанское Общество сознания Кришны. С начала 90-х гг. начинается активная миссионерская работа в городах и районах Краснодарского края. В станице Елизаветинской создаётся Ашрам.

В официальных документах организации говорится: «Кубанское общество сознания Кришны является культурной, религиозной и, в основном, благотворительной общественной организацией, официально зарегистрированной в органах министерства юстиции России»¹⁷. Начиная с 1991 г. кришнаиты организуют бесплатные обеды для малоимущих в кафе «Морозко» на улице Красной, затем в станице Григорьевской. В течение следующих 15-ти месяцев в кинотеатре «Виктор» города Краснодара еженедельно раздаются нуждающимся до 600 порций горячих обедов, а в станице Елизаветинской 150–200 порций в неделю. На различных общегородских

¹⁷ISKON. Кубанское общество Сознания Кришны от 18.01.1996 № 035. (Архив М.Г. Рудакова).

праздниках бесплатно раздаются торты и различные сладости. Только в течение 1991 г. кришнаитами было роздано 2100 кг тортов¹⁸. Наряду с благотворительностью осуществляется и активное распространение вероучения. В отчёте Сочинского общества сознания Кришны говорится следующее: «Распространено более 70 тысяч книг, журналов духовной литературы в регионе Адлер, Сочи, Туапсе. Так, например, только за 1996 г. сочинские проповедники распространили 10 250 книг, осуществляя проповедь Сознания Бога. Проведены три фестиваля, в том числе один международный Благотворительный фестиваль «Духовность, Образование, Благотворительность»; 11 концертов, в том числе три выездных: в Сухуми, в Краснодаре и во Владикавказе с участием духовных учителей и учёных санскритологов. Проведено более 800 лекций и благотворительных программ с раздачей освящённой пищи и распространением духовной литературы»¹⁹.

Деятельность кришнаитов, экзотическая одежда, специфическая манера поведения в общественных местах вызывает к ним интерес, но вместе с тем и неприятие как со стороны местного населения, так и со стороны православной церкви и казачества. Вечером 27 ноября 1996 г. происходит конфликт между последователями общества сознания Кришны и казаками. В ноябрьском номере «Краснодарских известий» ситуация представляется следующим образом: «Всё происходило под предлогом проверки паспортного режима. Казаки, пожелавшие остаться неизвестными и отказавшиеся предъявить разрешение на проверку, обрушили поток издевательств и угроз на находившихся здесь монахов и прихожан. Некоторые из ворвавшихся, по утверждению кришнаитов, были пьяны,

¹⁸ ISKON. Сочинское общество Сознания Кришны от 02.06.1998 года. (Архив М.Г. Рудакова).

¹⁹ ISKON. Сочинское общество Сознания Кришны от 02.06.1998 г. (Архив М.Г. Рудакова).

курили в храмовой комнате и сыпали нецензурной бранью» [Логинов, 1996]. Но, по мнению другой стороны, изложенные в статье сведения не соответствуют действительности. Проверка паспортного режима действительно имела место, но казаки и представители правоохранительных органов вели себя корректно. Позже, на заседании правления казачьего общества «Елизаветин курень», Председатель Совета стариков казачьего общества В. Левченко в рамках своего выступления выразил возмущение заполнением станицы «сектами различного толка», их навязчивой миссионерской деятельностью, вовлечением в свои ряды молодых людей. По его мнению, последователи Общества сознания Кришны «своим внешним видом и поведением в станице провоцируют жителей на противоправные действия»²⁰. Очевидно, что мнение В. Левченко имеет серьёзное основание. Миссионерская активность последователей Общества сознания Кришны именно в этот период времени принимает небывалый размах, а реакция местного населения на мероприятия организации последователями игнорируется.

В 1996 г. Владимиром Николаевичем Пузаковым (псевдоним Владимир Мегре) написана книга «Анастасия». Это первая из десяти книг, входящих в серию «Звенящие кедры России», о якобы живущей в сибирской тайге девушке, обладающей сверхъестественными способностями. В своих работах Мегре обращает внимание на сохранение природы, защиту окружающей среды, уделяя вместе с тем особое место «учению о контактёрстве» (общению с духами), «воссозданию Шамбалы» (святого места), где главная героиня Анастасия отождествляется с Богом.

Идеи, изложенные в книгах В. Мегре, находят воплощение в движении анастасиевцев, генеральной линии

²⁰ Выписка из протокола заседания правления казачьего общества «Елизаветин курень» за № 45 от 18.12.1996 г. (Архив М.Г. Рудакова).

ей которого декларируется создание экологически чистых родовых поместий и поселений.

Согласно учению В. Мегре, Родовое поместье – это участок земли для постоянного проживания семьи размером в один гектар (100х100 м), на котором семья может построить свой дом, посадить Родовое дерево, собственный лес, сад и огород, обустроить пруд. По периметру Родовое поместье ограждается живой изгородью из лесных культур – кедра, хвойных и лиственных деревьев, кустарников.

Родовое поселение – это группа близко расположенных родовых поместий, владельцы которых объединены в общее партнёрство для совместного обустройства родового поселения, создания соответствующей инфраструктуры: административных, образовательных, медицинских, культурных, спортивных и иных общественных объектов и учреждений. Оптимальное экопоселение, по мнению последователей движения, должно насчитывать до 10 семей (площадь земельного участка на 1 семью – 1 га) и иметь свою инфраструктуру.

В 2016 г. последователями движения создаётся политическая партия «Родная партия». В пп. 1, 2 Статьи 2 Устава партии говорится, что Партия создана и осуществляет свою деятельность для реализации следующих основных целей:

- возвращение народу образа жизни и обрядов, способных навечно в семьях сохранять любовь;
- совершенствование среды обитания для нынешних и будущих поколений через создание родовых поместий и поселений из них состоящих [Устав Родной партии, 2017].

В Краснодарском крае первая организация анастасиевцев как юридическое лицо создаётся 27 мая 1997 г. в Геленджике под названием Краснодарская краевая общественная организация «Анастасия». 15 ноября 2001 г. в

Краснодаре создаётся другая краевая общественная организация «Сотвори своё будущее». При организации действует читательский клуб «В луче Анастасии», где ведётся активное распространение учения В. Мегре. 4 марта 2003 г. в Геленджике создаётся краевая общественная организация «Звенящие Кедры», параллельно – Ассоциация «Дети-колокольчики Святой Руси», в Сочи – Ассоциация крестьянских и фермерских хозяйств, в Новороссийске – Центр «Чистые помыслы».

Одновременно с регистрацией организаций в органах юстиции в муниципальных образованиях края создаются клубы движения. В Новороссийске и Сочи – клуб «Анастасия», в станице Брюховецкой клуб «Пилигрим». В Туапсинском районе под влиянием проникновения в учение Мегре элементов неоязычества создаётся религиозно-культурологическая группа «Радастея». А слияние учения Мегре и восточных религий (элементов буддизма и вайшнавизма) становится причиной появления театра «Лотос» в Новороссийске. С 2002 г. деятельность движения заметно активизируется. В Геленджике проводятся ежегодные общероссийские и международные читательские конференции, посвящённые творчеству В. Мегре. В 2002–2003 гг. организованы детские фестивали «Звенящие кедры – детям» в Туапсинском районе. С 2004 г. движение «Анастасия» проводит экономические форумы, где обсуждаются вопросы создания экопоселений с рассмотрением проектов, подтверждённых экономическими расчётами.

Ассоциация Святого Духа за Объединение мирового христианства в середине 90-х гг. была представлена двумя малочисленными, но активными религиозными группами. Возраст большинства последователей не превышает 30 лет. 29 июля 1999 г. Министерство юстиции регистрирует Краснодарскую краевую общественную организацию «Федерация молодёжи за мир во всём мире», которая

с 2002 г. реализует на территории края программу «Service for Peace», разработанную сыном преподобного Муна – Хен Джин Муном. Презентация программы состоялась 30 ноября 2002 г. в Доме учёных г. Краснодара, где присутствовало более 60 человек из числа студенческой молодёжи. В апреле 2004 г. в краснодарском Доме учёных организацией проводится отборочный тур конкурса «Мистер и мисс Университет – 2004». В кастинге принимают участие студенты высших учебных заведений Краснодара и Ростова-на-Дону. На конкурсе оцениваются не только внешность претендентов на звание Мистера и Мисс, но и личные качества, заслуги перед вузом, достижения в учёбе. Организация просуществовала до 2008 г. В процессе её деятельности мало кто догадывался о том, что актив «Федерации молодёжи за мир во всём мире» представляли те же люди, что и Движение Объединения, которое в свою очередь являлось дочерним подразделением Церкви Объединения (Ассоциации Святого Духа за Объединение Мирового Христианства).

С 2000 г. в различные инстанции начинают поступать обращения граждан, чьи родственники вовлечены в деятельность Движения Объединения. Со слов заявителей, у их родственников, молодых людей, заметно меняется поведение, отношение к семье, учёбе, профессиональной карьере. Комитетом по делам молодёжи Краснодарского края совместно со средствами массовой информации и правоохранительными органами проводится кампания по профилактике распространения в молодёжной среде новых и нетрадиционных религиозных движений, деятельность которых вызывает раздражение в определённых кругах населения. В рамках кампании проводятся круглые столы и семинары в образовательных учреждениях, привлекаются представители научного сообщества и традиционных религиозных организаций, разрабатываются информационные материалы об опасности

деятельности ряда нетрадиционных религий. На ГТРК «Кубань» выходит документальный фильм «Охота за разумом» (автор идеи и ведущая Е. Кудрявцева) о деятельности Движения Объединения и ККОО «Федерация молодёжи за мир во всём мире» в Краснодарском крае. В передаче принимают участие граждане, чьи родственники вовлечены в деятельность Движения Объединения, а также бывшие члены организации. Несмотря на жёсткость формулировок, допущенных как журналистами, так и непосредственными участниками передачи, реакции на выход фильма и его трансляцию по краевому телевидению со стороны ККОО «Федерация молодёжи за мир во всём мире» не происходит. Более того, наблюдается постепенный спад активности организации вплоть до её закрытия 28 июля 2008 г. Миссионерская активность Движения Объединения продолжается через малочисленные группы последователей и активистов ростовского отделения «Федерации молодёжи за мир во всём мире». Но добиться прежних успехов в миссионерской деятельности Движению Объединения на Кубани не удаётся.

Другое новое религиозное движение – Сант Мат Сюррат Шабд Йога, действующее под видом общественной организации, – создаётся на Кубани в конце 90-х гг. Органы юстиции регистрируют Краснодарскую краевую общественную организацию «Йога – путь всестороннего воспитания человека». Деятельность Сант Мат с первых дней своего существования начинается со скандалов. В июле 1999 г. в станице Щербиновской Северского района Краснодарского края последователи Сант Мат организуют экспериментальный закрытый детский лагерь (Ритрит). Идея создания лагеря принадлежит одной из последовательниц и активных пропагандистов учения лидера Сант Мат Такара Сингха Ирине Бонер. Все участники экспериментального лагеря являются членами общины, в их числе восемь детей. В лагере практикуются

восьмичасовые медитации и сатсанг. После неоднократных обращений жителей района в местную администрацию с требованиями проверить законность деятельности Ритрита, лагерь закрывают. Причём во время появления наряда милиции 31 декабря 1999 г. на территории лагеря некоторые последователи организации предпринимают попытку оказать сопротивление представителям власти.

В 2002 г. группа Сант Мат проводит ряд мероприятий в городах и районах Краснодарского края. В рекламных буклетах указывается, что мероприятия проводятся религиозной группой Сант Мат при поддержке Краснодарской краевой общественной организацией «Йога – путь всестороннего воспитания человека», т.е. по сути представленными одними и теми же людьми.

Несколько слов об учении. Сант Мат переводится как «Святой путь», который, согласно учению, характеризуется двумя необходимыми принципами, а именно, живущим компетентным мастером и регулярными медитациями на внутренний Свет и Звук. Сант Мат Сюрат Шабд Йога определяется последователями следующим образом: соединение Сюрат (сознание или душа) с Шабдом (звуковым принципом, звуковым потоком или Богом действия), что само по себе и является внутренним опытом души, и опыт этот превосходит все доступные знания. «Жизнь и Свет могут появиться только от Жизненного Импульса Мастера – Святого. Его милостивого взгляда более чем достаточно, чтобы пробудить в ученике Высшую Жизнь» [Сант Кирпал Сингх, 1998].

В начале 90-х гг. на территории Краснодарского края появляются первые миссионеры Международной Саентологической Церкви. В 1994 г. в Краснодаре создаются «Центр Дианетики» и «Центр прикладной философии Магнетики». В 1999 г. они официально прекращают свою деятельность. Однако с 2003 г. материалы и печатные издания Церкви Саентологии регулярно рассылаются из

штаб-квартиры в Брюсселе (Бельгия) в административные учреждения Краснодара. В 2006 г. в Крымске начинает действовать «Центр прикладного образования «Успех», который наряду с репетиторством для школьников проводит спецкурсы по методикам создателя Церкви Лафайета Рона Хаббарда. В 2006 г. в Краснодаре создаётся религиозная группа «Новый взгляд на жизнь» с целью преобразования её в дальнейшем в религиозную организацию.

На сегодняшний день на территории Краснодарского края действует саентологическое объединение «Центр эффективности личности». При торжественном открытии Центра 9 декабря 2012 г. на территории Краснодара состоялось выступление ансамбля кубанских казаков. Впоследствии руководитель ансамбля заявил, что не знал, с кем имеет дело, а своё участие в мероприятии считает ошибкой. Ситуацию также прокомментировал архимандрит Трифон (Плотников), возглавлявший в 2012 г. отдел по взаимодействию со СМИ Екатеринодарской и Кубанской епархии Русской православной церкви. По его словам, саентологи обманули людей с целью создания видимости, что и казаки за них [Кубанские казаки открылись..., 2012].

Ещё одной формой новой религиозности можно считать возникновение различных культурологических, религиозно-философских и других клубов, обществ и организаций. Их возникновение было связано с именами и творчеством Карлоса Кастанеды, Елены Блаватской, Николая и Елены Рерихов и др.

Так, в сентябре 1991 г. в Сочи образована общественная организация Сочинское городское Рериховское общество «Живая Этика». Со слов руководителя организации, общество являлось самостоятельным движением, организационно не связанным с другими рериховскими

обществами, однако входящим в состав Международного Центра Рерихов в Москве.

В сентябре 2000 г. органы юстиции регистрируют другую рериховскую организацию – Восточное рериховское общество «Урусвати». К слову общественная организация с таким же названием и уставными целями – Восточное рериховское общество «Урусвати» города Волгограда – была ликвидирована решением Ленинского суда от 3 сентября 1999 г. за систематические нарушения уставной деятельности. В это же время Краснодарское отделение дистанцируется от Волгоградских коллег из-за философско-религиозных разногласий.

Основой деятельности «Живой Этики» и «Урусвати» являлись теософские и антропософские труды Е. и Н. Рерихов Е. Блаватской, А. Клизовского, Р. Штайнера и других.

Говоря о новых религиозных движениях на Кубани, нельзя не упомянуть о мормонах. В феврале 1990 г. в городе Сочи старейшиной Дэнисом Б. Начвайдером крещены первые последователи на Кубани Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. В начале 1991 г. были крещены ещё два человека: один – в Геленджике, второй – в Краснодаре. Но принципиально деятельность Церкви Иисуса Христа Святых последних дней начинается после обращения в 1994 г. в Солт-Лейк-Сити двух жителей Брюховецкого района, крещённых ещё в 1986 г. в Германии, с просьбой об осуществлении церковью регулярной работы на территории Краснодарского края.

В 2000 г. на территории края действует уже пять приходов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, из которых два располагаются в Краснодаре и по одному в городе Сочи, Новороссийске и Туапсе. Все пять приходов подчинены Российской Ростовской-на-Дону миссии, которую возглавляет Президент Альберт Аумейстер. Церковные мероприятия проводятся в арендуемых по-

мещениях. Например, Центральный и Карасунский приходы Краснодара арендует помещение в Доме учёных. Общее число последователей в то время превышает 1000 человек.

В середине 90-х гг. на территории создаются неоязыческие объединения. Наиболее крупными направлениями славянских верований являются староверие и родноверие. К староверам относят себя инглинги, хотя инглизм, как и родноверие (родолюбие, родобожие, добролюбие) считают новыми религиозными движениями и относят к неоязычеству [Религиоведение, 2006].

Наиболее влиятельным направлением в регионе в 90-х гг. становятся инглинги. Все начинается с того, когда в начале 90-х в Омске Красноярского края Александром Хиневичем (общинное имя – Коловрат) создаётся Древнерусская инглистическая церковь православных староверов-инглингов – «Джива Храм Инглии». Высшим церковным органом Духовного Управления Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов становится Духовная Миссионерия Орден-Миссия «Джива – Храм Инглии». Несколько позже создаются союзные религиозные объединения – «Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов Инглингов» и «Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов Инглингов».

В конце 1993 г. создаётся духовная семинария инглингов, а также воскресная храмовая школа «Мидгард». Обучение в этих заведениях проходит в обстановке секретности, знания даются ограниченными порциями по мере продвижения верующего по уровням внутренней иерархии. В семинариях учатся как очно, так и заочно.

Эти учебные заведения окончили будущие лидеры неоязычества на Кубани Игорь Глоба (общинное имя Всеслав) и Алексей Трехлебов (общинное имя Ведагор). В 2000 г. ими создаются первые общины инглингов в Краснодарском крае. Это т.н. Православная Славянская община «Век Ра» (Ведической культуры Российских Ариев) Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов Скифской Веси Рассении (объединение Ордена-Миссии «Джива – Храм Инглии в пос. Мезмай Апшеронского района). Объединение возглавляет Алексей Трехлебов и т.н. Краснодарская Православная Славянская община «Век Ра» (Ведической Культуры Российских Ариев) Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов Скифской Веси Рассении (объединение Ордена-Миссии «Джива – Храм Инглии»), которую возглавляет Игорь Глоба. Объединение в апреле 2003 г. подаёт уведомление в администрацию города Краснодара о создании религиозной группы с вышеназванным наименованием.

Несколько слов о лидерах. Игорь Глоба – ведический психолог, основатель и главный редактор журналов «Ведическая культура» и «Родобожие». В 1990 г. возглавляет Краснодарский краевой Центр Духовной Культуры. Автор и ведущий цикла передач «Глобальный взгляд: Невероятное и очевидное», выходивших на краснодарском телеканале «Синтез-ТВ» в 2003 г. Алексеем Трехлебов – исследователь древней и современной культуры, традиций народов мира (в том числе славянских народов), имеет титул священнослужителя буддизма (в сане Галдзен Ламы, что означает «Океан Мудрости»), автор книг по духовному наследию Славянских Ариев. Некоторые из них – «Кощуны Финиста Ясного Сокола России» включены в федеральный список экстремистских материалов.

В 2002 г. Министерством юстиции РФ проводится экспертное исследование краснодарской религиозной

группы, её вероучения, соответствующей ему практике, истории деятельности и других особенностей. Заключение Государственной религиоведческой экспертизы Министерства юстиции РФ от 4 апреля 2002 г. установлено, что доктрина «Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов» содержит идею расового превосходства, члены Общины наделяются особыми качествами, а на вступление в неё вводятся ограничения расового характера. Также, заключением установлено, что одним из важнейших элементов символики Общины является солярный знак (свастика), которая использовалась немецкими и итальянскими фашистами во время Второй мировой войны, а также позднее неофашистами. Как элемент культовой практики общинниками принят жест – вскидывание правой руки вверх, полностью идентичный фашистскому приветствию.

Выводы экспертизы используются прокуратурой при обращении в суды Омска, Краснодар, других регионов, где осуществляли деятельность инглинги. Суды приходят к выводу о том, что этими религиозными объединениями осуществляется пропаганда и публичное демонстрирование атрибутики, сходной с нацистской до такой степени смешения, что в журнале «Ведическая культура», печатном органе Общин Ведической Культуры, публикуются изображения свастических символов, сходных с нацистскими. Указанные обстоятельства становятся основанием для запрета деятельности объединений инглингов.

В апреле 2004 г. управление Министерства Российской Федерации по Омской области добивается в областном суде ликвидации и запрета на деятельность местных объединений инглингов: общины «Капище веды Перуновой», «Асгардской славянской общины», а также духовной семинарии, которой руководил А. Ю. Хиневич.

Решением Краснодарского краевого суда от 5 октября 2006 г. деятельность Краснодарской Православной Славянской общины «Век Ра» (Ведической Культуры Российских Ариев) Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов Скифской Веси Рассении (объединение Ордена-Миссии «Джива – Храм Инглии») была запрещена.

С 2004 по 2009 год деятельность всех объединений инглингов в России запрещается на тех же основаниях. Однако, несмотря на запрет, некоторые представители направления не прекращают религиозную деятельность.

А.Ю. Хиневич продолжает работу в духовной семинарии и воскресной школе, издаёт и пытается реализовать свою книгу «Славяно-Арийские Веды», в которой согласно проведённой религиоведческой экспертизе, содержатся высказывания экстремистской направленности. Им организовываются славянские праздники, где с использованием экстремистской символики проводятся ритуальные обряды и богослужения. 11 июня 2009 г. суд Центрального округа Омска предъявляет Александру Хиневичу обвинение в совершении преступления предусмотренного ст. 282.2 ч. 1 УК РФ и назначает ему наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год и 6 месяцев условно.

В тоже время И. Глоба и А. Трехлебов проводят фестивали и форумы славянских объединений, обучающие семинары в Краснодарском крае (в пос. Мезмай Апшеронского района, в городе Анапе, Темрюкском районе), а также в других регионах страны. Они активизируют взаимодействие с представителями инглингов в Украине. Приглашают в Краснодарский край для проведения семинаров украинских инглингов Владимира и Ладу Куровских.

В процессе деятельности инглингами Краснодарского края осуществляется взаимодействие с представите-

лями вайшнавских направлений (Общество сознания Кришны, Миссия Чайтаньи) в связи с общностью источника знаний. И у тех, и у других религиозные учения основываются на Ведах (у кришнаитов в интерпретации Шрилы Прабхупады, а у инглингов в изложении А. Хиневича). Для обмена религиозным опытом инглинги посещают фестивали Ведической культуры, организованные кришнаитами, а кришнаиты – фестивали Славянской культуры, которые проводятся накануне и, зачастую, в том же месте (или поблизости) от вайшнавского. Кроме этого, отмечается участие инглингов в одних и тех же мероприятиях, зачастую посвященных здоровому образу жизни, с рейками, анастасиевцами, представителями Центра Шри Чинмоя, сторонниками Сатья Саи Баба.

Помимо инглингов на Кубани возникают другие неоязыческие объединения. В 2000-х гг. в г. Электросталь Московской области автором «Ведического православия» Олегом Поповым создаётся неоязыческая праворадикальная группа «Духовно-родовая держава Русь». С момента создания группы Олег Попов в среде последователей именуется как «Царь Православный, Верховный Главнокомандующий (Ордынский), Русской и Заградительной Армией, Великий Князь Духовно-Родовой Державы Русь, полковник Олег сын Николая Атаман Попов».

О группе становится известно после того как её лидеры объявляют о создании государства Духовно-родовая держава Русь, отделении от Российской Федерации, кроме того, приговаривают к смертной казни ряд государственных чиновников. В 2004 г. в Геленджике Краснодарского края создаётся отделение «Духовно-родовая держава Русь» на Кубани. С 2004 г. в Сочи и Новороссийске начинают действовать группы последователей объединения. В Краснодаре создаётся общественное незарегистрированное объединение – группа «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь», которую воз-

главляет Генерал-майор Ратизар, сын Афанасия Князь Сарафанов (в миру – Петр Сарафанов).

«Духовно-родовая держава Русь» устанавливает взаимодействие с другими неоязыческими объединениями как Краснодарского края, так и регионов Российской Федерации, ближнего зарубежья. Пётр Сарафанов направляет обращения и указы, содержащие идеи сепаратизма, расового и религиозного превосходства в общественных организации и органы власти Краснодарского края. Вот некоторые выдержки из его воззваний: «Предлагаю Вам до 9 мая месяца лета 7514 (2005) рассмотреть и решить вопрос по переходу в структуры Духовной Родовой Державы Русь с сохранением званий, чинов, должностей, существующих на данный момент. Не принявшие решение, будут считаться предателями Родины, холуями иудеокупантов, отношение к ним будет суровое, рассматриваемое в рамках военного времени, в связи с ведущейся необъявленной войной, против Руских, против Росии» *(стиль и грамматика сохранены)*²¹ или «Державное Управление Державы Русь обращается к ООН, ко всем послаам и главам государств Мира с предложением о признании Княжества Рускалань и Руси Ведланской, как самостоятельных Княжеств, имеющих право на самоопределение согласно международным пактам, как составной части Собора Вольных держав Славяно-Арийского рода (сокращенно СВОД) и Духовно-Родовой Державы Русь – Великой Матери Ска» *(стиль и грамматика сохранены)*²².

В марте 2004 г. на Родовом Соборе Духовно-Родовой Державы Русь принимается Постановление № 1 «О ношении и применении холодного и огнестрельного ору-

²¹ Обращение к губернатору Краснодарского края, всем руководителям законодательной и исполнительной власти «Ордынская часть № 2» № ОП–35 от 06 дня февраля месяца лета 7514 (2005). С. 1. (Архив М.Г. Рудакова).

²² Указ № 132 май 9 дня лета 7514 (2005) «О назначении Великих Князей Княжества Рускалань и Русь Ведланская Духовно-Родовой Державы Русь» (Архив М.Г. Рудакова).

жия»²³. Через два месяца Духовно Родовой Державой Русь издаётся Указ «Об отношении к христианству и иудохристианской церкви» № 70 от 14 мая 7512 (2004) лета о направлении материала в прокуратуру Российской Федерации с требованием привлечь к уголовной ответственности «иудохристианскую секту в РФ (Русская православная церковь Московский Патриархат), содействующую варягам в тысячелетней оккупации Державы Русь». В Указе также говорится, что «Иисус Христос, он же Князь Тхам Ас – Великий Князь Бус Белояр, потомок Рускага Славяно-Арийского Рода, не имеющий отношения к племени иудейскому – космическому вирусу»²⁴.

При всех очевидных странностях группа численно растёт и даже пользуется определённым влиянием в среде националистических объединений. В январе 2006 г. Петра Сарафанова осуждают по ч. 1 ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации («Возбуждение национальной ненависти»), ч. 1 ст. 201 («Злоупотребление полномочиями»), ч. 1 ст. 330 («Самоуправство»). Деятельность объединения прекращается. Однако в 2010 г. новыми лидерами предпринимается попытка реанимации объединения. В результате Прикубанский районный суд Краснодара 24 ноября 2011 г. приговаривает новых лидеров «Рады земли Кубанской Духовно-Родовой Державы Русь» к году лишения свободы с отбыванием срока в колонии-поселении. Следствием установлено, что Николай Лозинский рассылал в органы власти, правоохранительные органы на территории Краснодара литературу и материалы, содержащие сведения о деятельности, целях, задачах своей организации. При этом в ходе судебного разбирательства было установлено, что распространяе-

²³ Постановление № 1 «Рускаго Славяно-Арийского Родового Собора Духовно-Родовой Державы Русь» от 20–21 марта лета 7513 (2004) (Архив М.Г. Рудакова).

²⁴ Указ № 70 от 14 мая 7512 (2004) лета «Об отношении к христианству и иудохристианской церкви» (Архив М.Г. Рудакова).

мая литература и материалы являются экстремистскими и содержат призывы к изменению основ конституционного строя России, возбуждают национальную и религиозную рознь [Лидер организации..., 2011].

Сегодня в отличие от 90-х гг. XX века новые и нетрадиционные религии всё больше вызывают неоднозначную реакцию. В начале 2000-х по заказу Фонда им. Ф. Эберта Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) проводился опрос «Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на XXI век», включающий пункты отношения к религии. По результатам опроса было установлено, что 32,7% православных, 32,8% мусульман и 35,3% неверующих допускают полное равноправие религий, «за исключением сект, которые посягают на достоинство, права и свободы личности» [Мчедлов, 2000]. В ходе Интернет опроса газеты «Известия» и информационного мультисайта «KM.RU» осенью 2007 г. на вопрос «Надо ли бороться с религиозными сектами?» из 2717 респондентов 50% выбирают ответ «Да, они противопоставляют себя обществу» [Надо ли бороться..., 2007]. В 2008 г. по результатам исследования «Положение молодёжи в Краснодарском крае. Выявление основных показателей социального самочувствия молодёжи Краснодарского края в сфере межконфессиональных отношений», проведённых Центром социальных и маркетинговых исследований, при выявлении проблемного поля в молодёжной среде 16,9% респондентов указывают на угрозу распространения «сектанства» и 56% респондентов на существование опасных для общества религий [Кубанская молодёжь и религия, 2008: 62]. В целом среди россиян (независимо от конфессиональной принадлежности) лишь 29% готовы разрешить нетрадиционным религиям строить культовые сооружения; 25% публиковать и распространять религиозную литературу; 22% – осуществлять религиозное обра-

зование. Почти 40% россиян хотели бы запретить любую религиозную деятельность нетрадиционных религий в своих населённых пунктах и только 7% готовы предоставить зарубежным религиозным объединениям практически полную религиозную свободу [Каарияйнен, Фурман, 2007: 408]. Соответственно можно предположить, что восторженное обращение к нетрадиционным религиозным движениям осталось всё же в 90-х гг. прошлого века. Россияне стали более разборчивы в вопросах религии, отдавая предпочтение традиционным религиозным учениям и организациям.

На сегодняшний день нетрадиционные религии существуют во всех регионах страны и численность их последователей, по мнению Е. Благушкина, растёт быстрее, чем число верующих традиционных религий [Балагушкин, 2014]. При этом важно учитывать, что данные о численности нетрадиционных религиозных объединений и даже примерном числе последователей остаются по-прежнему относительными и, наверное, не совсем точными. Значительное число нетрадиционных религиозных объединений иногда и вовсе не ставят органы юстиции и местного самоуправления в известность о своём существовании, действуя, таким образом, полуподпольно. В другом случае некоторые нетрадиционные религии (и таких не мало) и вовсе не обозначают себя как религиозные объединения, заявляя о статусе социально ориентированных некоммерческих, оздоровительных, просветительских, спортивных и иных общественных, но нерелигиозных организаций.

Попытки модернизации учения, создание на базе существующих исторических религий новых религиозных направлений продолжают и есть основание полагать, что это явление будет только усиливаться. Например, параллельно действующим на территории края ортодоксальным и прогрессивным иудейским органи-

ям относительно недавно в Краснодаре создаётся Еврейская Мессианская община. Особенностью этого движения является сочетание веры в Иисуса Христа (Бог во плоти и Тора, ставшая плотью) с еврейской традицией и поклонением Богу Израиля.

Протестантизм, наверное, больше других конфессий подвержен изменениям, возникновением новых направлений. Например, наряду с действующими Евангелическо-лютеранской церковью и Евангелическо-лютеранской церковью Ингрии в 2006 г. создаётся Евангелическо-лютеранская церковь Аугсбургского исповедания. В совместном заявлении глав Лютеранских церквей в России 8 февраля 2011 г. говорится, что Евангелическо-лютеранская церковь Аугсбургского исповедания «не имеет отношения к историческому Лютеранству в России, не придерживается традиций и порядка, принятых в Лютеранских Церквях» и более того, «дискредитирует лютеранство и исторические Лютеранские Церкви в российском обществе и государстве» [Совместное заявление..., 2011]. В 2015 г. на территории края образована религиозная группа Евангелическо-лютеранской церкви Аугсбургского исповедания, соответственно находящаяся в сложных отношениях с другими Евангелическо-лютеранскими общинами Кубани, которые воспринимают её как новое религиозное движение, возглавляемое раскольниками.

Если лютеране и баптисты возникли на территории региона ещё до революции 1917 г., при этом не оказывая заметного влияния на общественные отношения, то в 90-х годах Краснодарский край оказался в поле зрения различных зарубежных религиозных миссий. Появляются такие современные провозвестники харизматической доктрины процветания, как Церковь Новое Поколение, основанная Алексеем Ледаевым в 90-х гг. в Риге, и Церковь Слово Жизни, образованная Ульфом Экманом в 80-

х гг. в Упсане (Швеция), другие новые протестантские направления. На сегодняшний день протестантизм занимает второе место по числу зарегистрированных религиозных организаций в крае после православия, а действующие протестантские церкви и деноминации входят в состав российских и международных союзов и ассоциаций:

- Российский объединённый Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) (РОСХВЕ);
- Российская Церковь Христиан Веры Евангельской;
- Объединённая Церковь Христиан Веры Евангельской в России;
- Российский союз евангельских христиан – баптистов (РС ЕХБ);
- Всероссийское содружество евангельских христиан (ВСЕХ);
- Совет Христианских Евангельских Церквей;
- Союз церквей евангельских христиан (СЦЕХ);
- Международный союз церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ).

Одним из способов распространения современных направлений в неопротестантизме становятся общины, организованные по сетевому признаку, которые сложно контролировать как обществу, так и государству.

На территории края продолжают действовать такие новые религиозные объединения, как Общество сознания Кришны, Вера Бахаи, Церковь Божьей Матери «Державная», Фалуныгун, саентологи, группы последователей различных восточных культов, неоязычники и т.д.

Идеи движения анастасиевцев воплощаются в создании экологических поселений, которые ещё позиционируются как Поселение Родовых поместий. Наиболее крупными являются «Сказочный край», «Балабушки», «Здоровое», «Дружелюбное», «Живой домъ», «Оазис»,

«Уютное на Водогае», «Синегорье (НП Ведрусия)», «Сказки о силе» и др.

Наряду с религиозными объединениями осуществляют работу и различные коммерческие центры, использующие в своей деятельности разнообразные религиозные учения и практики. Например, действующий в Краснодаре Центр Развития «Эра Водолея» в декабре 2015 г. провёл фестиваль Духа «Эра Водолея». Программа фестиваля включала Цигун, Сатсант «Учение Айвайты», Таро, Энергетическое ушу, Танец Мандалы, Дыхание Натхов, Кундалини Йогу, Крия Йогу, Древнеславянские символы, работу с энергиями, развитие экстрасенсорных способностей и т.д. Стоимость предлагаемых услуг варьировалась от 2000 до 15 000 рублей. Занятия мастера Марины Мещеряковой по «очищению мнипуры-чакры и привлечению в свою жизнь энергии Благосостояния» рекламировались таким призывом: «Планетарная Йога. Чтоб не быть безвольной дурой, развивайте Манипуру...» [Центр Развития «Эра Водолея»]. В определённой среде пользуются популярностью такие мероприятия, как «Практики по Кастанеде: Дар Орла». Ведущий – Воин, член партии Нагваля или «Мантры», ведущий Габриэль – мистик, психолог, исследователь, музыкант, или «Восстановление экологии человека. Изменение сознания», тренер, автор книг Буба Прохожий [Самопознание] и др.

По сравнению с 2000–2010 гг. в 2013–2015 гг. заметно изменилась и миссионерская работа нетрадиционных религиозных движений. Основным информационным пространством становится Интернет. Если ранее нетрадиционные религиозные движения заявляли о себе шумными акциями в домах культуры и на стадионах, то теперь привлечение последователей осуществляется в информационном пространстве. Для некоторых уже нет смысла в посещении религиозных собраний или церквей. Для кого-то с Богом стало проще общаться сидя в кресле

перед монитором компьютера. Истина перестаёт быть собственностью пыльных библиотек и тайных обществ.

Интернет сегодня является наиболее влиятельным информационным каналом не только для молодёжи, но и для людей старшего поколения. Но именно молодёжь в силу своих возрастных особенностей подвергается интенсивному информационному воздействию и зачастую не способна адекватно воспринимать и оценивать получаемую информацию. По результатам исследований, абсолютное большинство молодых людей знакомо с Интернетом и активно им пользуется – 97,7%. Интернет является основным каналом информации, к которому молодёжь проявляет максимальное доверие – это 73,1% из числа опрошенных. В отношении религии акцент смещается на узкоспециализированные группы. Их представлено 30 из 62 или 48,4% из числа свободных ответов. При этом сеть ВКонтакте также лидирует в своём сегменте – 5 из 8 ссылок на социальные сети или 62,5%. При этом важно учитывать, что в сети Интернет представлены практически все нетрадиционные религиозные культы и движения.

Традиционные религии, вопреки многим пессимистическим прогнозам об их будущем (Конт, Маркс, Вебер и др.), продолжают играть важную роль не только в сфере духовной жизни людей, но и оказывать влияние на развитие общественных отношений. На Кубани самой многочисленной и влиятельной на общество продолжает оставаться Русская православная церковь (Московский Патриархат). С 2013 г. она представлена Кубанской митрополией (до этого была Екатеринодарская и Кубанская епархия), в состав которой входят пять епархий. Одним из показателей активизации деятельности РПЦ является увеличение численности организаций с 370 в 2010 г. до 487 в 2015 г. В 2016 г. число православных религиозных организаций выросло до 496. За пятилетний период воз-

росло количество культовых сооружений: с 400 в 2010 г. до более чем 500 в 2016 г.

Но, при этом, важно учитывать, что традиционные религии сегодня существуют под все усиливающимся влиянием господствующего рационализма и индивидуализма. Они существуют в ином, нежели прежде, мире и в ином, нежели прежде, качестве. Они вынуждены совмещаться с обществом современного типа, будучи одним из его социальных институтов, обеспечивающих выполнение ряда жизненно важных для общества функций. Процесс рационализации социальной и духовной жизни влияет на религию и ведёт её, как считает Г. Зиммель, в «иную форму деятельности и осуществления, чем творения трансцендентных построений и отношений к ним» [Зиммель, 1996: 661]. Это, в свою очередь, влияет на религиозность последователей.

В 2016 г. учёными Кубанского государственного университета было продолжено социологическое исследование «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде», которое включает пункты отношения молодёжи к религии. Количество, возрастные характеристики и вид занятости респондентов 2016 г. в целом соответствуют исследованию 2015 г. (2467 и 2658 респондентов соответственно). В обеих выборках допущено целенаправленное смещение в сторону учащейся молодёжи с учётом проблем, интересующих исследователей в первую очередь.

По результатам исследования из 2658 человек (73,1%) относят себя к православию, 3,1% к исламу, 2,4% к иудаизму, 1,6% к католицизму, к другим христианским направлениям – 2,9%. При этом посещают храм (церковь, мечеть, синагогу) каждую неделю только 5,5% из числа опрошенных, 14,6% только по большим религиозным праздникам, 19,9% несколько раз в год и 30,2% очень редко. Более того, священники (религиозные наставни-

ки) являются примером и авторитетом лишь для 3,3% опрошенных, заняв последнее место в списке. Таким образом, число молодых людей, ведущих систематическую религиозную жизнь, составляет всего 5,5% при том, что большинство опрошенных, как мы видим, причисляют себя к последователям традиционных религий. Религиозность большинства опрошенных носит в основном декларативный характер, не оказывая глубокого влияния на поведение и образ жизни большинства из них. По мнению исследователей, это отражает общероссийскую ситуацию и является своеобразным тупиком религиозного воспитания. Большинство на словах согласны с религиозными ценностями, но лишь немногие готовы следовать им в повседневной жизни. А как мы уже говорили выше, именно духовный вакуум, поиск новых религиозных ценностей, якобы полностью отвечающих на вызовы и вопросы современного общества, способствует некритическому принятию учений новых и нетрадиционных религий. Но вместе с этим важно отметить, что сегодня традиционные религии все больше ассоциируются с национальной идентичностью, что подтверждает 73,1% респондентов, указавших на своё отношение к православию. Это одно из тех звеньев, что связывает прошлое народа и его настоящее. Очевидно, что такая функция традиционных религий будет возрастать в современном глобализирующемся мире.

Интересно проследить динамику приверженности к той или иной религии по итогам исследований 2015–2016 гг. С одной стороны, наблюдается незначительное снижение количества приверженцев православного христианства – с 73,1% (2015) до 71,7% (2016). С другой стороны, наблюдается увеличение интереса к исламу – с 3,1 до 4,7% соответственно. Сейчас сложно сказать – ситуативные ли это колебания, связанные с коррекцией выборки, или же некая тенденция. С учётом того, что имен-

но через трансформацию исламских ценностей в настоящее время идёт набор рекрутов в экстремистские и террористические организации, такая тенденция (если это всё-таки тенденция) выглядит крайне настораживающей и требует постоянного системного анализа. Соответственно в целях формирования объективного прогноза, динамика интереса к исламу в молодёжной среде требует более тщательного изучения. На сегодняшний день ислам в регионе представлен Духовным управлением мусульман Российской Федерации – 2 религиозные организации и Духовным управлением мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края – 3 религиозные организации. На территории края действует 5 мечетей.

Также обращает на себя внимание то, что по результатам исследования, 18% из числа опрошенных считают себя верующими, но не принадлежащими никакой определённой религии. Проведённый ранее в рамках совместного проекта газеты «Известия» и ВЦИОМ социологический опрос (1600 респондентов из 150 населённых пунктов 46 республик, краёв и областей), выявляет 11% относящих себя к верующим «неконфессионально» [Клин, 2006]. Аналогичный опрос, проведённый в 2006 г. по схожим методикам Институтом общественного проектирования (ИнОП, Москва), выводит на позицию «верую, но не принадлежу никакой конфессии» 15% респондентов [Семёнов, 2007]. Подобная внецерковная религиозность, разумеется, не означает обязательную принадлежность этих людей к нетрадиционным религиям. Скорее она означает то, что именно эта часть населения является основным резервуаром, из которого пополняют свои ряды новые и нетрадиционные религии.

В заключении можно остановиться на том, что процесс возникновения и роста новых и нетрадиционных религиозных движений как в России, так и за рубежом по-прежнему недостаточно изучен. Проблематика, свя-

занная с деятельностью нетрадиционных религий, их классификация остаются наиболее неразработанными в социологии, философии и религиоведении. До сих пор отсутствует чёткое религиоведческое определение этого явления.

Дальнейшие перспективы распространения, роста количества организаций и числа последователей, влияние на общественную систему нетрадиционных религиозных движений сложно прогнозировать. Но очевидно, что этот процесс будет продолжаться.

Возникновению и становлению некоторых нетрадиционных религиозных движений присущ конфликт с обществом, другими конфессиями. Зачастую деятельности некоторых новых религиозных культов и движений сопутствуют различные правонарушения и конфликты. При этом важно учитывать, что деятельность нетрадиционных религиозных движений зачастую используется в геополитических целях индустриально развитыми державами. Миссионерская деятельность зарубежных религиозных организаций, активизация нетрадиционных религий зарубежного происхождения направляются не только на обращение людей в веру, но и на распространение иных для данного пространства религиозно-духовных ценностей или модернизации существующих, традиционных для определённой территории. Новые и нетрадиционные религиозные движения, образованные на территориях других государств, становятся проводниками ценностей и культуры тех стран, где они возникли.

Может показаться, что исторические религии постепенно утрачивают былое сакральное значение, перемещаясь в область национальной символики. Результаты исследований показывают, что большинство опрошенных не ведут систематической религиозной жизни, но, вместе с тем, относят себя к традиционным религиям. Существенный фактор обращения к религии в данном

случае – повсеместно ощущаемая необходимость в преодолении бездуховности и нравственного кризиса. По этой причине Русская православная церковь продолжает оставаться не только религиозным институтом, но и сакральным символом «русскости», «русской духовности» и русского единства. Историческая память народа запечатлела позитивную деятельность церкви в кризисные и переломные периоды истории – будь то формирование российского государства, освобождение от татаро-монгольского ига или мировые войны. Сегодня многие граждане (среди которых большинство сложно считать определённо верующими) вновь обращаются к традиционной религиозности как к надёжной общественной силе, способной на полезные духовные и социальные поступки. По мнению социолога М. Мчедлова, это явление чётко фиксируется в исследованиях, проводимых в разных регионах, и служит основой патриотически-религиозных течений. Например, даже значительная часть среди неверующих респондентов считает, что религия необходима для сохранения национального самосознания [Мчедлов, 2005: 70]. Рациональное знание и религиозное чувство, которые базируются на ценностном подходе к действительности, способны дополнять друг друга, образуя некое единство, приводящее в состояние гармонии посястороннее и трансцендентное. Г. Зиммель считал, что в современном мире именно нерелигиозным людям необходима традиционная религия в её историческом смысле как вера в трансцендентную реальность. По его мнению, кто не имеет Бога в себе, тот должен иметь его вовне.

Но при этом важно учитывать, что в сравнении с 90-ми годами прошлого века все больше людей обращаются к традиционным религиозным институтам именно с целью обретения Бога. Анализ уровня религиозности населения, проводившийся Отделом социологии религии и

Отделом стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, позволяет сделать выводы, что, например, православие – это не только одно из базисных оснований самоидентификации россиян, но прежде всего религия. По мнению социолога Ю. Синелиной, в России сформировалось ядро – около 10% населения – верующих и религиозных граждан с относительно высокими показателями религиозного поведения, а также участия в религиозной жизни. Это ядро окружает «периферия» (порядка 25–30%) – люди, у которых показатели религиозного поведения ниже, но вместе с тем их жизнь непосредственно связана с религиозными общинами и приходами. Они верят в бессмертие души и считают религию важной частью своей жизни. Ю. Синелина определяла эти группы как «церковный народ» [Синелина, 2013: 114]. Таким образом, именно традиционная религиозность по-прежнему остаётся альтернативой новым и нетрадиционным религиозным движениям, с присутствием им деструктивным явлениям, зачастую негативно отражающихся на общественных отношениях.

Учитывая этноконфессиональное разнообразие Краснодарского края, его геополитическое положение, деятельность новых и нетрадиционных религиозных движений требует к себе особого внимания со стороны как государственных, так и общественных институтов.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ
МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЁЖЬЮ
В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Глава 11

**Разрушение детства как предпосылка
экстремизации сознания молодёжи**

Извращённое воображение порождает вещи, о которых лучше бы не говорить. <...> я отмечу только одну черту – мистическую ненависть к самой идее детства. <...> Люди чувствовали, что злые силы особенно опасны детям...

Г. К. Честертон «Вечный человек»

Очень часто принятие молодыми людьми экстремистских идей – это следствие психологической и/или социальной травмы, полученной ими в детстве. Детский возраст исключительно важен в формировании личности. Как говорил Л. Толстой, «жизнь человека делится на два равных промежутка: до 5 лет и после». Сегодня детство становится объектом многих разрушительных воздействий, что в более взрослом возрасте повышает риски принятия радикальных и экстремистских идей. Соответственно, подлинно профилактическая работа не только в сфере антиэкстремизма, но и вообще профилактики девиантного поведения должна быть направлена на сохранение нормального детства. О чём идёт речь?

Детство – это не просто возраст или период жизни человека. Детство – это ещё и социокультурное явление. Существует очень тонкая и специфичная культура детства, особым образом вписанная в культуру того или иного общества. Культурное обособление детства проис-

ходит не сразу: в традиционных народных культурах детство – это часть общей культуры, а ребёнок рассматривается как маленький взрослый. Как у Н. Некрасова – «мужичок с ноготок». Кстати, это стихотворение Некрасова умиляет именно потому, что читатель уже знаком с культурой детства. Для традиционного народного сознания здесь нет ничего удивительного или умильного.

Важнейшим шагом в обособлении детства в особый культурный мир стал евангельский эпизод о детях и Христе: «Пустите детей приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное» [Матф. 19: 13–15]. Подчёркнутая Евангелием чистота детства стала первым признаком особости детства по сравнению с миром взрослым. Позже эту идею вслед за христианством подхватывает ислам. В дальнейшем по мере развития религиозного гуманизма и его наследия в лице гуманизма светского к XVIII – XIX вв. произошло складывание особой культуры детства, заимствованной впоследствии и другими культурами. Складывание, которое завершается, по-видимому, лишь в начале XX в. совершенно особой советской детской культурной политикой.

Что же представляет собой эта особая культура детства? Её основу составили пять ключевых элементов, пять базовых принципов.

Первый – наиболее древний, имеющий дохристианские корни элемент – это детско-родительские отношения. Как известно, пятая заповедь Моисея гласила: «Почитай отца и мать твою и да продлятся дни твои на земле». К таким традиционным отношениям почтения и послушания христианство добавило идею любви. Подчёркнём, именно идею. Чувства, конечно, существовали всегда, но именно христианство (а потом и ислам) *сделало любовь между родителями и детьми культурным принципом*. Таким образом, иерархические отношения детей и родителей, основанные на послушании, почтении, заботе

и любви, стали первым камнем в фундаменте особого мира детства.

Второй ключевой элемент – это та самая, постулируемая Евангелием *чистота детства*. Чистота, требующая особой защиты от грязи и страха. Целомудренность, ограждение Детства от грязи. Грязи разной – порока, разврата, смерти, насилия – фундаментальных источников хаоса и страданий в человеческой жизни.

Третий элемент – специально создаваемый взрослыми *детский нарратив* (сказки, рассказы для детей), выраженный различными языками (литература, мультфильм, фильм, театр). Это, как ни странно, достаточно позднее изобретение христианской культуры (первоначально). Сказки существовали с незапамятных времён, но они были ориентированы не только и не столько на детей, сколько на взрослых. Традиционные сказки без литературной обработки способны подчас шокировать не то что ребёнка, но и современного взрослого, привыкшего к сказкам литературным. Специальный детский нарратив начинается именно с литературных сказок: великих произведений братьев Гримм, Ш. Перро, особенно (!) – Г. Х. Андерсена, положившего, видимо, начало совершенно потрясающей скандинавской сказочной традиции (С. Топелиуса, А. Линдгрена, Ю. Ли, Т. Янссон и др.). Начиная с Н. М. Карамзина, А. Погорельского и (особенно!) А. С. Пушкина возникает удивительная традиция русской литературной сказки, продолженная Л. Н. Толстым, Н. С. Лесковым, В. Г. Короленко, А. Н. Толстым и др. Особое звучание эта традиция получает в советскую эпоху – сказки Е. Шварца и сказы П. Бажова, появление детского сказочного кино, театра (который существовал и ранее, но в совсем других, неизмеримо меньших масштабах) и телевидения. Сказка, как мы уже писали, несёт в себе не столько развлечение, сколько вполне серьёзную встречу с трансцендентным, с иным, высшим измерением бытия,

с Тайной, Добром, Чудом [Хагуров, 2011]. Детская сказка всегда целомудренна и чиста, и призвана эту чистоту и целомудрие воспитывать.

Другая основная форма детского нарратива (для более старшего возраста) – это приключенческие истории для детей – источник героики и простых и мудрых ценностей: доблести, чести, смелости, верности и т.п. Именно об этой литературе писал К. Г. Честертон в знаменитом эссе «В защиту простого чтения». О ней же пел В. Высоцкий: «значит верные книжки ты в детстве читал».

Наконец, третья основная форма детского нарратива – это ставший популярным в XIX–XX вв. жанр ироничной, философской и драматической репрезентации детской повседневности: рассказы и повести о жизни сверстников: начиная с «Детства Тёмы» до «Чука и Гека», «Тимура и его команды» до «Приключений Петрова и Васечкина».

Четвёртый важнейший элемент, конституирующий мир детства (тоже уходящий корнями в глубочайшую древность) – это *мир детской игры*. Игра – это очень серьёзная вещь, важнейшая деятельность ребёнка. Именно в игре мальчишки и девочки осваивают будущие социальные и культурные роли: мужчин и женщин, матерей и отцов, защитников и хозяек. Игра – это один из главных способов для ребёнка освоить мир, научиться взаимодействовать с ним. Игра – это и развитие воображения (игры, в которых дети сами придумывают сюжеты и правила), и развитие физическое (подвижные игры), и возможность внеобыденных переживаний (игры «в войну», «в пиратов» и т.п.), и развитие собственно социальное («дочки-матери», «гости», «дом») и многое другое, что помогает ребёнку стать взрослым. Игнорировать игру нельзя, из неиграющих детей почти всегда получаются неполноценные взрослые.

Наконец *пятый* фундаментальный элемент мира детства – это *детская игрушка*. Игрушка не менее важна, чем сама игра, но при этом роль игрушки не сводится только к игре. Однако прежде всего с игрушками дети именно играют, поэтому во многом игрушки задают содержание и направленность детских игр. Помимо этого, игрушка для ребёнка является, наряду со сказкой, важнейшей формой репрезентации повседневности, познания окружающего мира. Традиционные игрушки изображали животных (милых и симпатичных) и людей (куклы, солдатики), предметы быта, труда и войны. Играя с ними, дети их естественным образом одушевляли и учились любить. Осваивали социальные роли и навыки: готовить, баюкать младенца, воевать. Знакомились с техникой (разнообразные машинки, паровозы, кораблики и т.п.) и бытом (посудки, кровати, домики, инструменты). Все игрушки перечислить, наверное, невозможно – мир детской игрушки почти также разнообразен, как мир вокруг нас.

Таково беглое и поверхностное описание основных элементов культурного мира детства: *отношения с родителями, детское целомудрие и чистота, детские сказки и повести, игры и игрушки*.

Все сказанное достаточно банально и хорошо известно. Зачем мы об этом говорим, и при чём здесь молодёжный экстремизм? А дело в том, что сегодня практически на наших глазах разворачивается чуть ли не первая в истории *культурная война с Детством*, война, являющаяся, наверное, главным звеном глобального вызова дегуманизации. Ранее мы уже касались вопроса о противостоянии фашизма (антигуманизма) и гуманизма в их исторических и современных формах [Хагуров, 2015]. В плоскости культурной процессы дегуманизации связаны с *постмодернизацией* массового искусства и шоу-бизнеса, которые всё настойчивей продвигают «опыты» и приме-

ры эстетизации порока и откровенной патологии (КончитаВурст – лишь малая капля в этом море) и вообще эксплуатации античеловеческих сюжетов, тем и персонажей (монстры, вампиры, зомби, безумные роботы и т.п.). Относительно постмодернизма и его влияния на культуру и человека написано достаточно много [см.: Ильин, 1998].

Однако в последние несколько лет активно проявляет себя некая *зловещая новизна*, связанная с *аккумуляцией, синергией* процессов, казавшихся ранее никак не связанными друг с другом. Внимательный анализ ряда тенденций, проявляющихся в Европе и агрессивно переползающих в Россию, позволяет говорить о том, что связана именно *война с Детством* как таковым. Война, которая, в случае если она завершится победой, приведёт к тотальному расчеловечиванию. Одним из главных последствий этой войны уже сейчас является *экстремизация и некрофилизация сознания молодёжи*.

В чем же суть этой Войны? Суть в том, что все перечисленные выше базовые элементы культуры детства подвергаются целенаправленному политико-культурному воздействию, которое не просто отменяет эти элементы, но в буквальном смысле *выворачивает их наизнанку*.

Коротко рассмотрим эти процессы и начнём с первого выделенного нами принципа – *детско-родительских отношений*. Отношения эти в Европе в течение достаточно долгого времени подвергаются систематической деструкции, прежде всего – через широкое внедрение так называемой «ювенальной юстиции». Относительно последней также много написано, поэтому проясним лишь самое главное. Основным в ювенальных практиках является целенаправленное разрушение нормальной социальной и эмоциональной архитектуры детско-родительских отношений и замена её на нечто прямо противоположное.

Во-первых, ювенальные практики приводят к отмене нормальной иерархии ребёнок-родитель, где родитель, как более опытный и мудрый, обладает большими правами, чем ребёнок. А ребёнок, начиная с определённого возраста, имеет больше обязанностей, чем прав. Отношения родителей к детям в нормальной семье могут быть выражены понятием *Забота*. Отношение детей к родителям – понятием *Послушание*. И то, и другое должно основываться на *Любви*. Такова нормальная культурная модель, которая, конечно, к сожалению, далеко не всегда воплощалась в реальности, но всё же задавала некий общий вектор в семейной культуре.

В современной ювенальной политике всё переворачивается с ног на голову: там говорится об *обязанностях родителей* и *правах детей*. Понятие «забота» незаметно меняется. Раньше имелась в виду не только и не столько забота о содержании ребёнка, сколько забота о его воспитании. Воспитание же практически невозможно без наказания, которое, наряду с лаской и уговорами, является нормальным средством формирования поведения ребёнка в соответствии с культурными нормами. Сегодня под заботой понимается почти исключительно забота о содержании ребёнка и удовлетворении его разнообразных прихотей. Отказ в удовлетворении последних может стать поводом для вмешательства ювенальных служб. Наказание же как нормальная педагогическая практика фактически отрицается, любое наказание (не обязательно физическое, но и, например, отказ удовлетворять какие-то требования ребёнка) опять-таки может привлечь внимание чиновников по делам семьи.

Принцип любви разрушается через широкое внедрение в массовое сознание (молодёжи, прежде всего) подозрения и презумпции виновности родителей. Широкое тиражирование случаев домашнего насилия в средствах массовой информации заставляет общественность

видеть в каждом родителе потенциального садиста или сексуального маньяка. Массовая реклама телефонов доверия для детей и подростков приводит к тому, что часть подростков начинает шантажировать родителей угрозами позвонить и пожаловаться. Дети тысячами изымаются из семей под надуманными предложениями вроде «недостатка заботы» или «ненадлежащих условий содержания» или того же «насилия». Подобные формулировки предельно субъективны и полностью зависят от мнения конкретного чиновника. При этом нередки случаи грубых ошибок, в том числе приводящих к массовым трагедиям.

Ещё одной формой разрушения детско-родительских отношений становится новая культура усыновления детей, получившая распространение в Европе и США и органично дополняющая ювенальные практики надзора за семьёй и изъятия детей. Принципами традиционной культуры усыновления являются анонимность (когда это возможно) и бескорыстность (не ради выгоды, а из милосердия, любви). Сегодня всё активнее в Европе, США и, к сожалению, уже и в России продвигается модель платного усыновления и опекуна, а также принцип публичности усыновления. Другими словами, усыновлённые дети знают, что они не родные и что их приёмным родителям за них платят. Почти стопроцентный способ убить любовь, на месте которой остаются обида, подозрение и выгода. Разумеется, возможны исключения. Но именно как исключения.

Второй аспект войны с детством связан с выворачиванием наизнанку принципа целомудрия детства. Традиционное ограждение Детства от грязи порока и насилия уступает место своей противоположности. Прежде всего, следует упомянуть так называемый «секс-просвет». Согласно Европейской конвенции о правах ребёнка, обязательное сексуальное просвещение начинается с 6 лет. Программы сексуального просвещения введе-

ны во всех странах Евросоюза и во многих штатах США. Содержание *очень многих* из этих программ далеко от понятия «просвещение», но гораздо ближе к понятию «извращение». Содержащаяся в них информация (в том числе наглядная) провоцирует раннее нездоровое любопытство у детей к сфере сексуальных отношений, что неизбежно вызывает задержки и деформации психического и социального развития ребёнка. Но этим дело не ограничивается. Важнейшим компонентом большинства программ сексуального просвещения является нормализация в детском и подростковом сознании различных видов извращённого секса. Прежде всего того, что охватывается аббревиатурой ЛГБТ (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры).

Малышам рассказывают сказки о двух принцах (или двух принцессах), полюбивших друг друга. В публичном информационном пространстве, доступном детям и подросткам, широко представлены геи и лесбиянки, многие из которых являются известными и уважаемыми людьми – политиками, звёздами шоу-бизнеса.

Первые программы сексуального просвещения были внедрены в Швеции в 1955 г. В 1970-80-е гг. примеру Швеции последовали многие страны Западной Европы. Возраст начала полового просвещения в Европе варьирует от 5 лет в Португалии до 14 в Испании, Италии и на Кипре [Сексуальное образование..., 2012]. Начиная с работ известного сексолога И.С. Кона, в России также хватает сторонников такого «просвещения», которое пока, слава Богу, не стало обязательным. Разумеется, нужно знакомить подростков со сферой отношений между полами, им необходим определённый объём медицинской и психологической информации, но объём, содержание и возраст готовности к этой информации должны определяться очень осторожно и деликатно [Хагуров, 2012].

Наконец, апофеозом этого безумия стала волна легализации однополых браков, прокатившаяся по Европе и США в последние годы. Разрешение отдавать детей в семьи открытых извращенцев* неизбежно приводит к окончательному разрушению тех остатков целомудрия, которые не «добил» секс-просвет. Добавим к этому ползучую сексуализацию детской культуры в целом: девочки-модели, рекламирующие детскую одежду в сексуальных позах, сальные намёки и шутки в детских мультфильмах и фильмах, игрушки типа куклы Барби и т.п.

С другой стороны, детское целомудрие атакуется волной насилия и откровенной некрофилии. Мультфильмы и комиксы (особенно в жанре аниме) не только принесли в детское сознание разного рода патологических персонажей типа Покемонов или Людей-Х, но и вывели репрезентации насилия для детей на качественно новый реалистичный уровень, что, естественно, имело печальные последствия. Но это, как говорится – «цветочки». Цветочки достаточно давно обсуждаемой проблемы «теленасилия» [Тарасов, 1996]. И даже изыски постмодернистской аниме-мультипликации – это не более чем предельное обострение этого теленасилия. Ягодки же связаны с привлечением детей к практикам *реальной* некрофилии. Приведём два примера.

В середине октября 2015 г. ряд российских и международных информагентств, публикует следующую информацию:

«В датском зоопарке Оденсе препарировали на публике льва в научных целях. В датском зоопарке собрались десятки посетителей, которые пришли посмотреть на

*Называть гомосексуализм «извращением» в западной науке стало неприличным. Тех, кто позволяет себе подобное называют «гомофобами» – слововирус, придуманное сторонниками сексуальной революции. На самом деле объём медицинских, психологических, социологических данных, свидетельствующих о том, что гомосексуализм – это именно извращение – огромен. См. напр.: [Колесов, 2002].

вскрытие льва. Зоопарк города Оденсе в Дании заранее разрекламировал натуралистичную акцию. Организаторы препарирования мёртвого хищника уверяют, что это необходимо в учебных целях. Среди зрителей есть дети и подростки, сообщают местные СМИ.

Зоологи считают, что во время публичного вскрытия животного детям покажут львиное сердце, почки и печень хищника, а также объяснят, почему лев считается королём среди зверей.

Отмечается, что хищника для вскрытия усыпили несколько месяцев назад, чтобы популяция в зоопарке не стала слишком большой [*т.е. здорового льва убили, вместо того, чтобы передать другому зоопарку – Т.Х.*]. Все время до акции тело льва хранилось в специальной морозильной камере.

Зооэксперименты уже не в первый раз проходят в Дании. Ранее в зоопарке Копенгагена убили жирафа [*тоже здорового – Т.Х.*], которого затем препарировали на глазах у школьников, а его мясо скормили львам.» [Вскрытие мёртвого льва..., 2015].

Представляется, что какие-то особенные комментарии здесь не нужны. Детей пригласили понаблюдать за расчленением животного... Ход очень тонкий и лукавый. Во-первых, легко оправдаться «научными целями». Во-вторых, этот некрофильский акт бьёт в самую точку: в европейской культуре образы животных давно и прочно вписаны в культуру детства. Сказки и мультфильмы про животных призваны их одушевить, очеловечить в детском сознании. Такие персонажи, как: оленёнок Бэмби, утёнок Дональд, Волк, Медведь, Лиса, Заяц, лев (!) Симба – все они отражают настойчиво проводившуюся столетиями линию гуманизации детского сознания, воспитания в детях любви и милосердия к «братьям меньшим». Зоопарк всегда был местом любви: дети приходили к любимым животным, кормили их, наблюдали, пытались соединить реальные образы животных с мультяшными и сказочными. И всё это разрушается откровенно некрофиль-

ским актом расчленения любимца. Напомню – в традиционной культуре детей учили жалеть больных щенков и котят, птичек и т.п. Здесь же учат чему-то противоположному... Имя этой противоположности – *некрофилия* – любовь к смерти. Любые отсылки к «образовательным целям» – заведомое лукавство.

Однако убийства животных – это опять-таки цветочки... Ягодки же – это международный (и снова «образовательный») проект «Тайны тела. Вселенная внутри». Прочитируем афишу:

«Тайны тела. Вселенная внутри» – скандальная и интересная выставка. Почти 200 объектов реальных человеческих тел представлены на выставке. Все они прошли обработку специальной полимерной консервации, где основной принцип – замена всех жидкостей в организме силиконом. Это позволяет сохранить ткани и органы в их реальном «живом» виде.

Экспозиция «Тайна тела. Вселенная внутри» была создана в 2007 году благодаря сотрудничеству образовательного центра The Universe Within Project, Научного Центра Orlando Science Center и Фонда Анатомических Наук и Технологий в Гонконге.

Выставка состоит из четырёх наборов экспонатов, один из которых сейчас представлен в Москве, два других демонстрируются в разных городах Южной Америки, четвёртый в Орландо во Флориде.

Впервые все смогут увидеть нашу «внутреннюю вселенную», не подвергаясь воздействию токсинов. Полимерный метод считается совершенно безопасным.

Выставка «Тайна тела. Вселенная внутри» – это путешествие для всей семьи. Каждый получит не только истинный взгляд на внутреннюю работу сложнейшего механизма, но и возможность изучить человеческое тело в целом».

Итак, выставка «Тайны тела. Вселенная внутри» рекламируется организаторами, как «образовательный проект для всей семьи». Выставка была создана в США и объехала десятки стран мира, собрав более 30 млн зрителей. Экспонаты выставки – это специальным образом

мумифицированные тела умерших людей с частично или полностью удалённой кожей, мышечными тканями и внутренними органами. Выставка имеет рейтинг возрастного ограничения «6 плюс» (!!!).

Анализ видеозаписей и фотографий экспонатов выставки (уже прошедшей в России в Москве, Нижнем Новгороде и Краснодаре и привлёкшей большое количество посетителей) позволяет заключить, что НИКАКОГО образовательного содержания выставка не несёт. Содержание выставки НЕИЗБЕЖНО провоцирует культурно-психологический шок и направлено на слом нормативных барьеров психики и нравственности посетителей. Особый цинизм и явная психопатология организаторов и авторов выставки проявляется в подборе композиций, на которых человеческие трупы с содранной кожей представлены в жанре особой танатологической псевдо эстетики: имитируют половой акт, занятия различными видами спорта, объятия и т.п.

Превращение трупов умерших людей в предмет зрелища и глумления является глубоко античеловечным и грубым нарушением норм ВСЕХ традиционных религий и культур, а также светского уважительного и благоговейного отношения к смерти. Но самое шокирующее в данном случае – это возможность посещения выставки детьми и подростками (на что очевидным образом рассчитывают организаторы), что ОБЯЗАТЕЛЬНО будет иметь тяжёлые психопатологические последствия, а именно: провоцирование и стимулирование танатофилических и суицидальных фантазий, нарушения сна, деформацию нормативных барьеров психики, провокацию имитационной жестокости и агрессии и т.п. Это, повторимся, откровенная некрофилия. Что может быть более противоположным идее ограждения Детства от грязи и порока – сказать трудно.

Третий компонент войны с детством – исчезновение Сказки – подробно обсуждался в более ранних публикациях [Хагуров, 2011]. Здесь лишь отметим, что сегодня исчезает не только Сказка, исчезает или выворачивается наизнанку детский нарратив во всех своих формах.

Прежде всего, это происходит в так называемом «готическом фэнтэзи» – мистических сюжетах об оборотнях, вампирах, троллях, гномах и т.п., создаваемых на основе кельтской (и не только) мифологии. Нужно оговориться, что отнюдь не все сюжеты такого рода плохи и/или патологичны. Создано довольно много качественных по-настоящему сказочных произведений. Это знаменитые сказочные эпопеи Дж. Р. Толкиена («Хоббит» и «Властелин колец»), К. С. Льюиса («Хроники Нарнии»), Дж. Роулинг («Гарри Поттер») и целый ряд других. В то же время темы приключений различной *нежити* – вампиров, оборотней и зомби – превращаются в отдельную отрасль детско-подростковой литературы и кино. Рекорды побилла вампирская сага «Сумерки» – история любви вампира и обычной девушки. Но вообще сюжетов такого рода множество, и они почти полностью вытеснили другие жанры детского нарратива: приключения, репрезентации повседневности, сказки. Заметим, вся эта «готическая» тематика имеет отношение ко всё той же танатофилии. В большинстве сюжетов просматривается попытка «понять и простить» (гуманизировать) «живых мертвецов», ставших героями популярных произведений. Это неизбежно приводит к разрушению табу на некрофилию, провоцирует влечение к смерти, что вполне отчетливо проявляется в так называемых депрессивных подростковых субкультурах – Эмо и Готов (по счастью, не очень прижившихся в нашей стране!), давно и справедливо обвиняемых в провоцировании суицидальных настроений в подростковой среде.

Другой популярный жанр детского нарратива – комедийные фильмы и мультфильмы. В юморе, в принципе, нет ничего плохого, но нужно помнить очень важную вещь: детское сознание серьёзно, оно серьёзно относится к игре, сказке, игрушке, герою мультфильма и т.п. Для него это такие же серьёзные вещи, какими для взрослых являются работа и политика. Избыток юмора (особенно такого откровенно примитивного, как во многих западных мультфильмах) воспитывает несерьёзное, игровое отношение ребёнка ко многим важным аспектам жизни, репрезентируемых комедиями.

Из детского нарратива почти совсем исчезли две важнейшие вещи: детская *литература*, вытесненная визуальными медиа, и серьёзные истории о *нормальных героях* (приключения) и *сверстниках* (репрезентации повседневности). Их место почти полностью занято ужасами, готикой и комедиями. Те же немногие произведения, которые претендуют на то чтобы восполнить этот пробел, часто скатываются либо к блокбастерам-боевикам («Голодные игры»), либо к откровенной депрессии и патологии (сериал «Школа»).

Четвёртый аспект войны с детством – это *трансформации игры*. Ещё недавно выражение «дети играют», например, на переменках в школе, означало реальное взаимодействие детей между собой в подвижных играх, либо настольных, типа «морского боя» или «крестиков-ноликов». Любой, кто заглянет в современную школу на перемене, увидит, что ничего подобного нет. Дети играют в телефоны и планшеты. То же самое происходит после школы. Игры, как и общение с друзьями, превратились в приложение к гаджетам – смартфонам и планшетами. Игра, которая всегда требовала воображения, умения взаимодействовать, активности – всего того, что развивает ребёнка, эта игра почти полностью осталась в прошлом. Играя с компьютерами и телефонами, дети следуют за

разработчиками электронных приложений, утрачивают воображение и автономность, вовлекаются в иногда откровенно патологические игровые практики. Действительно, огромный рынок компьютерных игр, исчисляемый миллиардами долларов, заставляет разработчиков буквально «взламывать» детскую и подростковую психику, «подсаживая» пользователей на всё более изощрённые игры. Значительную часть из них составляют так называемые «стрелялки», очень реалистично имитирующие различные сцены убийства и насилия. Но дело отнюдь не в «стрелялках» как таковых. Дело – в утрате воображения, самостоятельности и приобретении зависимости от внешних информационных раздражителей. Большинство детей, играющих в электронные игрушки, уже к средним классам школы начинают страдать компьютерной зависимостью (в её разнообразных формах – от игр до социальных сетей) и гаджет-зависимостью (зависимости от технических новинок).

Эта утрата воображения и самостоятельности потом обязательно скажется (и сказывается) во взрослой жизни. Мы уже получаем поколение, многие представители которого не в состоянии нормально освоить базовые социальные роли: мужчины и женщины, мужа и жены, работника и т.п. Корни этого – в детстве, лишённом полноценной игры, а, значит, и полноценного опыта жизни и радости.

Наконец, последний описываемый нами аспект войны с детством – *трансформация игрушки*. Тема эта не новая, по ней существуют достаточно глубокие исследования [Абраменкова, 2006], поэтому скажем лишь самое главное. В своё время много нареканий педагогов и психологов вызвала кукла Барби. Справедливо указывали, что Барби – это не классическая кукла. Она не создана для игры в «дочки-матери» и других подобных игр, формирующих ценности и опыт материнства. С Барби можно

играть в шоппинг, в «тусовки» и другие потребительские практики. Однако Барби – это опять-таки цветочки. Она ведь ещё вполне человеческий персонаж. Настоящая беда – те самые ягодки – связаны с массовым вторжением в пространство игрушки персонажей пост- или анти-человеческих. После Барби появились куклы Братс. Те, кто их видел, подтвердят, что они похожи, скорее, на инопланетян, чем на нормальных людей (непропорционально большая голова и маленькое тело). Другой пример: мальчикам стало почти невозможно купить нормальных солдатиков: рыцарей, ковбоев, индейцев, пиратов и т.п. Зато вы легко купите солдат-скелетов, солдат-монстров и прочую мерзость.

Но и это не самое плохое. Сейчас получают распространение куклы-вампиры, которые спят в кроватках-гробиках чтобы подзарядиться. Вот это уже серьёзно, это уже прямая (снова!) некрофилия. Сопряжение темы детской игрушки и смерти – это ноу-хау современных дегуманизаторов. Куклы-мертвецы, спящие в гробиках... Ещё несколько лет назад подобное могло показаться плохой фантастикой. Но дело заходит ещё дальше. Следом в детской культуре идёт слом табу не только на смерть как таковую, но и на ...каннибализм. Почти в любом продовольственном магазине можно увидеть мармеладные игрушки в виде глаз и других органов тела. Продаются даже наборы из мармелада под названием «завтрак людоеда». «Да это просто шутка!» – скажет обыватель. Да – шутка. Но очень плохая и злая шутка. Детское сознание – повторим – серьёзно. Оно не знает разницы между игрой и реальностью. А сознание, воспитанное на таких игрушках, завтра вполне может зайти дальше, чем «Тайны тела». Почему, если находятся люди, завещающие свои тела для подобных выставок, не могут найтись те, кто завещает себя съесть после смерти? И что помешает это завещание выполнить?

Итак, небольшой и по определению поверхностный обзор некоторых зловещих тенденций, протекающих сегодня в мире детства, позволяет, на наш взгляд, говорить именно о войне. Войне с детством как культурным принципом. Войне, интегрирующей в себя многие пакости, которые традиционно воспринимались как отдельные «заскоки» постмодернисткой культуры. Войне, которая касается всех нас, ибо в ней наши дети рискуют пропасть, как и в войне обычной. Войне, которую наш долг выиграть у дегуманизаторов, иначе завтра наш мир перестанет быть человеческим. У нас ещё есть шанс...

Возможны возражения в стиле: «Вы преувеличиваете, не всё так плохо, и на Западе, и у нас много нормальных семей и детей – сам видел». Разумеется, нормальных семей и детей *пока ещё* много. Но их становится всё меньше. Тенденции, о которых было сказано, пока не захватили *всего* культурного пространства, но они к этому стремятся. И если мы им не помешаем, то у них это получится...

Глава 12
Актуальные проблемы
духовно-нравственного воспитания молодёжи
как важного направления профилактики экстремизма

Утрата антропологического идеала
как причина молодёжного экстремизма

Почти на всём постсоветском пространстве за последнюю четверть века накопилось значительное количество социальных проблем в молодёжной среде: от подросткового алкоголизма и наркомании до юношеского экстремизма и терроризма. Экстремизм проявляется на национальной, религиозной, политической и социально-протестной форме. Почти во всех постсоветских странах (да и не только) происходят столкновения и конфликты между представителями нетрадиционных религиозных сект, экзотических молодёжных субкультур, футбольных фанатов ультрас и пр. Причин у этих проявлений, конечно же, много. Они кроются в идеологии потребительства и индивидуализма, в нехватке образцов положительной героики, в прагматизации национальных систем образования, в отсутствии или запутанности формулировки национальных идей. Но одна из главных, на наш взгляд, причин состоит в отсутствии ясно сформулированного антропологического идеала, к которому следовало бы вести молодого человека. Эпоха декоммунизации 90-х почти на всём постсоветском пространстве привела к отказу от образа советского «всесторонне развитого человека, гармонично сочетающего высокую идейность, организованность, трудолюбие, духовное богатство, нравственную чистоту и физическое совершенство». Возврата к традиционному для христианства образу человека, «совершенного якоже Отец Наш небесный» (Мф. 5: 48), не произошло. В итоге и педагоги, и молодёжь запутались между образами «конкурентоспособной индивидуальности»

сти», «квалифицированного потребителя», «адаптированного индивида», «компетентного специалиста», и т.д. Но, признаемся честно, что ни один из перечисленных образов даже не пытается претендовать на какую-то антропологическую полноту или цельность, ни один из них не предлагает идею жертвенности. Перфекционизм, как стремление к совершенству, и вовсе попал в перечень патологий.

Прагматизация национальных систем и переход на тестовые формы контроля (единый государственный экзамен в России, внешнее независимое оценивание в Украине, единое национальное тестирование в Казахстане) выхолостили эмоциональную составляющую из уроков истории и литературы. А ведь в преподавании родной истории и литературы не должны доминировать тестовая бухгалтерия дотошного вызубривания дат и фактов, нужных для успешного прохождения тестирования. Нельзя родную историю и литературу выхолащивать до сухого остатка голого фактажа. Литератор и историк не должен превращаться в статиста или бухгалтера. Накалённость литературы и пафос истории должны быть пропитаны Любовью к Богу, к Родине, к матери, к человеку. Их не должны заслонять сухие критерии нескольких мини-сочинений единого экзамена по литературе, которые не предполагают собственного стиля и индивидуальной экспрессии. А если из школьной истории и литературы вынуть *накал любви и стремление к смыслу* и препарировать их сухостью тестов, то подростки, стремящиеся к эмоциональной реализации, начинают выплёскивать её боях на футбольных стадионах или сбегают в ИГИЛ с их яркими накалами страстей [Khagurov, 2017].

Мы убеждены, что одна из главных причин этой ситуации состоит в утрате (или не обретении) полноценного антропологического идеала, который должен выступать педагогической сверхзадачей для всей системы на-

ционального образования. Дальнейший текст посвящён попытке создания формулы антропологической полноты, которая помогла бы выстраивать педагогическую реальность нашей запутавшейся молодёжи.

Модель антропологического идеала

Если идеальный образ будущего общества как стратегическую сверхзадачу мы формулируем как ***общество, основанное на справедливости, солидарности, державности, патриотизме, достоинстве, ответственности***, то для такого общества нужен человек, способный выстраивать такое общество. Таким антропологическим идеалом, на наш взгляд, должен быть образ, устраивающий всех разумных патриотов Отечества: и православных, и мусульман, и буддистов, и коммунистов, и настоящих либералов. На наш взгляд, этот антропологический идеал может быть сформулирован так: ***самостоятельный (само-стоящий), здоровый (здравый) человек, стремящийся к духовному, нравственному, умственному и физическому совершенству***.

Разберёмся в этой ёмкой антропологической формуле, обосновав в ней каждое слово, помня, что «нам, огрубевшим от нашей материально неблагополучной жизни, самое время напомнить, что крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это – языковой союз, русский языковой союз» [Трубачёв, 2005: 4]. Поэтому, следуя завету академика О.Н. Трубачёва, каждое слово обоснуем отдельно.

1. Слово **«человек»** (а не личность или индивидуальность) мы употребляем потому, что: а) оно ёмко и полно (и антиномично включает в себя *и широту совет-*

ской всесторонней личности, и глубину гуманистической самореализованной индивидуальности); б) оно отражает отличие человека от бессловесных тварей («В человеке отличительное от прочих тварей свойство есть дар слова. Отсюда название *словек* (то есть, *словесник, словесная тварь*) изменилось в *цловек, чловек* и *человек*» [Шишков, 2001, 43]).

2. Слова «**стремящийся к совершенству**» взяты из формулировки цели учения дореволюционных гимназий России, основанной на слове Спасителя «Будите убо вы совершени, якоже отец ваш небесный совершен есть» (Мф. 5, 48), согласно которой ученики «должны всеми силами своей души стремиться к *совершенствованию* своему во всех отношениях» [Правила для учеников гимназий..., 1874]. В первом русском учебнике педагогики А. Г. Ободовского *образ совершенства* тоже был ясно сформулирован: «Истинное воспитание имеет предметом своим образование всех способностей человека в совокупности. Оно объемлет не одно только тело, но и душу, не один только ум, но и сердце, не одно только чувство, но и рассудок – оно объемлет целого человека. Если представить себе все разнородные силы человека соединёнными в одно согласное целое, то перед нами будет *идеал совершенства человеческого*. Возможное *приближение воспитанника к сему идеалу*, через согласное развитие и образование всех его способностей, составляет **конечную цель воспитания**» [Ободовский, 1833]. Советский антропологический идеал предполагал формирование «людей, гармонически **сочетающих высокую идейность, трудолюбие, организованность, духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство**» [Федосеев и др., 1982].

Мы полагаем, что понятие «**совершенство**», поможет осуществить, по словам Патриарха Кирилла, «синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии

“правые-левые”, позволяя наполнять его хоть абстрактным советским образом совершенной «всесторонне развитой гармоничной личности», хоть конкретным христианским Образом Богочеловека. Слово «совершенство» как «полнота всех достоинств и высшая степень какого-нибудь положительного качества, какой-нибудь добродетели, человек, лишённый недостатков» (С. И. Ожегов), как «полнота, крайний предел свойств, качеств, безукоризненность» (В. И. Даль) вмещает в себе положительные антропологические идеалы всех традиционных для России мировоззренческих систем.

3. Относящиеся к слову **«совершенство»** прилагательные **«духовное, нравственное, умственное и физическое»** охватывают все сферы природы человека: природную, социально-культурную и духовную.

4. Слово **«самостоятельный (самостоящий)»** позволяет реализовывать и гуманистическое стремление к **самостоятельности** и православное основанное

«от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека –
Залог величия его».

При этом А. С. Пушкин ясно и гениально определяет эти Божественные основания для «самостоянья человека» –

«Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам»,

называя их «животворящей святыней».

5. Слово **«здоровый (здравый)»** охватывает стремление к полноте естественного начала человека – его природную сферу бытия. Этимологически происхождение слово «здоровый» и Макс Фасмер, и Н. М. Шанский, и О. Н. Трубочёв относят к праславянскому **sъdorvъ*, родственному «с др.-инд. *su-drú-* 'хорошее, крепкое дерево'» [Трубочёв, 2004: 532]. Образ крепкого дерева указывает и

на природное начало, и на стремление к высокому, и неповреждённую целостность («авест. *druvō* – здоровый, невредимый» [Черных, 1999: 322]). Здоровый (здравый) человек подобен дереву по крепости, по высоте и по *мысли*. В формулировке образа будущего образования России мы принципиально ушли от иноязычных слов (типа, компетентный, адаптированный, индивидуальность, etc.), понимая, что импортозамещение должно начинаться с главных понятий. Именно поэтому мы особое внимание уделили их этимологии.

Формула антропологического идеала

Помня, что жизнь человека протекает одновременно в трёх сферах бытия – природной, социально-культурной и религиозной и, основываясь на этих трёх началах, можно вывести некую формулу полноты человеческого совершенства.

Природное совершенство человека можно описать как *homo adultus* – **человек взрослый, человек здоровый** (здравый). Совершенство социально-культурной сферы описывается понятиями **человек обученный** (знающий + умеющий, разумный + умелый, *homo sapiens* + *homo habilis*) и **человек воспитанный** (культурный + нравственный, *homo mundi* + *homo moralis*). Совершенство в религиозной сфере – это **человек духовный**, *homo spiritalis*.

Таким образом, эта формула такова:

человек совершенный =
= человек духовный +
+ человек обученный (знающий + умеющий) +
+ человек воспитанный (культурный +
+ нравственный) + человек взрослый и здоровый

или

***homo perfectus = homo spiritualis + homo sapiens +
+ homo habilis + homo mundi + homo moralis +
+ homo adultus.***

Но каждое слагаемое этой суммы ещё предстоит наполнить смыслом и содержанием.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призывает не идеализировать какой-либо из периодов российской истории: «Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов. Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого – лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость. На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Чёрно-белой схемы здесь явно недостаточно» [Кирилл, 2014].

Но главное, что чёрно-белой схемы недостаточно не только для описания прошлого, её недостаточно и для видения будущего.

А. Нам нужен всеобъемлющий (без шараханья в крайности) *ясный образ будущего нашего Отечества.*

Б. Нам нужен *ясный идеал человека, способного строить это будущее.*

В. Нам нужно понять, *как возвращать такого человека.*

Система образования страны, которая не может ответить на эти вопросы, бесплодна. Ответы на эти вопросы и составляют, как говорил К. С. Станиславский, **сверх-**

задачу, которая связана и с гражданской позицией, и с мировоззрением. И до тех пор, пока эта **триединая сверхзадача (образ будущего Отечества, антропологический идеал и тактика воспитания)** не будет сформулирована ясно, мы будем слышать возглас Станиславского «Не верю!». И звучать он будь из уст и глаз наших детей. А эта сверхзадача должна быть такой, чтобы она была понятна любому гражданину, любому педагогу и любому родителю в нашем Отечестве. Она должна быть принята и православным, и мусульманином, и коммунистом, и беспартийным. Она должна быть основана на подлинном патриотизме. «Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX-го, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии "правые-левые"» [Кирилл, 2014].

Глава 13

Роль гуманитарного образования в профилактике молодёжного экстремизма

Мы уже писали [Хагуров, 2014; Хагуров, Остапенко, 2017] о том, что войну с экстремизмом и захватившей Россию идеологией потребительства и индивидуализма может выиграть учитель литературы и истории. Именно учитель литературы и истории может вернуть молодёжи веру в силу русского духа, именно школьный учитель должен вернуть нашим подросткам образцы положительной героики разных эпох истории нашего Отечества. В каждой эпохе нашей истории были славные страницы и великие герои, которые воспеты в произведениях нашей литературы от «Слова о полку Игореве» до «Повести о настоящем человеке». Сегодня, когда патриотизм и президентом, и новым министром образования провозглашён основой воспитания молодёжи, школе образ Алексея Маресьева нужнее, чем привлекательный образ Воланда, жертвенность Павки Корчагина нужнее, чем сомнительная «правда» Солженицына о якобы десятках миллионов сталинских жертв. Уроки школьной истории и литературы должны снова стать эмоционально накалёнными. В них не должны доминировать тестовая бухгалтерия до тошного вызубривания дат и фактов, нужных для успешной сдачи ЕГЭ.

Признаемся честно, что в старших классах школ почти исчезли уроки, на которых ученики искренне плачут или восхищаются героями, жертвующими собой во имя Любви. Из их жизни (и не только на уроках) исчезла романтика Джека Лондона и Майн Рида. Они не плачут вместе с Асадовым, они не обмениваются тетрадками со стихами. Они обмениваются надоевшими брошюрами «Репетитор по ЕГЭ», а вечерами ищут эмоциональную разрядку сомнительного качества.

Сегодняшний учитель литературы и истории должен выиграть войну за души молодёжи. Но вот готов ли он к этому? Сможет ли?

На эти вопросы мы попробовали найти ответ, проведя социологическое исследование среди нескольких сот сегодняшних учителей истории, литературы и обществознания.

Опрос проводился по преимуществу среди учителей истории, обществознания и литературы Краснодарского края, хотя незначительная доля педагогов других регионов тоже приняла участие в опросе.

Возрастной и половой состав опрошенных учителей приведён в таблицах 13.1 и 13.2.

Таблица 13.1
Возрастной состав опрошенных учителей, %

Возраст	Учителя истории	Учителя обществознания	Учителя словесности
до 25 лет	2,7	2,7	5,3
25-35 лет	17,8	16,0	6,3
35-50 лет	46,6	46,7	33,7
50-60 лет	27,4	29,3	44,2
старше 60 лет	5,5	5,3	10,5
Всего	100,0	100,0	100,0

Таблица 13.2
Половой состав опрошенных учителей

Пол	Учителя истории	Учителя обществознания	Учителя словесности
Женщины	81,6	75,3	98,0
Мужчины	18,4	24,7	2,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Как видим, возраст учителей-гуманитариев отнюдь не юный, а учитывая, что подавляющее большинство из них женщины (см. табл. 13.2), то получается, что значительная часть – это учителя предпенсионного и пенсионного возраста, вошедшие в возраст частого проявления синдрома эмоционального выгорания. Среди словесников учителей-пенсионеров и вовсе половина. Судя по тому, что доля учителей в возрасте до 25 лет крайне мала, можно сделать вывод, что по окончании вузов молодые специалисты не торопятся в школу.

Целевые установки учителя-гуманитария

Первый вопрос касался целевых установок всех учителей-гуманитариев. Так, учителям словесности был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами литературного образования в школе?» и предложены варианты ответов, к каждому из которых они должны были высказать своё отношение (табл. 13.3).

Возможные цели упорядочены по доле «полностью согласных» с тем, что предложенная цель для них главная.

Сходный вопрос были задан учителям истории. Результаты ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами исторического образования в школе?» представлены в таблице 13.4.

Подобные вопросы были заданы учителям обществознания, среди которых достаточно большое количество тех, кто имеет базовое историческое или филологическое образование и параллельно с обществознанием преподают школьную историю и литературу. Результаты ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами преподавания обществознания в школе?» представлены в таблице 13.5.

Таблица 13.3

«Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами литературного образования в школе?»

Высказывания	Полностью согласен, это правильно	В чём-то правильно, в чём-то – нет, не уверен, что это главное	Совершенно не согласен, это совсем не правильно
Основная цель школьного литературного образования – научить учеников понимать человека, его душу, мотивы и поступки, научить видеть драматургию человеческих отношений.	89,9	9,1	1,0
Основная цель школьного литературного образования – воспитать нравственную личность, любящую свою Родину.	86,9	12,1	1,0
Основная цель школьного литературного образования – воспитать гражданина мира, знающего мировую литературу и культуру, который может легко адаптироваться и достичь успеха в любой стране мира.	67,0	32,0	1,0
Основная задача преподавания литературы в школе – овладеть системой знаний по литературе и литературоведению, сформировать навыки литературной устной и письменной речи.	59,6	39,4	1,0
Основная задача преподавания литературы в школе – подготовить к ЕГЭ и поступлению в вуз.	8,2	34,7	57,1

Таблица 13.4

Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами исторического образования в школе?

Высказывания	Полностью согласен, это правильно	В чём-то правильно, в чём-то – нет, не уверен, что это главное	Совершенно не согласен, это совсем не правильно
Основная задача преподавания истории в школе – овладеть системой исторический знаний, сформировать историческое мышление, позволяющее грамотно анализировать современные исторические процессы.	84,4	15,6	0
Основная цель школьного исторического образования – воспитать патриота, любящего свою Родину и гордящегося ею.	81,3	18,7	0
Основная цель школьного исторического образования – воспитать гражданина мира, знающего мировую историю и культуру, который может легко адаптироваться и достичь успеха в любой стране мира.	62,7	36,0	1,3
Основная задача преподавания истории в школе – подготовить к ЕГЭ и поступлению в вуз.	4,1	52,7	43,2

Таблица 13.5

Что, по Вашему мнению, можно считать целями или главными задачами преподавания обществознания в школе?

Высказывания	Полностью согласен, это правильно	В чём-то правильно, в чём-то – нет, не уверен, что это главное	Совершенно не согласен, это совсем не правильно
Основная задача преподавания обществознания в школе – овладеть системой политических, правовых и экономических знаний, позволяющей успешно адаптировать в современном обществе.	85,7	13,0	1,3
Основная цель преподавания обществознания в школе – воспитать нравственную личность, осознающую своё назначение в мире и обладающую смыслом своей жизни.	85,3	14,7	0
Основная цель преподавания обществознания в школе – воспитать гражданина мира, знающего общемировые законы развития общества и мировую культуру, который может легко адаптироваться и достичь успеха в любой стране мира.	61,8	38,2	0
Основная задача преподавания обществознания в школе – подготовить к ЕГЭ и поступлению в вуз.	5,4	64,9	29,7

Результаты показывают, что во всех трёх случаях учителя отдают предпочтение достаточно прагматическим целям («научить учеников понимать человека, его душу, мотивы и поступки», «овладеть системой исторических знаний, сформировать историческое мышление», «овладеть системой политических, правовых и экономи-

ческих знаний, позволяющей успешно адаптировать в современном обществе»).

Цели нравственного воспитания («воспитать нравственную личность, любящую свою Родину», «воспитать патриота, любящего свою Родину и гордящегося ею», «воспитать нравственную личность, осознающую своё назначение в мире и обладающую смыслом своей жизни»), увы, во всех трёх случаях оказались только на второй позиции. И хотя между первой и второй позициями рейтинговый разрыв невелик (от 0,4 до 3%), такое положение дел не может не настораживать. *Прагматические цели всё же доминируют над целями нравственными.* Превращение образования и воспитания в сферу потребительских услуг вывело прагматизм на первую строку.

Задача «воспитать гражданина мира, знающего мировую историю и культуру, который может легко адаптироваться и достичь успеха в любой стране мира» (эта формулировка была идентичной для всех трёх групп учителей), ушла лишь на третью позицию, что позволяет надеяться на то, что навязываемые два с половиной десятилетия т.н. «общечеловеческие ценности» не стали доминирующими в целевых установках нашего учительства.

На последнюю позицию ожидаемо ушла совсем утилитарная задача «подготовить к ЕГЭ и поступлению в вуз».

Таким образом, мы видим, что сегодняшние учителя-гуманитарии фактически на один уровень ставят прагматические и нравственные цели, отдавая незначительное предпочтение первым.

Но, увы, по их мнению, сегодняшняя система преподавания в школе гуманитарных дисциплин отнюдь не способствует достижению выбранных ими целей. Об этом свидетельствуют ответы на второй вопрос анкеты, представленные в таблице 13.6.

Таблица 13.6

Позволяет ли, на Ваш взгляд, сегодняшняя система преподавания в школе достичь те цели, с которыми Вы согласились в предыдущем вопросе?,%

Варианты ответа	Доля выбравших ответ		
	Учителя литературы	Учителя истории	Учителя обществознания
Да, полностью позволяет	6,3	2,6	0
Скорее позволяет, чем нет	30,2	22,1	44,2
50 на 50	42,7	50,6	45,5
Скорее не позволяет	19,8	16,9	7,8
Совсем не позволяет	1,0	7,8	2,6

Так, лишь 36,8% учителей литературы, 24,7% учителей истории и 44,2% учителей обществознания полагают, что существующая система хоть в какой-то мере позволяет достигать образовательных целей. И такое видение не может не настораживать.

Что же больше всего мешает учителю в достижении поставленных (или выбранных) целей? Ответы на этот вопрос обобщены в таблице 13.7. Учителя имели возможность выбирать несколько вариантов ответа, поэтому итоговые цифры превышают 100%.

Ожидаемо, что загруженность несвойственной учителю работой мешает больше всего. В среднем на это указывают $\frac{3}{4}$ всех учителей-гуманитариев, но больше всех от этого страдают словесники.

Чуть более трети учителей мешающим фактором указали нехватку часов для преподаваемого предмета. Но больше всего это мешает историкам. И это не удивительно, ибо перестроечные и постперестроечные реформы нещадно урезали объёмы часов для преподавания истории (особенно отечественной) в пользу обществознания, введённого с 5-го класса.

Таблица 13.7
**Что больше всего мешает Вам как учителю
 в достижении поставленных целей?, %**

Варианты ответа	Доля выбравших ответ			
	Учителя литературы	Учителя истории	Учителя общество- знания	Все учите- ля (сред- ний пока- затель)
Загруженность несвойственной учителю (пре- подавателю) работой	78,6	75,0	72,4	75,3
Нехватка часов	39,8	43,4	28,9	37,4
Некачествен- ные учебники	25,5	25,0	18,4	22,97
Отсутствие ясно сформулиро- ванных целей на уровне государства	16,3	30,3	21,1	22,57
Большая нагрузка	29,6	18,4	18,4	22,1
Другое	14,3	9,2	7,9	10,45

Приблизительно на одном уровне (около 22–23%) этого антирейтинга находятся три фактора: некачественные учебники, отсутствие на уровне государства ясно сформулированных целей образования и избыточная нагрузка учителей. Некачественные учебники больше всего волнуют литераторов и историков. На необходимость быстрой подготовки качественных учебников, к счастью, обратил внимание президент В. Путин. От перегрузки страдают больше всего учителя-словесники, а историки больше всего переживают из-за отсутствия государственных целевых установок.

Но переживают из-за этого далеко не все. На вопрос: «Должно ли сегодня преподавание истории, литературы и обществознания отражать идеологию российского государства?» утвердительно ответили 68% учителей литературы, 74,7% учителей истории и 80,6% учителей обществознания. Остальные, видимо, не считают себя «людьми государевыми» (см. табл. 13.8), а согласились с ролью пед-официантов, которая предполагает установку на предоставление образовательных услуг, закреплённую в устаревшем федеральном законодательстве эпохи министров-менеджеров, а не министров-государственников.

Таблица 13.8

Должно ли преподавание истории, литературы и обществознания отражать идеологию российского государства?, %

Варианты ответа	Доля выбравших ответ		
	Учителя литературы	Учителя истории	Учителя обществознания
Обязательно должно	39,0	34,7	37,7
Скорее должно, чем нет	29,0	40,0	42,9
Скорее не должно, чем должно	16,0	9,3	7,8
Ни в коем случае не должно	3,0	5,3	5,2
Затрудняюсь ответить	13,0	10,7	6,5

А вот на вопрос: «В каком соотношении должны находиться учебно-познавательный и воспитательный (нравственно-мировоззренческий) компоненты преподавания Вашего предмета?» разные предметники ответили тоже по-разному. Результаты представлены в таблице 13.9.

Сегодняшние учителя-гуманитарии в своём большинстве считают, что учебно-воспитательный компо-

нент преподавания их предмета должен незначительно доминировать над воспитательным (нравственно-мировоззренческим).

Таблица 13.9

В каком соотношении должны находиться учебно-познавательный и воспитательный (нравственно-мировоззренческий) компоненты преподавания Вашего предмета?, %

Преподаватели	Соотношение компонентов преподавания	
	Учебно-познавательный	Воспитательный (нравственно-мировоззренческий)
Учителя литературы	49,63	50,37
Учителя истории	59,82	40,80
Учителя обществознания	56,97	43,03
Все учителя	55,42	44,58

Наиболее ярко данная позиция выражена у учителей-историков (разница почти в 20%), хотя и учителя обществознания не чужды этой установки (разница почти 14%). Лишь учителя-словесники уверены, что соотношение должно быть «50 на 50».

Проблемы содержания гуманитарного образования

Вторая группа вопросов была предназначена для выявления проблем содержания гуманитарного образования в целом и отдельных его предметов в частности.

Поскольку в последние годы серьёзным образом изменилось соотношение часов, отводимых на преподавание отдельных гуманитарных предметов, мы решили понять, удовлетворяет ли это сегодняшних учителей и каким это соотношение в идеале видят они. Желательное соотношение часов для отдельных предметов учителя-гуманитарии видят следующим образом (рис. 13.1).

Рисунок 13.1. Желательное соотношение часов для отдельных гуманитарных предметов, %

При этом разные учителя-предметники видят это соотношение несколько по-разному. Эти различия мы отразили в таблице 13.10.

Таблица 13.10

Как Вы считаете, в каком соотношении должны быть распределены часы на изучение гуманитарных дисциплин в школе?, %

Варианты ответа	Распределили между предметами			
	Учителя литературы	Учителя истории	Учителя обществознания	Все учителя
История	17,27	26,73	25,02	23,01
Литература	35,55	24,32	23,51	27,79
Обществознание	18,55	22,77	21,60	20,97
МХК	12,54	10,86	11,13	11,51
Краеведение	10,79	8,42	10,01	9,74
Религиоведение (религиозная культура)	5,30	6,90	8,74	6,98
Всего	100	100	100	100

Реальное же соотношение часов, отводимое на гуманитарные предметы, сегодня совершенно иное. Представленные на рис. 13.2 данные отражают общее соотношение количества учебного времени в 1–11 классах с учётом Базисного учебного плана. Для расчётов мы использовали данные для универсального профиля старших классов, учли часы для литературного чтения и основ религиозных культур и светской этики в начальной школе. Мировая художественная культура как отдельный предмет не предусмотрена.

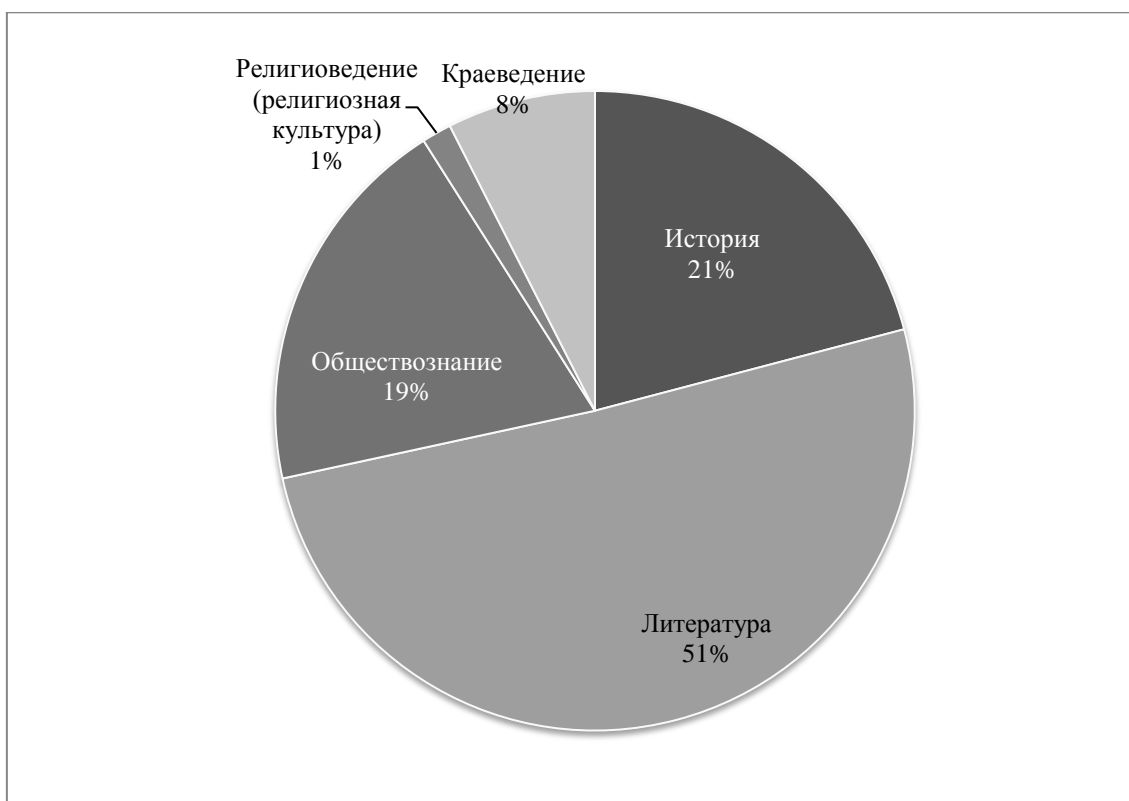

Рисунок 13.2. Реальное соотношение часов для отдельных гуманитарных предметов, %

Учителям истории был задан вопрос о том, каким они видят желательное соотношение количества учебного времени на изучение разных разделов школьной истории. Анализ ответов представлен в таблице 13.11 и на рис. 13.3

Таблица 13.11

Как Вы считаете, какой объём в содержании школьного курса истории должны занимать история древнего мира, классическая и современная отечественная и мировая история?, %

Курс		Объём	
Зарубежная	Зарубежная история Древнего мира	9,10	34,04
	Зарубежная история Средних веков	7,91	
	Зарубежная история Возрождения и Нового времени	8,71	
	Зарубежная новейшая история	8,32	
Отечественная	Отечественная древняя история и история Средних веков (до Петра I)	12,71	65,94
	Отечественная дореволюционная история (после Петра I)	17,96	
	История СССР	20,23	
	Отечественная постсоветская история	15,04	
Всего		100	

Из данных рис. 13.3 хорошо видно, что учителя предполагают, что на изучение отечественной истории необходимо как минимум две трети всего отводимого на историю времени, при этом пятая часть должна быть отведена на изучении советской истории. Увы, сегодняшнее соотношение учебного времени совершенно иное. Да и общее количество отводимого времени на изучение истории явно урезано.

Учителям литературы был задан вопрос: «Как Вы считаете, какой объём в содержании школьного курса литературы должны занимать древняя, классическая и современная отечественная и мировая литература?» Анализ ответов представлен на рис. 13.4.

Учителям обществознания был задан вопрос «Как Вы считаете, какова доля учебного времени должна отводиться на разные разделы обществознания?» Анализ ответов представлен в таблице 13.12 и на рис. 13.4.

Рисунок 13.3. Желательное соотношение количества учебного времени на изучение разных разделов школьной истории, %

Рисунок 13.4. Желательное соотношение количества учебного времени на изучение разных разделов литературы?? %

Таблица 13.12

Как Вы считаете, какова доля учебного времени должна отводиться на разные разделы обществознания?, %

Раздел курса обществознания	Объём времени	
	Желаемый учителями	Реально существующий
Основы государства и права	19,30	35,85
Основы политологии	16,25	7,97
Основы экономики	15,71	24,30
Основы социологии	13,98	26,69
Основы учения о человеке	13,23	23,50
Основы философии и этики	12,25	7,97
Основы учений традиционных религий	9,55	13,57
Итого	100	100

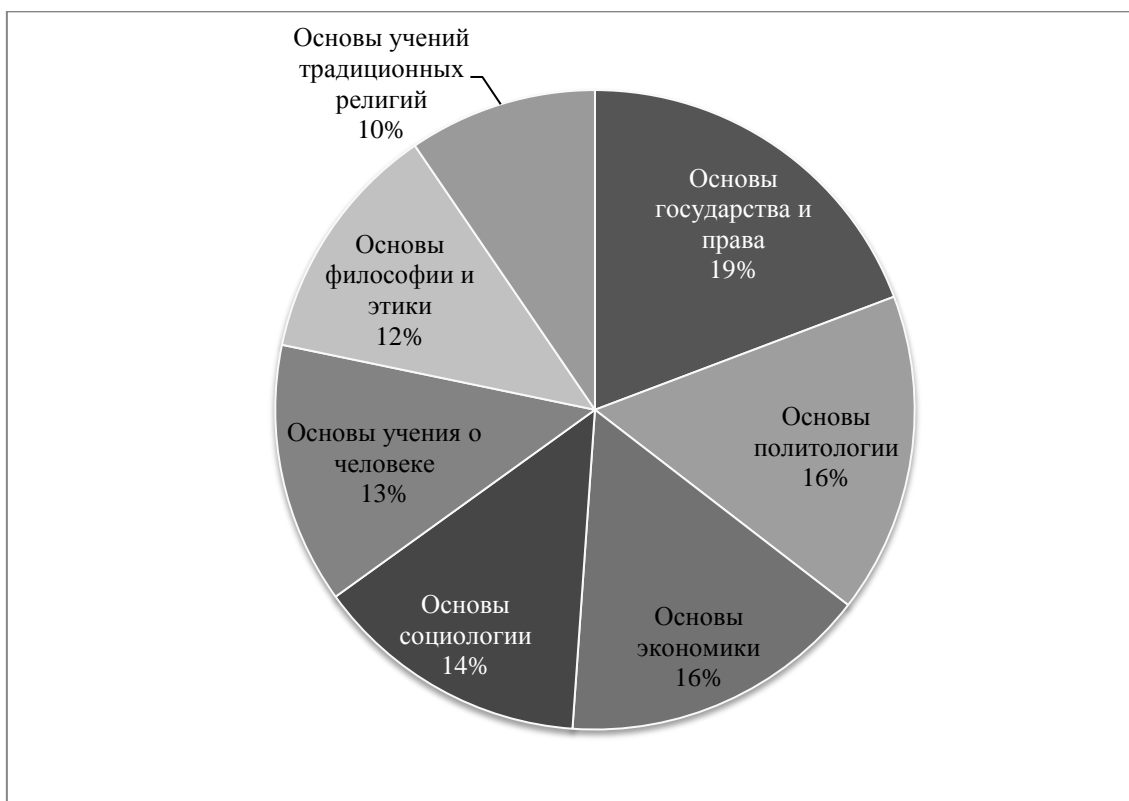

Рисунок 13.4. Желательное соотношение количества учебного времени на изучение разных разделов обществознания, %

Очевидно, что реальное распределение часов на изучение общественных наук не совпадает с чаяниями учителей. Реально существующее распределение объёмов учебного времени посчитано с учётом курса ОРКСЭ (основ религиозных культур и светской этики) в 4-м классе.

Выводы

Проблемы молодёжного экстремизма можно решать либо превентивно на школьной скамье, занимаясь воспитанием подрастающего поколения, либо оперативно и репрессивно, нагружая этим правоохранительные органы.

В сегодняшней ситуации невероятного количества социальных болезней чаще всего используется второй вариант как следствие того, что за последнюю за четверть века учителей превращали из воспитателей-государственников в педофициантов, обеспечивающих потребителей образовательными услугами. А воспитание любви к Родине, патриотизма, как известно, потребить и продать как услугу невозможно. И, несмотря на то, что среди учителей-гуманитариев добрая доля людей молодых, «воспитание патриота, любящего свою Родину и гордящегося ею» перестало быть главной целью. Прозападные реформы сделали своё дело. Прагматичные цели в образовании взяли верх над целями нравственного воспитания. Расчёт победил любовь.

Но всё ли так безнадежно? Конечно, нет. Нравственные цели упрямо сопротивляются прагматизации и компетентизации, несмотря на два с половиной десятилетия попыток их подмены всяческими суррогатами толерантности, мультикультурализма и конкурентности. Переломить эту тенденцию доминирования прагматизации над нравственностью можно путём быстрого изменения образовательной политики государства. Нам необходимо

срочное возвращение приоритета воспитания обязанностей над воспитанием прав, приоритета воспитания патриотизма над стремлением к успеху, приоритета воспитания нравственности над терпимостью ко всякого рода порокам, приоритета взращивания добродетелей над профилактикой пороков. Но для этого необходима государственная воля и решительность.

Подводя итог, следует констатировать, что для того чтобы учитель-гуманитарий имел большее влияние на формирование у молодёжи установок противостояния потребительству, индивидуализму и порождённым ими ксенофобией и экстремизмом, во-первых, срочно необходимо возвращать гуманитарным дисциплинам в школе (в первую очередь истории и словесности) традиционные для этих предметов воспитательные цели, утраченные в последние десятилетия. И цели эти должны быть сформулированы на уровне государства. Во-вторых, необходимо разгрузить учителя-гуманитария. Для этого следует избавить его от несвойственной ему работы: написания бесконечного количества учебных программ и разработок уроков, которые должны создавать учёные-методисты; участия в бесконечных профессиональных конкурсах, фестивалях и мероприятиях.

Полагаем, что окончательная точка невозврата ещё не пройдена. Учителю надо просто вернуть веру в то, что его стремление к воспитанию нравственности совпадает с таким же стремлением власти.

Заключение

Книга завершена, что даёт возможность подвести некоторые итоги непростой работы двух научных коллективов, чьи исследования легли в основу собранных здесь текстов.

Тема молодёжного экстремизма относится к наиболее «острым» и «модным» темам в современной российской социологии. Это обусловлено как запросами социальной практики, в её наиболее политически актуальных формах, так и теории – попыток понять и концептуализировать практические вызовы. Мы попытались посмотреть на проблемы молодёжного экстремизма несколько в более широком ракурсе, чем это обычно принято: включили в монографию разделы, посвящённые молодёжной экстремальности и большой раздел о её профилактике. Связано это с тем, что, по нашему убеждению, собственно экстремизм – всего лишь верхушка айсберга проблем социального неблагополучия молодёжи. В соответствующих эмпирических разделах монографии мы пытались доказать это с помощью цифр и фактов.

В заключение же хотелось бы не резюмировать снова эти цифры, факты и концепции, а ещё раз коснуться вопросов профилактики не только собственно экстремизма, сколько той глобальной *экзистенциальной растерянности* молодёжи, которая и является, по нашему мнению, подводной частью айсберга молодёжных проблем.

Проблему экзистенциальной растерянности учёные могут описать, но вряд ли могут самостоятельно решить. Здесь необходимо активное участие педагогов и деятелей искусства. Вот о них необходимо сказать несколько слов.

Давайте зададимся вопросом: чем *по существу* занимается любой художник (в том числе писатель, поэт, вообще деятель искусства), претендующий на некое социальное и творческое признание? Классическая культура дала известный ответ: служит Истине, Добру и Красоте.

Для классического сознания Истина не только прекрасна сама по себе, но и полезна для человека, ибо позволяет определить истинные (благие и красивые) принципы жизнеустройства. Таким образом, историческая и социальная миссия творческой интеллигенции (куда, следует отнести и педагогов) проста и величественна. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи – материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей заключается в воспроизводстве пищи материальной, задача класса «силовики» – в обеспечении материальной (физической) безопасности, то задача интеллигенции – воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных символов (слов и не только) для выражения правильных идей.

«Что такое «правильные идеи?» – спросит просвещённый читатель. «Разве можно делить идеи на правильные и неправильные?!». Можно! Правильные идеи в любом обществе – это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (Милосердие, Правда, Долг, Верность и др.), а с другой – отражают специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяется общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов (слов, картин, звуков музыки) и языков (литературы, музыки, живописи и т.д.). Так творятся великие произведения культуры, воспламеняющие сердца и вдохновляющие умы современников и потомков. Но любые символы *неизбежно стареют*: слова, музыка и картины становятся привычными, приедаются, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека – при-

вычка лишает даже великие символы их силы. И тогда возникает соблазн Сомнения – Истина становится туманной, неоднозначной и все большее количество людей *всерьёз* повторяют скептический вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?».

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество сломанными табу. XX век дал тому множество примеров – от лозунга русского футуризма: «Сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности», до лозунга американской контр-культуры: «Секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции – найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей Правду на понятном им языке. Если не удаётся это совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает. При этом *население* вполне может остаться, но оно, утрачивая историческую память, превращается «просто в людей», чьё поведение направляется уже не столько ценностями, сколько интересами. Для которых понятия «патриотизм», «религия», «культурные корни» становятся синонимами слова «благополучия». «Родина там, где ниже налоги» – вот кредо такого исторически кастрированного сознания.

Сегодня именно это происходит с существенной частью молодёжи, погруженной в потребительские практики карнавальной постмодернистской культуры. Что в этой ситуации делать педагогам и деятелям искусства?

«Что делать?» – это отнюдь не риторический вопрос, традиционно волнующий русскую интеллигенцию. Не ответив на него, мы оказываемся без точки опоры в ситуации «сомнения» культуры. Ответ на вызовы массовой

культуры, утратившей различие Добра и Зла, может быть только один. Интеллектуалы должны вспомнить о своём долге демаркации границ, отделения высокого от низкого, белого от чёрного, должного от недолжного. О необходимости выносить оценки явлениям культуры и транслировать эти оценки. Делать границы яркими и чёткими. И здесь необходимы смелость и честность. Смелость нужна, чтобы противостоять навязчивой интеллектуальной моде и сложившимся на её основе стереотипам массового сознания, чтобы критически оценивать гримасы постмодернистской эстетики, не боясь прослыть «консерваторами», «носителями тоталитарного мышления», «отсталыми», «несовременными» и «негибкими» и т.п. Часто, к сожалению, отсутствие смелости, боязнь занять непопулярную позицию (среди наших знакомых, коллег и т.д.), помноженные на неверие в возможность изменить мир к лучшему, не позволяют нам резко и определённо выступить в защиту подлинных ценностей и дать оправданно негативную оценку тем или иным явлениям культуры (выставкам, фильмам, телепрограммам, музыкальным произведениям, книгам, популярным героям и т.д.). Разумеется, критикуя, нужно осторожно и внимательно выбирать объекты для критики. Ведь часто новое кажется нам провокационным и опасным только потому, что оно новое. Здесь есть опасность *неофобии* – распространённой сегодня тенденции боязни всего нового и современного и *ретрофилии* – идеализации всего старого. Это другая крайность. Мы должны отдавать себе отчёт в том, что у каждого поколения свои герои. Давайте смотреть не на их внешний вид, а на то, какие ценности выражают и транслируют эти герои. При таком взгляде можно видеть, что современное искусство, несмотря ни на что, порождает новых героев, несущих молодёжи традиционные ценности. Другими словами, идеал борьбы за Справедливость может олицетворяться фигу-

рой Робин Гуда, а может – образом одинокого борющегося с мафией полицейского. Опасность появляется тогда, когда преступник и бандит становится симпатичным парнем, а полицейский – неприятным типом (как в «Криминальном чтиве» или отечественной «Бригаде»). Происходит переворачивание ценностей с ног на голову и тут необходимо вмешиваться. Критическая роль интеллигенции – это всегда путь между Сциллой попустительства и Харибдой мизантропии.

Честность же нам нужна, прежде всего, в виде честности перед самими собой. Нужно внимательно присмотреться к себе и честно ответить на вопрос: а не стали ли мы уже сами жертвами «гедонистического сомнения»? Не начинаем ли мы в глубине души считать, что «всё относительно», что «для кого-то вершина поэзии – Пушкин, а кого-то блатные песни»? Если это так, то это страшно, потому что это *внутренняя капитуляция*. Капитуляция перед лицом торжествующей пошлости, низости и расчеловечивания. И есть веские основания полагать, что опасность такого внутреннего надлома, утраты границ, утраты веры в идеалы отнюдь не выдумана.

Однажды работая с группой учителей на курсах повышения квалификации, один из авторов заострил вопрос об относительности оценок, утверждая, что *не существует* объективных критериев для сравнения поэзии А. С. Пушкина и С. Шнурова*. Самое удивительное и печальное заключалось в том, что **все** присутствующие с этим согласились. И были искренне удивлены, когда слышали о существовании такого критерия, как выразительные возможности языка, задающие богатство (А.С. Пушкин) или бедность (С. Шнуров) описаний и интерпретаций окружающего мира и мира человеческих

* С. Шнуров – лидер группы «Ленинград», тексты песен которого составлены из простых двух- и четверостиший, изобилующих просторечиями, жаргонизмами и ненормативной лексикой.

эмоций, чувств и смыслов. Чтобы избежать подобных ошибок, нам нужна честная рефлексия: сами-то мы верим в идеалы или уже привыкли к тому, что «всё относительно»?

По большому счёту от нас нужно совсем немного: а) дать истинную оценку ложным кумирам и идеалам и б) предъявить обществу истинные идеалы и истинных героев.

Сегодня интеллигенция должна вспомнить о своей исторической миссии – сохранении и защите великих смыслов и ценностей национальной и общечеловеческой культуры. Вспомним пушкинского пророка: «...глаголом жечь сердца людей». Найти эти горячие глаголы, способные вывести молодёжь из состояния экзистенциальной растерянности – наша общая задача.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов В.В. О некоторых проблемах организации деятельности органов внутренних дел в сфере информационного противодействия экстремизму // Закон и право. 2016. № 3. С. 123-124.
2. Апинян Г. В. Девиантное поведение как социокультурный феномен: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филос. наук (09.00.11) / Апинян Григор Валерикович; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. Санкт-Петербург, 2009. 230 с.
3. Бакиров Р.Т., Грузкова С.Ю., Камалеева А.Р. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодёжной среде // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 13-16.
4. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий. М.: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
5. Балагушкин Е. Г. Новые религиозные движения России: структурно-функциональный и семантический анализ. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2014. 448 с.
6. Баркер А. Новые религиозные движения. СПб.: РХГИ, 1997. 284 с.
7. Бахтин С. И., Тюгашев Е. А. Организация противодействия экстремистской деятельности органами государственной власти и местного самоуправления: сборник материалов. Ханты-Мансийск, 2008. 91 с.
8. Башкатов И. П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодёжи / И. П. Башкатов; Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. 416 с.
9. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
10. Болычев Н.И. Противодействие вовлечению молодежи в радикальные организации, осуществляемому с помощью сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 203–208.
11. Брюно В. В. Влияние общественных дискурсов на отношение молодёжи к спиртным напиткам и алкогольные практики // Алкоголь в России: материалы четвёртой международной научно-практической конференции, Иваново, 25–26 октября, 2013 г. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2013. С. 44–61.

12. Брюно В. В. Новая наркоситуация в России – стабилизация или трансформация? [Электронный ресурс] // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года). Мат-лы V Всероссийск. социолог. конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Рос-сийск. общ-во социологов, 2016. С. 5623–5635.
13. Бураева Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 131–134.
14. Варданянц Г. К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 78–84.
15. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 273–306.
16. Верховский А. М., Михайловская Е. В., Прибыловский В. В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль Церкви. М.: Панорама, 1999. 191 с.
17. Взаимодействие органов исполнительной власти в области государственно-конфессиональных отношений. Мат-лы семинара. Краснодар, 2007.
18. Войнова Е. А. Межэтнические конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона: факты, причины, пути решения // Социальная педагогика. 2016. № 3. С. 18–31.
19. Волкова Н. Г. Экстремальность в обществе риска: дис. на соискание учен. степ. канд. философ. наук (09.00.11) / Волкова Надежда Геннадьевна; [Место защиты: Самарский. гос. технич. ун-т.]. Самара, 2011. 166 с.
20. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Исследования: сборник / Сост. и общ. ред. В. В. Шмидта, И. Н. Яблокова. Книга 1(II): Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. М.: МедиаПром, 2010. 172 с.
21. Ворошилова М.Б. Речь учителя как инструмент экстремистской деятельности, или еще раз о профилактике экстремизма в школе // Педагогическое образования в России. 2015. № 2. С. 139–143.
22. Галахов С.С., Тузов Л.Л. Проблемы профилактики экстремизма в среде несовершеннолетних и молодёжи // Наука и школа. 2015. № 5. С. 22–30.
23. Гонопольский М. Х. Алкоголь и разрушение личности. М.: Наука, 1997. 142 с.

24. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 2015. URL: <http://msh.rk.gov.ru/rus/file/gosudarstvennyj-doklad-o-polozhenii-detej-i-semej-imeyushhikh-detej-v-rossijskoj-federacii-za-2015-god.pdf> (Дата обращения: 05.05.2017).
25. Григорьева Л.И. Нетрадиционные религии в современной России: социальная природа и тенденции эволюции: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филос. наук / Л. И. Григорьева; [Место защиты: Москва]. М., 1994. 21 с.
26. Громов Д. И. Изучение молодёжных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 3–7.
27. Дергачев В., Винокуров А. Экстремизм до степени смешения. [Электронный ресурс] // Газета.ru. Исследование. 05.05.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml (Дата обращения: 01.05.2017).
28. Жаворонкова Т.В. Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3. С. 30–36.
29. Жуйков А.А. Интернет и проблема информационного экстремизма в современном российском обществе // Общество и право. 2015. № 4. С. 303–306.
30. Забарин А. В., Иванова А. С. Социальное самочувствие молодёжи и проблема экстремизма // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2013. Вып. 1. С. 121–129.
31. Зацеперы, руферы, диггеры – проблема мегаполиса, пути решения. Методическое пособие / Под ред. А.А. Любцова. [Электронный ресурс] // Городской центр профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних «Дети улиц», 2013. URL: http://sch480c.mskobr.ru/files/Complex480/VospitRabota/Extrim/Zaseregy_metod.pdf (Дата обращения: 13.05.2017).
32. Зеленов Ю.Н., Грибовская Н.Н. Вопросы формирования системы педагогической профилактики молодёжного экстремизма в образовательных учреждениях // Научный портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 77-84.

33. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. М.: Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
34. Зиммель Г. Избранное. Т.1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 661 с.
35. Зинурова Р.И., Алексеев С.А. Идеология экстремизма и особенности становления идентичности российской молодёжи в региональном измерении // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 156–159.
36. Иваненко С. И. Вайшнавская традиция в России: история и современное состояние. Учение и практика. Социальное служение, благотворительность, культурно-просветительская деятельность. М.: Философская книга, 2008. 320 с.
37. Игошев К.Е. Преступность и ответственность несовершеннолетних. Социально-психологический очерк. Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1973. 160 с.
38. Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. М.: ПСТГУ, 2014. 580 с.
39. История религий в России / Под ред. Н. А. Трофимчука. М.: Изд-во РАГС, 2001. 591 с.
40. Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. М.-СПб.: Летний сад, 2007. С. 6–86.
41. Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. 11 ноября 2014 г. [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html>. (Дата обращения: 04.05.2017).
42. Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А. Характеристика экстремизма в молодёжной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) // Психологическая наука и образование. 2014. Том 6. №1. С. 85-99.
43. Клин Б. В. России можно только верить? «Известия» и ВЦИОМ выяснили, каким богам мы молимся // Известия. 2006. 19 декабря.
44. Колычев Е. StraightEdge: трезвый взгляд на панк-культуру [Электронный ресурс] // Redbull. 10.02.2014. URL:

- <https://www.redbull.com/ru-ru/straight-edge> (Дата обращения: 13.05.2017).
45. Косарецкая С. В. Неформальные объединения молодёжи: профилактика асоциального поведения. СПб.: КАРО, 2006. 104 с.
 46. Кравченко М. Кратко о неправомерном антиэкстремизме с января по август 2017 года. [Электронный ресурс] // Сова. Информационно-аналитический центр. [веб-сайт] 01.09.2017. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/> (Дата обращения: 01.09.2017).
 47. Криминология. Учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006. 528 с.
 48. Крючков В.Г. Проблемы экстремизма среди женщин в Республике Дагестан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2. С. 30–32.
 49. Кубанская молодёжь и религия. Вопросы профилактики экстремизма. Информационно-методический сборник. Краснодар, 2008.
 50. Кубякин Е.О., Карнаушенко Л.В., Куликов Е.М., Городенцев Г.А. Экстремизм в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий: монография / [Е.О. Кубякин и др.]. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 102 с.
 51. Кускарова О.И. Профилактика экстремистских проявлений в образовательной и молодёжной среде // Вестник Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №2 (158) С.157-162.
 52. Леонова О.Г. Этноконфессиональный диалог как инструмент профилактики экстремизма в молодёжной среде // Alma mater. Вестник высшей школы. 2016. № 5. С. 76–82.
 53. Липовецкая Ю. А., Огнева Е. А. Преступность несовершеннолетних: региональное измерение // Правовое просвещение и профилактика правонарушений в подростковой и молодёжной среде. Сб. научн. ст. / Под ред. Н.А. Исаева, Е.В. Марковичевой. Орёл: Орловский государственные университеты, ООО ПФ Оперативная полиграфия, 2008.
 54. Литвак Н.В. Запад-Россия-Восток: ценности национальные, географические и исторические // Вестник МГИМО (У). 2014. № 2. С. 250–252.

55. Логинов В. Как кришнаитский алтарь осквернили // Красно-дарские известия. 1996. 30 ноября.
56. Лопаткин Р.А. Современная религиозная ситуация в России: социологический анализ // От политики государственного атеизма – к свободе совести. Мат-лы семинара-совещания (23–26 мая 2000 г). М. 2000. С. 41–56.
57. Луков В.А. Теории молодёжи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». 2012. 528 с.
58. Любин С.Ю., Кубякин Е.О. Контрпропаганда как один из аспектов профилактики экстремизма в деятельности МВД России (исторический аспект и современные тенденции) // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30). С. 81-87.
59. Мельников В.М. Современные социально-психологические тенденции и проблемы противодействия терроризму и экстремизму // Вестник Бурятск. гос. ун-та. 2015. №2 (2). С. 260–266.
60. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодёжной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) [Электронный ресурс] // Радиостанция «ЭХО Москвы» [веб-сайт]. 8 апреля 2011. URL: <http://echo.msk.ru/doc/764494-echo.html> (дата обращения: 05.05.2017).
61. Моисеева В.В. Школьное сочинение как источник социальных представлений о наркотиках // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 21. С. 128–149.
62. Муращенкова Н.В. Социальные представления молодёжи об экстремизме // Национальная безопасность – nota bene. 2015. № 1. С. 123–145.
63. Мчедлов М.П. Вера России в зеркале статистики // НГ-Религии. 2000. 17 мая. № 9 (55).
64. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005. 447 с.
65. Пузыревич Н. Л. Восстановление непрерывности во взаимодействии подростков-трейсеров с миром // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 86–95.
66. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / [М.Е. Позднякова и др.]; под научн. ред.

- М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар; М.: Кубанский гос. ун-т; Институт социологии РАН, 2012. 344 с.
67. Надо ли бороться с религиозными сектами? // Известия. 2007. 28 ноября.
68. Новак М.В., Игнатов М.А. Субкультуры в современной России и визуальное потребление: региональный аспект // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2014. Вып. 9 (180). Т. 28. С. 144–152.
69. О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций. Аналитический вестник // Федеральное собрание – Парламент Российской Федерации: Аналитическое управление. Сер. 8: Оборона и безопасность. Вып. 28. М., 1996.
70. Ободовский А. Руководство к педагогике или науке воспитания, составленное по Нимейеру. СПб.: Тип. Вингебера, 1833.
71. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015 г. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383> (Дата обращения: 01.05.2017).
72. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2014 г. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009> (Дата обращения: 01.05.2017).
73. Официальная статистика: Население [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю: [веб-сайт]. Электрон. дан. 2016 URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/statistics/adgStat/population/ (Дата обращения: 19.01.2017).
74. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
75. Плотников В.В. Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма. Краснодар : КрУ МВД России, 2016. 228 с.

76. Подвешивание [Электронный ресурс] // Тату3000. Материалы салона татуировки и пирсинга. 2010. [веб-сайт] URL: <http://forum.tattoo3000.ru/suspension/> (Дата обращения: 13.05.2017).
77. Подвешивание на крюках [Электронный ресурс] // Практическая чёрная магия [веб-сайт]. Электрон. дан. 2010. URL: <http://blackmagic.2x2forum.com/t3564-topic> (Дата обращения 13.05.2017).
78. Позднякова М.Е. Алкогольное поведение населения России на современном этапе // Алкоголь в России: материалы шестой междунар. науч.-практ. конф. (г. Иваново, 30–31 октября 2015 г.). Иваново, 2015. С. 41–53.
79. Позднякова М.Е. Дети подземелья // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. Сб. / Под ред. М.Е. Поздняковой, М.: ИС РАН, 1999. С. 73–86.
80. Позднякова М.Е. Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков // Социология медицины. 2016. 15(1). С. 25–30.
81. Позднякова М.Е. Особенности современной наркоситуации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков; Ин-т социологии РАН.. М: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 201–227.
82. Позднякова М.Е. Особенности девиантного поведения современной российской молодёжи: на пути криминализации и де-социализации // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 516–548.
83. Положение молодёжи и реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации (2002–2006 гг.). Ч. 1 / [Т. Э. Петрова и др.]; под ред. А.Ю. Ховрина. М.: Ин-т молодёжной политики и социальных технологий «МАТИ» Российского государственного технологического ун-та им. К.Э. Циолковского, 2008. 339 с.
84. Потребление алкоголя в России. Социологический анализ. [Электронный ресурс] / [М. Е. Позднякова и др.] // ИНАБ. 2011. № 1. С. 001-102. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.pdf. (Дата обращения: 01.10.2017).
85. Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Май. Ч. CLXXII. С. 168-204.

86. Профилактика экстремизма в молодёжной среде. Учебное пособие для педагогов и специалистов по воспитательной работе / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2016. С. 45–61.
87. Пушкина П.С., Цирульникова Е.А. Субкультура экстремалов в жизни современного общества. Социально-психологический анализ феномена [Электронный ресурс] // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 11. С. 1206–1210. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86261.htm> (Дата обращения: 01.10.2017).
88. Пятницкая И. Н., Шаталов А. И. Трудные дети – трудные взрослые: здоровые подростки, отклоняющееся поведение молодёжи, предпосылки отклоняющегося поведения, профилактика отклоняющегося поведения детей и подростков / И.Н. Пятницкая, А.И. Шаталов. М.: КноРус 2011. 120 с.
89. Ребров И. От «собачьего кайфа» дети гибнут. Теряют память, становятся шизофрениками [Электронный ресурс]/ Комсомолец Каспия. 28 января 2015. URL <http://kaspyinfo.ru/ot-sobachego-kajfa-deti-gibnut-teryayut-pamyat-stanovyatsya-shizofrenikami> (Дата обращения: 01.10.2017).
90. Религии мира. М.: Белфакс, 1994. 465 с.
91. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006. 1256 с.
92. Религиозные организации Краснодарского края: Справочник / Сост. Л. А. Зуб, Л. С. Ембулаева. Краснодар: Периодика Кубани, 2001. 72 с.
93. Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Ред. Т.А. Хагуров. М.: Институт социологии РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Парабеллум, 2013. 276 с.
94. Рудаков М.Г. Новые религиозные движения. Краснодар: КубГУ. 2004.
95. Рыбакова Л.Н. Контролируемое употребление наркотиков [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие (Мат-лы IV Всеросс. социолог. конгресса). Электрон. дан. М.: РОС, 2012. 1CDROM. URL:<http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part15.pdf>. С. 2204-2209 (Дата обращения: 03.05.2017).
96. Рыбакова Л.Н. Маршруты социализации подростков и место наркотиков // Наркотизация населения в современной Рос-

- сии: специфика, субъекты, динамика / Под общ. ред. М.Е. Поздняковой. М.: Реглант, 2003. С. 67–81.
97. Сандомирский М. Поколение Z: те, кто будет после [Электронный ресурс] // Социальная психология в действии (Блог о социальной психологии малых групп, поведенческой экономике, манипуляциях и деструктивном поведении). URL: <http://www.felicidad.ru/2011/07/z.html> (Дата обращения: 15.03.2017).
98. Сингх С.К. Духовность какова она есть. М.: Рус. ун-т, 1998. 109 с.
99. Сафина Л. Бесконечный суицид. [Электронный ресурс] // Проект «Открытая Россия» 10.08.2016. URL: <https://old.openrussia.org/post/view/16892> (Дата обращения: 02.05.2017).
100. Семёнов В.Е. Религия и вера в современной России: социологический срез // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 5. 30 марта.
101. Сидоров П. И. Синдром моббинга: ментальная экология деструктивного профессиогенеза // Экология человека. 2013. № 6. С. 33–41.
102. Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104–115.
103. Совместное заявление Евангелическо-Лютеранской Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви [Электронный ресурс] // Ингрии на территории России. 08.02.2011. Электрон. дан. URL: <http://www.lutheranworld.ru/images/documents/man.pdf> (Дата обращения: 30.05.2016).
104. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / [Н.З. Дибиров и др.]. М.: РОС-ПЭН, 2009. 512 с.
105. Соловьёва А. Проблемы детского моббинга. Выступление на августовском совещании 19.08.2011. [Электронный ресурс] // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) URL: <http://www.old.sakha.gov.ru> (Дата обращения: 02.05.2017).
106. Состояние преступности в России за январь–май 2016 года: статистический сборник. М.: Министерство внутренних дел

- Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2016.
107. Спирина Л.В., Рудаков М.Г. Профилактика негативного влияния новых религиозных культов на молодёжь // Вестник программы «Дети улиц». Информационный сб. 2004. № 9.
 108. Статистика и аналитика. Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (Дата обращения: 01.05.2017).
 109. Сундиев И.Ю. Из истории неформальных молодёжных объединений. М.: Аспект Пресс, 2006. 65 с.
 110. Творчество, как позитивная девиантность / Под ред. Я.И. Гилинский, Н. А. Исаева. СПб: Алеф-пресс, 2015. 279 с.
 111. Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.
 112. Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры. 2004. 800 с.
 113. Устав Родной партии [Электронный ресурс]. URL: <http://родпарт.рф/index.php/o-party/2015-04-27-21-57-28.html> (Дата обращения: 04.01.2017).
 114. Федосеев П.Н. и др. Научный коммунизм. Учебник для вузов. 5-е изд. М.: Политиздат, 1982. 431 с.
 115. Хагуров Т.А. Куда уходит Сказка? // Воспитательная работа в школе. 2011. № 2. С. 101–104.
 116. Хагуров Т.А. Война, которую может выиграть учитель истории и литературы. Размышления социолога к 150-летию окончания Кавказской войны // Основы православной культуры в школе. 2014. № 4. С. 10–23.
 117. Хагуров Т.А. Неофашизм vs неогуманизм как континуум девиантологических проблем XXI века // Вестник практической психологии образования. 2015. № 1(42). С. 109-116.
 118. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Что может сделать учитель истории и словесности для возвращения молодёжи к традиционным ценностям? М.: НИИ школьных технологий, 2017. 24 с.
 119. Чамкаева Е.П. Анализ деятельности молодёжных организаций в контексте молодёжной политики Федеративной Республики Германия // Проблемы и перспективы развития образования (материалы III Междунар. науч. конф.). Пермь: Меркурий, 2013. С. 32–36.

120. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. А-Пантомима. М.: Рус. яз. 1999. 321 с.
121. Шайхутдинова Г.А. Информационно-образовательные аспекты противодействия идеологии экстремизма в молодёжной среде // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 61-66.
122. Шишков А.М. Славянорусский корнеслов. СПб: Изд-во Л.С. Яковлевой. 2001.
123. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования: монография / [Т.А. Хагуров и др.]. Краснодар: Парабеллум, 2016. 272 с.
124. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования: монография / [Т.А. Хагуров и др.]. Краснодар: Парабеллум, 2015. 232 с.
125. Юзиханова Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №4 (30). С. 82–87.
126. Яхьяев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Исламоведение. 2016. № 3. С. 26–39.
127. Annual Report 2011 for Russian Federation, CEE/CIS [Электронный ресурс] // Country Office Portal URL: https://www.unicef.org/about/annualreport/files/Russian_Federation_COAR_2011.pdf (Дата обращения: 12.04.2017).
128. Arunotai, Narumon. Creating Learning Opportunities, Creating Protection: Migrant Learning Centers in Thai-Burma Borderlands // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan. P. 46–47.
129. Preventing Violent Extremism And Radicalisation In Australia [Электронный ресурс] // Attorney-General's Department © Commonwealth of Australia 2015. URL: <https://www.livingsafetogether.gov.au/informationadvice/Documents/preventing-violent-extremism-and-radicalisation-in-australia.pdf> (Дата обращения: 12.04.2017).

130. Aziz, Sahar. Countering Violent Extremism Coming to a Church Near You (23 March, 2016) [Электронный ресурс] // Huffpost URL: http://www.huffingtonpost.com/sahar-aziz/countering-violent-extrem_b_9526950.html (Дата обращения: 29.03.2017).
131. Ben-Eliezer, Uri. Are 'New Wars' Rational? Symbolic Violence in Israel's Recent Wars // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan. P. 80.
132. Braouezec, Kevin. The English Defense League and the Bloc Identitaire: Reflection on the Influence of State Policies in the Discourse of Extremist Street Movements and Their Future in England and in France // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan. P. 115-116.
133. Browne Craig. Modernist Visions and Contemporary Modernities // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
134. Brubaker, Rogers. Grounds for Difference. – London: Harvard University Press, 2015. 240 p.
135. Brubaker, Rogers. Religious Dimensions of Political Conflict and Violence // Sociological Theory. March, 2015. Vol. 33, no. 1 (2015). P. 1-19.
136. Felbab-Brown, Vanda. Peace or Plunder? Illegal Economies in Myanmar's Ethnic Conflict (7 December, 2015) [Электронный ресурс] // Brookings URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/12/07/peace-or-plunder-illegal-economies-in-myanmars-ethnic-conflict/> (Дата обращения: 30.03.2017).
137. Ferreira, Rialize. Different Viewpoints of Contemporary African Intrastate Small Wars // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
138. Fridman, G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st century. – N.Y.: Doubleday,
139. Fritz, Jan Marie. Addressing Inequality through the Mediation of Disputes and Regional Conflicts // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology

- (13–19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
140. Gerharz, Eva. After the Insurgency: Changing Strategies for Countering Political Inequalities in Bangladesh // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology (13–19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan. P. 310-311.
141. Gutierrez Chong, Nativadid. Ethnic Conflict and Internal Colonialism: Theoretical Reflections for the Indigenous Mobilizations of the 21st Century // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology (13–19 July, 2014): Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan. P. 349.
142. Hadra, Dana. A How-to on Countering Violent Extremism (21 March, 2016) [Электронный ресурс] // The Brookings Institution [веб-сайт]. 21.03.2016. (Дата обращения: 01.10.2017).
143. Herd Behavior. 2014 [Электронный ресурс] // CommonLit [веб-сайт] 2014. URL: <https://www.commonlit.org/texts/herd-behavior> (Дата обращения: 01.10.2017).
144. Hirschi T. Causes of Delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 309.
145. Jenkins, Brian Michael. How Terrorists Get Here // RAND Corporation Objective analysis. Effective solutions. [веб-сайт] 18.12.2015. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/12/how-terrorists-get-here.html> (Дата обращения 01.10.2017).
146. Jenkins, Brian Michael. Predicting the 'Dangerousness' of Potential Terrorists [Электронный ресурс] // RAND. Corporation Objective analysis. Effective solutions. [веб-сайт] 02.03.2015. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/03/predicting-the-dangerousness-of-potential-terrorists.html> (Дата обращения: 02.10.2017).
147. Jenkins, Brian Michael. The Allure of ISIS for Young Recruits [Электронный ресурс] // RAND. Corporation Objective analysis. Effective solutions. [веб-сайт]. 20.03.2015. (Дата обращения: 02.10.2017).
148. Jenkins, Brian Michael; Clair, Jean-Francois. Attempting to Understand the Paris Attacks [Электронный ресурс] // RAND. Corporation Objective analysis. Effective solutions. [веб-сайт] 26.02.2015. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/02/attempt->

- ing-to-understand-the-paris-attacks.html (Дата обращения: 02.10.2017).
149. Jenkins, Brian Michael; Clair, Jean-Francois. Different Countries, Different Ways of Countering Terrorism [Электронный ресурс] // RAND. Corporation Objective analysis. Effective solutions. [веб-сайт] – 02.03.2015. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/03/different-countries-different-ways-of-countering-terrorism.html> (Дата обращения 02.10.2017).
 150. Khagurov T. Evil as a Subject of Sociological Cognition: Methodological Reflections / Future Human Image. 2017. Vol. 7. P. 36–45.
 151. Khamid, Shadi. Islamic Exceptionalism: How the Struggle Over Islam Is Reshaping the World. // NY: St. Martin's Press. 2016.
 152. Khamid, Shadi. Temptations of Power: Islamists and Illiberal Democracy in a New Middle East // Oxford University Press, USA. 2014.
 153. Koser, Khalid. IDPs, refugees, and violent extremism: From victims to vectors of change [Электронный ресурс] // The Brookings Institution [веб-сайт] 20.02.2015 URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/02/20/idps-refugees-and-violent-extremism-from-victims-to-vectors-of-change/> (Дата обращения: 01.10.2017).
 154. Kramer, Rory; Burke, Ruth; Z. Charles, Camille. When Change Doesn't Matter: Racial Identity (In)consistency and Adolescent Well-being / Sociology of Race and Ethnicity. (April, 2015). No. 1. P. 270-286.
 155. Lamb, M. E. The role of the father in child development (4th ed.). / New York: Wiley. 2004. P. 552.
 156. Laney, Zhang. Legal Provisions on Fighting Extremism: China [Электронный ресурс] // Report by the Law Library of Congress. November, 2015. URL: <http://www.loc.gov/law/help/fighting-extremism/china.php> (Дата обращения: 01.10.2017)
 157. Legewie, Joscha; Schaeffer, Merlin. Contested Boundaries: Explaining Where Ethno-Racial Diversity Provokes Neighborhood Conflict // The American Journal of Sociology. Chicago, University of Chicago Press. 2016. Vol. 22, no.1. P. 125–161.
 158. Light T., Michael; Ulmer T., Jeffery. Explaining the Gaps in White, Black, and Hispanic Violence since 1990: Accounting for Immigration, Incarceration and Inequality // American Sociological Review. – April, 2016. – Vol. 81(2). P. 290–315.

159. Lützingen Saskia. Die Sicht der Anderen Eine qualitative Studie zu Biographien von Extremisten und Terroristen. // Das Rhein-Ruhr-Institut für Sozialforschung und Politikberatung an der Universität Duisburg-Essen // Köln: Wolters Kluwer Deutschland GmbH. 2010.
160. Mehdi, Anisa. Of Murder, Men and God [Электронный ресурс] // Stratfor Worldview. [веб-сайт]. Aug 20, 2016. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/murder-men-and-god> (Дата обращения: 01.10.2017).
161. Meyer, Kim-Claude; Gerster, Marco. Hooliganism and the Dark Side of Football Events / XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology (13-19 July, 2014) // Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
162. Mieriņa Inta; Koroļeva Ilze Support for far right ideology and anti-migrant attitudes among youth in Europe: A comparative analysis // The Sociological Review –Dec 1, 2015. Vol. 63:S2. P.183–205.
163. Mowen J., Thomas J.; Stansfield, Richard. Probing Change in Racial Self-identification: A Focus on Children of Immigrants // Sociology of Race and Ethnicity. 2016. Vol. 2(3). P. 323–337.
164. Nye, F. Ivan. Family Relationships and Delinquent Behavior. New York : John Wiley, 1958.
165. O’Hara C. The philosophy of punk: More than noise. London / San Francisco; Edinburgh: AK Press. 1999.
166. Rodríguez-Francoa, Diana. Internal Wars, Taxation, and State Building // American Sociological Review. February 2016. Vol. 81, no.1. P. 190–213.
167. Rosand, Eric. Minding the Gap: A Multi-Layered Approach to Tackling Violent Extremism [Электронный ресурс] // The Royal United Services Institute (RUSI) [веб-сайт]. 5 July 2016. Vol. 36(4). URL: <https://rusi.org/publication/newsbrief/minding-gap-multi-layered-approach-tackling-violent-extremism> (Дата обращения: 02.10.2017).
168. Salomo, Katja. Spatial Indicators of Right-Wing Extremist Attitudes // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal Word. Challenges for Global Sociology 13–19 July 2014: Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
169. Sande V. On crowds. The social psychology of crowd behaviour. / RuG, Groningen. March 2005. [Электронный ресурс] URL:

<http://www.vandesandeinlezingen.nl/serv03.htm> (Дата обращения: 30.03.2017).

170. Schutte, Gerhard. 'Bastards' in a Globalizing World: Subverting Ethno-Racial Hierarchies // XVIII ISA World Congress of Sociology: Facing an Unequal World. Challenges for Global Sociology 13-19 July — 2014: Book of Abstracts. Pacifico Yokohama, Yokohama, Japan.
171. Timm H. Chr. Rechtsextremismus. Untersuchung eines unhandlichen Begriffs. 1995 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audimax.de/fileadmin/hausarbeiten/politik/Hausarbeit-Politik-Rechtsextremismus-Untersuchung-deines-unhandlichen-Begriffes.pdf> (Дата обращения: 06.03.2017).
172. Tom de Castella, Caroline McClatchey UK riots: What turns people into looters? // BBC News Magazine, 9 August 2011 [Electronic resource] URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-14463452> (Дата обращения: 29.03.2017).
173. Violence in Burundi Raises Fears of Ethnic Conflict Elsewhere [Электронный ресурс] // Stratfor Worldview. [веб-сайт]. Nov 16. 2015. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/violence-burundi-raises-fears-ethnic-conflict-elsewhere> (Дата обращения: 01.10.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Брюно
Виктория Владимировна* кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН;
- Войнова
Елена Александровна* научный сотрудник кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета;
- Донцова
Галина Геннадьевна* аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета;
- Ковалёва
Маргарита Сергеевна* научный сотрудник кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета;
- Овчарова
Ксения Владимировна* кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета;
- Остапенко
Андрей Александрович* доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного университета и Екатеринодарской духовной семинарии;
- Позднякова
Маргарита Ефимовна* кандидат философских наук, заведующая сектором девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН;
- Рудаков
Максим Геннадьевич* аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета;
- Рыбакова
Лариса Николаевна* научный сотрудник сектора девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН;

*Хагуров
Темыр Айтөчевич*

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Кубанского государственного университета;

*Шульгина
Елена Викторовна*

научный сотрудник Сектора девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН;

*Чепелева
Лада Металловна*

кандидат психологических наук, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета.

Научное издание

Брюно Виктория Владимировна, **Войнова** Елена Александровна,
Донцова Галина Геннадьевна, **Ковалева** Маргарита Сергеевна,
Овчарова Ксения Владимировна, **Остапенко** Андрей Александрович,
Позднякова Маргарита Ефимовна, **Рудаков** Максим Геннадьевич,
Рыбакова Лариса Николаевна, **Хагуров** Темыр Айтчевич,
Шульгина Елена Викторовна, **Чепелева** Лада Металловна

Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи

Редактор Н. Никс

Компьютерная верстка и дизайн обложки А. Остапенко

ISBN 978-5-89697-290-7

9 785896 972907

Подписано к печати 24.10.2017

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Гарнитура «Cambria».

Усл.-печ. л. 21,25. Тираж 500 экз. Заказ 3124.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук

117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп.5

Тел.: 8 (499) 125-00-79

E-mail: fnisc@isras.ru

Сайт: <http://fnisc.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательско-полиграфическом центре КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149